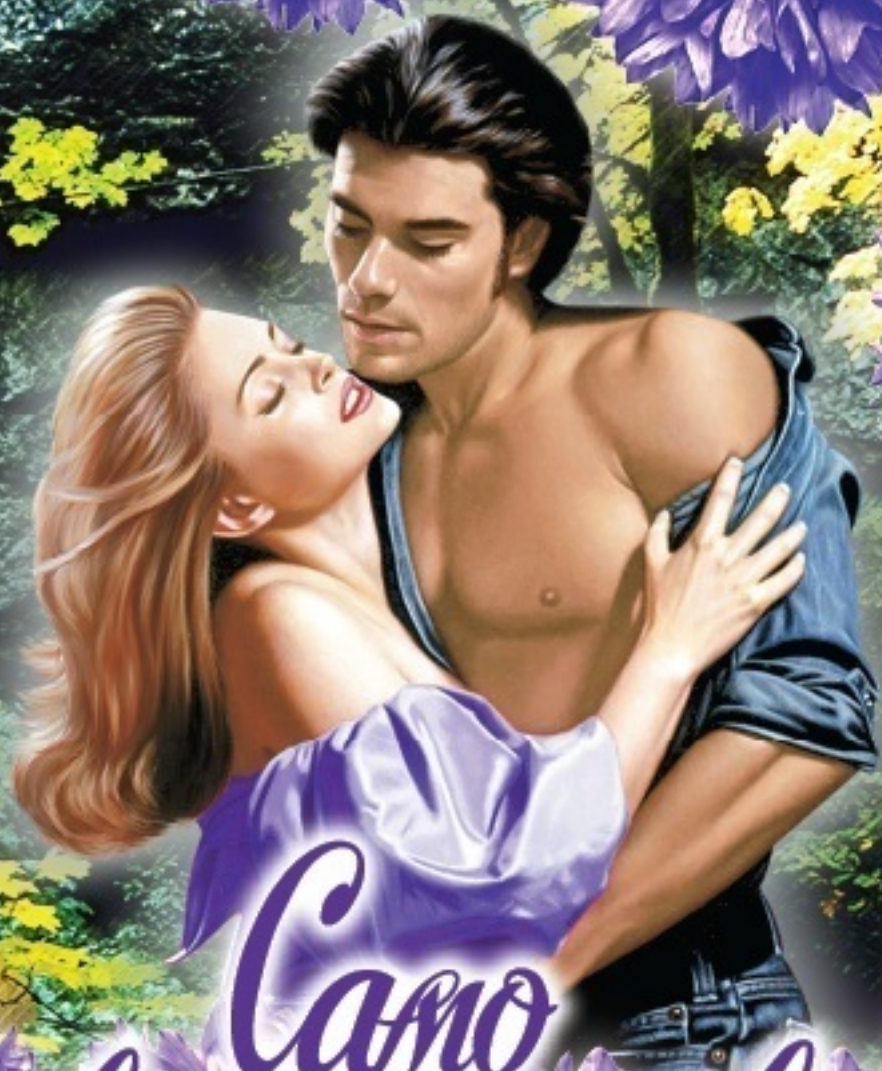


шарованье

ДЖУДИТ МАКНОТ



Само
совершенство

МАКНОТ

Джудит Макнот

Само совершенство

«АСТ»

1993

Макнот Д.

Само совершенство / Д. Макнот — «АСТ», 1993

ISBN 978-5-17-073312-5

Что чувствует один из самых богатых, красивых, талантливых и популярных актеров Голливуда, если в один страшный день он теряет все и, обвиненный в гнусном убийстве, оказывается в тюрьме? Или, может быть, пройдя через это нелегкое испытание, он приобретает нечто большее – истинную любовь?

ISBN 978-5-17-073312-5

© Макнот Д., 1993

© АСТ, 1993

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	44
Глава 7	49
Глава 8	55
Глава 9	57
Глава 10	61
Глава 11	66
Глава 12	69
Глава 13	75
Глава 14	77
Глава 15	79
Глава 16	80
Глава 17	88
Глава 18	93
Глава 19	98
Глава 20	104
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Джудит Макнот

Само совершенство

Judith McNaught

PERFECT

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Curtis Brown, Ltd. и Synopsis.

© Judith McNaught, 1993

© Перевод. Я.Е. Царькова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Пролог

1976 год

Маргарет Стенхоуп стояла у распахнутых дверей веранды и с выражением ледяного презрения на породистом лице наблюдала за тем, как дворецкий обносит напитками ее внуков, только что приехавших на летние каникулы из престижных и весьма недешевых учебных заведений, призванных дать своим питомцам солидное конкурентное преимущество на старте. С высокой веранды открывался вид на утопающую в зелени долину, в которой уютно расположился Риджмонт, штат Пенсильвания, – небольшой городок с просторным торговым центром, ухоженным городским парком и извилистыми улицами, обсаженными аккуратными стриженными деревьями. Чуть правее от города, среди разбитых на зеленых холмах площадках для гольфа можно было разглядеть сооружения, принадлежавшие привилегированному загородному клубу. И в самом центре долины, в центре города билось его сердце – разместившийся в неприметных постройках из красного кирпича и занимавший солидную территорию промышленный комплекс «Стенхоуп индастриз». Именно эти принадлежащие Стенхоупам промышленные предприятия кормили большинство живущих в Риджмонте семей.

Как это часто бывает в провинциальных городах, Риджмонт имел четкую и отлаженную систему общественной иерархии, в которой семейство Стенхоупов было подобно шпилью на куполе здания, представляющего собой социум городка. И, что весьма символично, особняк Стенхоупов также возвышался над городом на недостижимой высоте, венчая собой самый высокий холм в окрестностях Риджмонта. Отец Маргарет был далеко не самым последним человеком в городе, как, впрочем, и мать, но, выйдя замуж за Стенхоупа, Маргарет, безусловно, поднялась на самую верхушку шпиля.

Однако сейчас Маргарет Стенхоуп мало занимала красота открывающегося с веранды вида. Не радовало ее и сознание того, как высоко удалось ей подняться над окружающими. Мысли Маргарет были сосредоточены на том сокрушающем ударе, который она готовилась нанести трем своим никчемным внукам. Самый младший из них, шестнадцатилетний Алекс, хоть и поглядывал с вождением на бокалы с холодным шампанским на серебряном подносе, заметив, что бабушка наблюдает за ним, сделал выбор в пользу чая со льдом. Что он, что его сестра – два сапога пара, презрительно подумала Маргарет, окинув их обоих уничижительным взглядом. Оба были избалованны, бесхребетны и безответственны. И Алекс, и его сестра слишком много развлекались, слишком много тратили и слишком мало трудились. Вседозволенность их испортила. Они понятия не имели ни о самоограничении, ни о самодисциплине. Впрочем, их сладкой жизни скоро будет положен конец, с удовлетворением подумала Маргарет.

Она проследила взглядом за дворецким, который сейчас предлагал напитки Элизабет, одетой в желтое обтягивающее летнее платье с возмутительно глубоким вырезом. Почувствовав, что за ней наблюдают, семнадцатилетняя бесстыдница, окинув Маргарет взглядом, в котором вызывающая надменность мешалась со столь же вызывающим презрением, взяла с подноса два бокала шампанского, не ведая о том, что в своем стремлении доказать собственную зрелость демонстрирует типичное подростковое упрямство и желание досадить старшим. Маргарет воздержалась от комментариев. Девчонка вся пошла в мать – такая же пустышка, с удовольствием выставляющая напоказ свое сексуальное тело. Восемь лет назад, так ничего и не поняв в этой жизни, ее мать погибла в автомобильной аварии. За рулем спортивной машины, потерявшей управление на обледеневшем участке шоссе, был тогда сын Маргарет. Он не только лишил жизни себя и свою жену, но и оставил сиротами четверых детей. Согласно полицейскому отчету, оба они в тот момент были пьяны и ехали с большим превышением скорости.

А шесть месяцев назад случилась еще одна трагедия: погиб муж Маргарет. Невзирая на преклонный возраст и нелетную погоду, он отправился на собственном самолете на рыбалку, захватив с собой двадцатипятилетнюю модель – очевидно, для того, чтобы было кому насаживать наживку на крючок, с холодным безразличием подумала Маргарет.

Аварии со смертельным исходом являлись закономерным следствием развращенности и беспечности, которыми отличались представители мужской половины Стенхоупов на протяжении нескольких поколений. Каждый из этих самовлюбленных беспутных красавцев жил так, словно никто и никогда не мог призвать их к ответу за прегрешения, словно молодость, здоровье и сама жизнь давались им навечно.

И пока ее распутный муж транжирил состояние, потакая своим порочным склонностям, и учил внуков жить так, как привык жить сам, Маргарет мертвой хваткой держалась за то, что осталось от ее попорченного достоинства, выработав с годами железную самодисциплину и самоконтроль. В прошлом году муж ее привел проститутку в их с Маргарет семейный дом, и, пока она спала или делала вид, что спит, в спальне наверху, муж в гостиной первого этажа забавлялся с этими женщинами вместе с внуками. В оргии приняли участие все мальчишки. Все, кроме Джастина. Ее любимого Джастина...

Интеллигентный, умный, трудолюбивый, Джастин единственный из внуков пошел в ее родню, и Маргарет любила его всеми фибрами души. Но сейчас Джастин был мертв, в то время как его брат Захарий благоденствовал, и сам этот факт вызывал у Маргарет возмущение своей вопиющей несправедливостью.

Повернув голову, она проводила взглядом Захария, торопливо поднимающегося по каменным ступеням на веранду, куда она их всех позвала. Маргарет чувствовала, как грудь распирает от ненависти. Этот мутный поток был готов выплеснуться из нее в любой момент. Один вид высокого темноволосого юнца восемнадцати лет от роду был для нее невыносим. Непроизвольно она сжала в руках бокал, с трудом подавив желание выплеснуть содержимое в его загорелое лицо.

Захарий Бенедикт Стенхоуп-третий, названный так в честь мужа Маргарет, выглядел в точности так, как выглядел в его возрасте дед, но Маргарет презирала его не из-за этого. На то у нее имелась более основательная причина, и Захарий отлично знал, в чем состояла причина ее нелюбви. Однако через пару минут ему наконец придется ответить за содеянное. Разумеется, он отделается, так сказать, малой кровью. Маргарет не могла заставить его заплатить полную цену, и она презирала себя за беспомощность почти так же сильно, как ненавидела Захария.

Маргарет дождалась, пока дворецкий подал ему бокал с шампанским, и вышла на веранду.

– Вы, вероятно, хотите знать, зачем я созвала этот маленький семейный совет? – спросила она.

Захарий, прислонившись к балюстраде, наблюдал за ней. По его лицу трудно было понять, что он обо всем этом думает, но Маргарет успела перехватить взгляды, которыми обменялись Алекс и Элизабет, сидящие за столом под зонтиком, спасавшим от палящего солнца. Они явно были раздражены и испытывали скуку. Этим двоим, вероятно, не терпелось сбежать отсюда к друзьям и подругам, таким же, как они, типичным представителям золотой молодежи – лишенным всяких моральных ориентиров охотникам за адреналином, беспринципным прожигателям жизни, уверенным в своей полной безнаказанности. Зачем задумываться о последствиях своих поступков, если знаешь, что у родственников хватит денег на решение «проблемы», в какую бы неприятную историю они ни угодили.

– Вижу, вы теряете терпение, – сказала Маргарет, повернувшись к Алексу и Элизабет. – Ну тогда перейду прямо к делу. Я уверена, что никому из вас не приходило в голову задуматься о таком будничном и скучном предмете, как ваше финансовое положение. Однако факт остается фактом: ваш дед активно занимался «общественными делами» и был слишком уверен

в своем бессмертии, чтобы, составив завещание, позаботиться об обеспечении будущего собственных внуков, оставшихся сиротами после смерти родителей. В результате теперь я являюсь единственной полноправной хозяйкой его состояния. На случай если вы хотели бы знать, что это означает, потороплюсь вам разъяснить. – Не скрывая злорадного удовлетворения, Маргарет объявила: – При условии, что вы оба продолжите учиться, будете получать хорошие оценки и станете вести себя так, как я считаю приемлемым, я продолжу оплачивать ваше обучение и позволю вам сохранить ваши дорогие спортивные автомобили. На этом точка.

Первой реакцией Элизабет было скорее удивление, чем тревога.

– А на что я буду жить? На следующий год я начну учиться в колледже! Мне придется снимать квартиру, покупать еду, одежду, и вообще...

– Тебе не придется снимать квартиру. Ты будешь жить и учиться здесь, в местном профессиональном двухгодичном колледже. Если за время твоей учебы выяснится, что ты способна получить высшее образование, тогда, и только тогда, я позволю тебе уехать учиться в другой город.

– Местный профессиональный колледж, – скривившись от ярости, повторила Элизабет. – Ты меня разыгрываешь!

– Испытай меня, Элизабет. Только попробуй нарушить хоть одно из моих условий, и я выброшу тебя из дому без единого цента. Если только до меня дойдет слух о том, что ты была участницей очередной пьяной оргии, ты больше не увидишь от меня ни доллара. – Посмотрев на Александра, Маргарет добавила: – На случай если у тебя имеются сомнения, это в равной степени касается и тебя. И еще, ты не вернешься в Экзетер следующей осенью, а продолжишь учебу здесь.

– Ты не можешь так поступить с нами! – возмущенно воскликнул Алекс. – Дедушка никогда бы тебе этого не позволил!

– Ты не имеешь права указывать нам, как жить! – взвизгнула Элизабет.

– Если тебе не нравится мое предложение, – с металлом в голосе проинформировала ее Маргарет, – тогда могу посоветовать тебе устроиться официанткой или найти себе богатого покровителя, поскольку в настоящий момент ты готова только к этим двум родам деятельности.

Маргарет с удовлетворением отметила, что оба они, и внук ее, и внучка, побледнели.

– А как насчет Зака? – угрюмо пробурчал Александр. – У него-то с учебой все в порядке. Ты же не станешь заставлять его перевестись из Йеля в местный колледж?

Момент, которого она так ждала, наконец настал.

– Нет, – сказала Маргарет, – я не стану этого делать.

Повернувшись к Захарию так, чтобы можно было видеть его лицо, Маргарет процедила сквозь зубы:

– А ты убирайся! Убирайся вон из этого дома и никогда больше не возвращайся сюда. Я не хочу видеть тебя и не желаю больше тебя знать.

Если бы не заходившие под скулами желваки, Маргарет могла бы подумать, что ее слова не произвели на него никакого впечатления. Он не стал требовать от нее объяснений, поскольку в таковых не нуждался. На самом деле он, без сомнений, ждал этого приговора с того момента, как она заговорила с сестрой. Он молча расправил плечи, отошел от балюстрады и протянул руку к ключам от машины, которые лежали на столе. Но едва коснулся их, голос Маргарет словно хлестнул его по пальцам, и он замер.

– Оставь их! Ты не возьмешь с собой ничего, кроме той одежды, что сейчас на тебе.

Зак убрал руку и посмотрел на сестру с братом, ожидая от них поддержки. Но либо они были слишком заняты собственными переживаниями, либо слишком боялись разделить его судьбу, чтобы найти в себе смелость выступить против бабки.

Трусость и малодушие младших вызывали в Маргарет бесконечное презрение, но при этом она все же осталась довольна тем, что расчет ее оказался верен: ей удалось подавить их волю, и теперь ни один из них троих ни в чем не осмелится ей перечить.

– Если кто-нибудь из вас когда-либо войдет с ним в контакт или позволит ему связаться с вами, – предупредила она младших, которые боялись даже посмотреть вслед старшему брату, – если вы когда-либо окажетесь с ним под одной крышей, будь то дом общих знакомых или иное место, вас ждет его участь. Это ясно? – Уходящему внуку она бросила вслед: – Захарий, если ты рассчитываешь на жалость кого-то из своих друзей, то можешь об этом забыть. Предприятия Стенхоупов – единственное место, где можно работать в Риджмонте, и теперь все, до последнего кирпича, принадлежит мне. Ни один из тех людей, что живет здесь, не захочет тебе помогать. Они побоятся навлечь на себя мой гнев и потерять работу.

Захарий обернулся на последней ступени и посмотрел на Маргарет с ледяным презрением. И только тогда она с запозданием поняла, что он никогда бы не подумал просить милости у друзей. Но что действительно тронуло ее за живое, так это то, что успела она заметить в его глазах до того, как он повернулся к ней лицом. Что это было? Тоска? Или гнев? Или страх? Она от всей души надеялась, что это было и то, и другое, и третье вместе.

Фургон притормозил и остановился перед одиноким пешеходом, идущим по обочине шоссе, закинув на плечо спортивного покроя жакет. Шел он, наклонив голову, словно против сильного ветра.

– Эй, – крикнул Чарли Мердок, – подвезти?

Парень поднял янтарные затуманенные глаза. Выражение глаз у него было такое, словно он не понимал, где находится, но уже через мгновение взгляд его прояснился, он кивнул и забрался в кабину, Чарли обратил внимание на дорогие песочного цвета брюки своего пассажира, отличные туфли из натуральной кожи с подобранными в тон носками и модную стрижку, что, естественно, навело его на мысль, что он подобрал богатенького студента-первокурсника, который по каким-то причинам разгуливает без машины. Уверенный в том, что наблюдательность и интуиция его не подвели, Чарли спросил дружелюбно:

– В каком колледже учишься?

Парень судорожно сглотнул, будто в горле у него застрял ком, и отвернулся к окну, но когда заговорил, в голосе его не было дрожи.

– Я не учусь в колледже, – сказал он с холодной отчужденностью человека, желающего поставить точку в разговоре.

– Наверное, твоя машина сломалась и стоит где-то неподалеку?

– Нет.

– Твоя семья живет где-то рядом?

– У меня нет семьи.

Несмотря на резкость, если не грубость, тона пассажира, Чарли, имеющий трех взрослых сыновей, которые сейчас жили в Нью-Йорке, очень хорошо понимал, что парнишка держит себя в руках из последних сил. Он помолчал несколько минут, а потом спросил:

– Но имя-то у тебя есть?

– Зак, – ответил паренек и после неловкой паузы добавил: – Бенедикт.

– Куда ты направляешься?

– Все равно куда. Если не возражаете, то туда же, куда и вы.

– Я еду на западное побережье. В Лос-Анджелес.

– Прекрасно, – ответил Зак тоном, который отбил у Чарли всякую охоту продолжать беседу: – Лос-Анджелес ничем не хуже другого места.

Прошли часы до того, как молодой человек в первый раз заговорил по своей воле:

– Вам понадобится помощь, чтобы разгрузить этот фургон, когда вы доберетесь до Лос-Анджелеса?

Чарли посмотрел на него искоса, проверяя свои первые впечатления об этом парне по имени Зак Бенедикт. Одет он был, как сынок богатых родителей, и говорил, как мальчик из богатой семьи, но этот конкретный богатенький мальчик, очевидно, оказался без денег, чувствовал себя не в своей тарелке и переживал далеко не самые счастливые времена. И еще этот избалованный холеный юнец был готов, забыв о гордости, выполнять тяжелую физическую работу, что, по мнению Чарли, указывало на то, что у парня имелся характер.

– Судя по твоему виду, ты не надорвешься, поднимая тяжести, – сказал Чарли, окинув оценивающим взглядом крепкие мускулы парня. – Занимаешься в спортзале с утяжелениями или что-то в этом роде?

– Я раньше занимался боксом в... Я раньше занимался боксом.

«Ага, в колледже», – мысленно добавил про себя Чарли. И возможно, потому что Бенедикт чем-то напомнил ему собственных сыновей, когда они были в таком же возрасте. Тогда они тоже переживали не лучшие времена, пытались найти свою дорогу в жизни... Или, возможно, потому что он почувствовал, что Зак Бенедикт и впрямь оказался в отчаянном положении, Чарли проникся к парню симпатией и решил помочь ему с работой. И, приняв это решение, Чарли Мердок протянул ему руку.

– Меня зовут Мердок. Чарли Мердок. Я не могу платить тебе очень много, но по крайней мере у тебя появится шанс увидеть студии, где делаются знаменитые фильмы, когда мы доберемся до Лос-Анджелеса. Мой грузовик нагружен декорациями для «Эмпайр студIOS». Я работаю у них водителем.

Угрюмое безразличие Зака к его словам убедило Чарли в том, что его пассажир не только оказался на мели, но, вероятно, и не представляет, как поправить положение в ближайшем будущем.

– Если будешь хорошо работать, то, возможно, я смогу замолвить за тебя словечко в отделе по найму «Эмпайр студIOS», если, конечно, ты не откажешься орудовать метлой или таскать тяжести.

Пассажир его повернул голову к окну и вновь уставился в темноту. И как раз в тот момент, когда Чарли уже усомнился в том, что составил верное представление об этом парне и что тот, вероятно, считает себя выше того, чтобы заниматься физическим трудом, молодой человек заговорил голосом, хриплым от эмоций. И в этом голосе Чарли услышал облегчение, смущение и благодарность.

– Спасибо. Большое спасибо.

Глава 1

1978 год

– Моя фамилия Боровски, я сотрудница Ла-Салльского детского дома, – объявила женщина средних лет с фирменным пакетом Восточного рынка в руках и гордо прошествовала по ковру к столу секретарши. Кивнув на щуплую одиннадцатилетнюю девочку позади себя, она холодно добавила: – А это – Джулия Смит. Доктор Тереза Уилмер назначила ей встречу. Я вернусь за ней после того, как схожу за покупками.

Секретарь улыбнулась девочке:

– Доктор Уилмер встретится с тобой чуть позже, Джулия. А тем временем ты можешь здесь посидеть и заполнить анкету – напишешь, сколько сможешь. Я забыла дать тебе эту анкету в прошлый раз.

Стыдясь своих потрепанных джинсов и неряшливой куртки, Джулия тревожно обвела взглядом элегантную приемную со статуэтками из тонкого фарфора, расставленными на антикварном журнальном столике, и дорогими бронзовыми скульптурами на мраморных постаментах. Обогнув стол с хрупкими безделушками по широкой дуге, Джулия направилась к стулу возле громадного аквариума, в котором тропические золотые рыбки с трепещущими плавниками лениво проплывали между плавно колышущимися, похожими на зеленые кружева растениями. Оказавшись у Джулии за спиной, миссис Боровски просунула голову в дверь и предупредила секретаршу:

– Джулия крадет все, что намертво не прибито гвоздями. Она на редкость проворная, так что не спускайте с нее глаз.

Сгорая от унижения и гнева, Джулия сперва съежилась на стуле, потом с вызывающей вальяжностью вытянула ноги перед собой, явно пытаясь придать себе вид независимый и скупающий, словно сказанное миссис Боровски не оказало на нее ровным счетом никакого влияния. Увы, чувства ее выдавал лихорадочный румянец, а вальяжная поза выглядела как-то неубедительно, поскольку ноги Джулии не доставали до пола.

Чуть погодя Джулия, устав от неудобной позы, распрямилась и с ужасом и отвращением посмотрела на регистрационную карту, которую передала ей для заполнения секретарша. Зная, что все равно не разберет слов, Джулия тем не менее решила хотя бы попытаться. Высунув язык, она впиалась глазами в напечатанные на карточке слова. Первое слово начиналось с буквы И, как на вывеске магазина, витрина которого неизменно собирала малолеток. «Игровые автоматы», а как же еще мог называться этот магазин. Вторая буква была «м», как в слове «Америка», но только это слово было совсем другим. Джулия крепче зажала в пальцах желтый карандаш, стараясь побороть знакомые чувства отчаяния и гнева, которые всегда накатывали на нее, когда от нее требовали что-то прочесть. Она училась писать слово «кот» в первом классе, но с тех самых пор ей ни разу не приходилось его ни читать, ни писать – никто от нее этого не требовал! Угрюмо разглядывая непостижимо загадочные слова, Джулия в который раз в бессильной злобе спрашивала себя, зачем учителя учат детей писать дурацкие слова, такие как «кот», если никто никогда не пишет слово «кот» нигде, кроме как в тупых книжках для первоклассников.

Но книжки не были тупыми, напомнила себе Джулия, как не были тупыми учителя. Другие дети ее возраста могли бы, пожалуй, запросто прочесть эту дурацкую карточку! А она не могла разобрать на ней ни слова, и это она была тупой – а не они.

С другой стороны, сказала себе Джулия, она знала немало о том, о чем другие дети не имели представления, потому что она приучила себя замечать все вокруг. И она заметила, что

когда люди дают тебе что-то, что ты должна заполнить, они всегда рассчитывают на то, что ты напишешь там свое имя.

С величайшим тщанием она вывела «Джулия Смит» печатными буквами на верхней строчке карточки, но на этом пришлось остановиться, потому что она не знала, что написать в других графах. Джулия почувствовала, что снова начинает злиться, но, вместо того чтобы расстраиваться из-за этого дурацкого листка, она решила подумать о чем-то приятном, о том, например, как щекочет лицо весенний ветерок. Она представила, что стоит, раскинув руки, под раскидистым деревом с густой зеленой кроной, смотрит на белок, которые перепрыгивают с ветки на ветку у нее над головой... Но тут любезный голос секретарши вывел ее из сладкого забытья, и Джулия в тревоге подняла голову. Она чувствовала себя так, словно ее застали за чем-то нехорошим, стыдным.

– Что случилось, Джулия? Карандаш не пишет?

Джулия обломила грифель о джинсы.

– Он сломался.

– Возьми другой.

– У меня рука сегодня болит, – солгала она, спрыгивая на пол. – Мне не хочется писать.

И еще мне надо сходить в туалет. Где он?

– Рядом с лифтом. Доктор Уилмер совсем скоро освободится. Не уходи надолго.

– Я быстро, – послушно ответила Джулия.

Закрыв за собой дверь приемной, она обернулась, посмотрев на табличку с названием, и внимательно изучила первые несколько букв, чтобы узнать эту дверь, когда будет возвращаться.

– «П», – прошептала она, чтобы не забыть, – «С», «И».

Удовлетворенная, она направилась в другой конец длинного, застеленного ковром коридора, повернула направо в конце и подошла к фонтанчику с питьевой водой, однако, когда дошла наконец до лифтов, увидела там не одну, а две двери с табличками, на которых были слова. Она была почти уверена, что это двери в туалет, потому что успела заметить, что в большинстве крупных зданий на дверях туалетов ручки особенные, не такие, как на дверях в офисы. Проблема состояла в том, что ни на одной из этих дверей не было слов «Мальчики» и «Девочки». Эти слова она знала. Не было на них и фигурок с изображениями мужчины и женщины, по которым такие, как она, могли бы сориентироваться и войти в нужную дверь. Очень осторожно Джулия нажала на ручку одной из дверей, чуть приоткрыла и заглянула внутрь. Она в ужасе попятилась, заметив там смешные унитазы на стене, потому что она знала то, что, вероятно, не знали другие девочки: мужчины пользовались этими странными на вид унитазами. И они злились, если девочка открывала дверь в тот момент, когда они этими штуковинами пользовались. Джулия открыла другую дверь и вошла туда, куда ей было нужно.

Понимая, что ей надо спешить, Джулия вышла из туалета и торопливо пошла назад. Вскоре она оказалась в той части коридора, где должен был находиться кабинет доктора Уилмера. И тогда она принялась усердно изучать таблички на дверях. Слово на двери доктора Уилмера начиналось с букв «П», «С», «И». Она увидела «П», «Л», «А» на двери, решила, что неправильно запомнила буквы, и быстро ее распахнула. Незнакомая седовласая женщина подняла голову от печатной машинки.

– Что тебе?

– Простите, я ошиблась дверью, – пробормотала Джулия. – Вы не знаете, где кабинет доктора Уилмера?

– Доктора Уилмера?

– Да, вы знаете – кабинет доктора Уилмера... он начинается с «П», «С», «И»!

– «П», «С», «И»... О, ты, наверное, имеешь в виду психолога! Это кабинет двадцать пять – шестнадцать, дальше по коридору.

При обычных обстоятельствах Джулия бы сделала вид, что поняла, и продолжила бы хождение по кабинетам до тех пор, пока не нашла бы нужный, но сейчас она слишком сильно разволновалась из-за того, что опаздывает, и не стала делать хорошую мину при плохой игре.

– Вы не могли бы это сказать по цифрам?

– Что, простите?

– Цифры скажите! – в отчаянии попросила ее Джулия. – Скажите их вот так: три-шесть-девять-четыре-два.

Женщина посмотрела на Джулию как на круглую дуру. Впрочем, Джулия и так знала, что она круглая дура, но ей очень не нравилось, когда это замечали другие. Раздраженно вздохнув, женщина сказала:

– Номер кабинета доктора Уилмер два-пять-один-шесть.

– Два-пять-один-шесть, – повторила Джулия.

– Четвертая дверь налево, – добавила женщина.

– Ну, так бы и сразу! – возмущенно воскликнула Джулия. – Почему вы мне сразу этого не сказали?!

Секретарша доктора Уилмер внимательно посмотрела на Джулию, когда та вошла в приемную.

– Ты потерялась, Джулия?

– Я? Конечно, нет, – солгала Джулия и для пущей убедительности тряхнула кудряшками, после чего вернулась на свой стул. Не зная, что за ней наблюдают через то, что выглядело как обычное зеркало, Джулия переключила внимание на аквариум, что был рядом с ее стулом. Первое, что она заметила, – это то, что одна из золотых рыбок умерла, а две другие плавали вокруг нее, сокращая круги. Судя по всему, они хотели ее съесть. Джулия постучала пальцем по аквариуму в надежде их отогнать, и ей это удалось, но через минуту хищные рыбки вернулись.

– В аквариуме мертвая рыбка, – сообщила Джулия секретарше, стараясь не выдать голосом своего волнения. – Я могу ее оттуда вытащить, если хотите.

– Уборщица уберет ее вечером, но все равно спасибо за предложение.

Джулия не стала говорить о том, что ее беспокоит участь несчастной мертвой рыбки. Никто, в особенности такое красивое и беспомощное создание, как эта золотая рыбка, не заслуживал того, чтобы после смерти его съели. Взяв с журнального столика журнал, Джулия сделала вид, что рассматривает его, а сама тем временем наблюдала за двумя хищницами. Всякий раз, когда они возвращались к мертвой рыбке, она ударяла по стеклу, чтобы их отогнать, при этом бросая взгляды на секретаршу, дабы убедиться, что та не видит, чем она занята.

В нескольких футах от Джулии, по другую сторону зеркала доктор Тереза Уилмер наблюдала эту сценку. Она улыбалась с пониманием и следила за попытками Джулии защитить мертвую рыбку. Доктор Уилмер, разумеется, заметила то, что Джулия в своем благородном стремлении спасти мертвую рыбку особые усилия прилагала к тому, чтобы секретарша ни о чем не догадалась. За напускным безразличием скрывалась тонкая чувствительная натура, не чуждая сентиментальности.

Взглянув на мужчину, стоявшего рядом, – еще одного психиатра, который с недавних пор стал проявлять повышенный интерес к этому ее проекту, – доктор Уилмер заметила с нескрываемым сарказмом:

– Вот она, Джулия, инфант-террибль, жуткий ребенок. Согласно вердикту воспитателей детского дома, она не просто неуправляемая, неисправимая и необучаемая, но к тому же имеет явные преступные наклонности и оказывает дурное влияние на других детей. Вы знали, – с озорной ухмылкой продолжила доктор Уилмер, – что ей удалось организовать голодную забастовку в Ла-Салле? Она уговорила сорок пять детей, большинство из которых были старше ее, пойти на голодовку, чтобы добиться улучшения качества питания в их детском доме.

Доктор Джон Фрейзер внимательно следил за маленькой девочкой через стекло.

– Полагаю, она сделала это, потому что испытывала непреодолимое желание досадить воспитателям и администрации?

– Нет, – будничным тоном ответила доктор Уилмер. – Она сделала это, потому что испытывала настоятельную необходимость в нормальной и вкусной еде. В Ла-Салле детей не морили голодом, однако еду готовили совершенно невкусную. Я имела удовольствие попробовать произведения тамошних поваров и, знаете ли, сразу приняла сторону Джулии.

Доктор Фрейзер бросил на свою коллегу задумчивый взгляд:

– А как быть с ее склонностью к воровству? Вы и тут сможете найти ей оправдание?

Терри смотрела через стекло на девочку в приемной и улыбалась:

– Вы когда-нибудь слышали о Робин Гуде?

– Разумеется. Почему вы спрашиваете?

– Потому что Джулия – Робин Гуд нашего времени. И ловкость ее не уступает ее же благородству. Джулия может вытащить у вас изо рта золотую коронку, если захочет, а вы и не заметите.

– Не думаю, что эти ее выдающиеся способности можно считать хорошей рекомендацией. Мне искренне жаль ваших техасских родственников, которым, если я вас правильно понимаю, вскоре предстоит стать приемными родителями Джулии Смит. Они, бедняги, не ведают, какую свинью вы намерены им подложить.

Доктор Уилмер пожала плечами:

– Джулия действительно была не единожды уличена в краже еды, одежды и игрушек, но она ни разу не оставила себе что-то из украденного. Она все раздает малышам в Ла-Салле.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно. Я сама проверяла.

И тогда Джон Фрейзер неохотно улыбнулся, глядя на маленькую девочку.

– Она больше похожа на Питера Пэна, чем на Робина Гуда. Прочитав ее дело, я был готов увидеть совсем другую девочку.

– Меня она тоже удивила, – призналась доктор Уилмер. – Директор Ла-Салльского детского дома, где сейчас проживает девочка, дала Джулии весьма нелестную характеристику. Если основываться на том, что написала о Джулии директор, девочке самое место в колонии для малолетних преступников. Она и трудновоспитуемая, и необучаемая, и воровка, и прогульщица, у которой практически нет подруг среди сверстниц, потому что обществу девочек своего возраста Джулия предпочитает сомнительные компании мальчиков постарше.

Прочитав эти неблагоприятные комментарии, доктор Уилмер ожидала увидеть агрессивную и развязную девчонку, чьи связи с мальчиками-подростками, вероятно, указывали на раннее половое созревание и даже сексуальную активность. По этой причине Терри едва рот не открыла от удивления, когда два месяца назад в ее кабинет вошло существо в поношенных джинсах и растянутой толстовке, с неровно остриженными темными кудрявыми волосами. Вместо девицы с пышными формами, обеспечившими подходящий гормональный фон для сверхраннего полового созревания, она увидела перед собой щуплого ребенка неопределенного пола с худым и бледным от бескормицы лицом, половину которого занимали огромные темно-синие глаза, обрамленные густыми ресницами. Но вся эта невинность была обманчивой. В мальчишеских повадках Джулии, в том, как она стояла перед ней, засунув руки в задние карманы брюк и выпятив вперед грудь, доктор Уилмер почувствовала открытый вызов.

Эта первая встреча оставила у нее неизгладимое впечатление, но восхищаться Джулией Тереза стала еще до того, как воочию увидела ее – почти с того момента, как однажды вечером, дома, открыла дело Джулии и начала читать ее ответы по целой серии тестов, включенных в методику психологической оценки личности, недавно разработанную ею самой. К тому времени, как она закончила просматривать тесты Джулии, Тереза уже имела достаточно ясное представление о том, как ребенок мыслит, как глубоко страдает, и даже о том, какая судьба ее

ждет. Брошенная родителями вскоре после рождения, отвергнутая двумя парами приемных родителей, Джулия провела детство на задворках Чикаго, в трущобах, в переполненных детских домах. И как следствие, на протяжении всей ее недолгой жизни единственным источником настоящего человеческого тепла было общение с такими же, как она, грязными, неухоженными детьми, которых она интуитивно причисляла к «своим». Эти дети, такие же, как она, отщепенцы, научили ее воровать, а потом и прогуливать школу вместе с ними. Быстрый ум и ловкие пальцы не дали ей пропасть на улице и снискали уважение среди ее окружения. И, как бы часто ни переводили ее из одного детского дома в другой, она почти сразу завоевывала популярность среди сверстников, и эта популярность была настолько велика, что несколько месяцев назад группа мальчишек удостоила ее чести быть обученной некоторым особым приемам, с помощью которых они взламывали машины и угоняли их. Во время одного из этих «открытых уроков» их всех и накрыл с поличным чикагский наряд полиции. Все участники того «урока», включая Джулию, роль которой сводилась лишь к роли ученицы, загремели в участок.

В тот день Джулию впервые арестовали, и хотя Джулия этого не знала, этот день стал переломным днем в ее жизни, потому что благодаря аресту она оказалась в зоне внимания доктора Уилмер. После того как ее, не вполне, впрочем, справедливо, арестовали за попытку угона машины, Джулию включили в новую экспериментальную программу доктора Уилмер, которая предусматривала обширное и интенсивное тестирование, включающее тесты на интеллект, и индивидуальные собеседования. По результатам тестов и опросов производилась общая психологическая оценка личности, причем решение принималось коллегиально, целой группой психиатров и психологов-волонтеров под руководством доктора Уилмер. Программа имела целью провести социальную адаптацию детей и подростков, попавших под влияние улицы, и сделать из них полноценных членов общества.

В случае с Джулией доктор Уилмер была самым решительным образом настроена на успех, и все, кто был знаком с Терезой, знали, что если уж она что-то решила, то разобьется, но доведет дело до победного конца. В свои тридцать пять Терри Уилмер обладала не только импозантной внешностью, но и железной волей. Врач-психотерапевт в четвертом поколении, она могла похвастать впечатляющей коллекцией дипломов и наград за выдающиеся достижения в своей непростой профессии. Но помимо чисто профессиональных качеств, в ее арсенале было еще такое «смертельное оружие», как обезоруживающе искренняя улыбка, интуиция и умение сопереживать. И самое главное, она была беззаветно предана своему делу. С одержимостью христианского миссионера, посвятившего себя спасению заблудших душ, Тереза Уилмер, отказавшись от процветающей частной практики, все свои усилия направила на спасение беспомощных жертв недофинансируемой государственной системы воспитания детей, оказавшихся без попечения родителей. Для достижения своих целей доктор Уилмер беззастенчиво использовала все средства, имеющиеся в ее распоряжении, включая набор волонтеров из числа ее коллег, таких как Джон Фрейзер. В случае с Джулией она даже прибегла к помощи своих дальних родственников, людей далеко не богатых, но живущих в просторном доме и имеющих, как она надеялась, добрые сердца. И способных подарить тепло своих сердец этой маленькой девочке, судьба которой была так небезразлична Терезе.

– Я хотела, чтобы вы на нее взглянули, – сказала Терри, собираясь задернуть занавески, закрывающие окно, но в этот момент Джулия внезапно встала, в отчаянии огляделась по сторонам и вдруг решительно запустила обе руки в аквариум.

– Какого черта... – начал было Джон Фрейзер, но осекся в немом изумлении, наблюдая за тем, как девочка быстрым шагом пересекла комнату и подошла к занятой своей работой секретарше. В ее сложенных ковшиком ладонях, по которым стекала вода, лежала мертвая рыбка.

Джулия смотрела, как вода капает на шикарный ковер, наверняка зная, что может испортить его, но не могла смириться с тем, что такую красивую рыбку с длинными, похожими на нарядный шлейф плавниками съедят другие рыбы. Но секретарша то ли действительно не замечала ее, то ли делала вид, что не замечает. Джулия подошла почти вплотную к ее стулу и, протянув вперед обе руки, громко сказала:

– Прошу прощения!

Секретарша, погруженная в работу, нервно вздрогнула, обернулась и едва не завизжала, увидев перед своим носом мокрый поблескивающий чешуей трупик.

Джулия боязливо отступила на шаг.

– Она умерла, – сообщила девочка, пытаюсь говорить так, чтобы ее не заподозрили в жалостливости и сентиментальности, – а другие рыбы хотят ее съесть. Я не могу на это смотреть. Если вы дадите мне листок бумаги, я ее заверну, и вы сможете положить ее в мусорную корзину.

Оправившись от шока, секретарша спрятала улыбку, открыла выдвижной ящик стола и достала из него несколько салфеток, которые протянула девочке.

– Может, хочешь забрать ее и похоронить?

Именно этого Джулии и хотелось, но ей показалось, что она услышала в голосе секретарши насмешку, и потому она торопливо завернула рыбку в салфетки и сунула ее секретарше.

– Я, знаете ли, не такая глупая, как вы думаете. Это же просто рыбка, а не кролик или какой-то другой особенный зверь.

По другую сторону зеркала Фрейзер тихо рассмеялся и покачал головой:

– Ей страшно хочется похоронить рыбку по всем правилам, но гордость не позволяет ей в этом признаться. – Вновь став серьезным, он добавил уже как профессионал: – А что делать с ее неспособностью к обучению? Насколько мне известно, она находится на уровне ученицы начального класса.

Доктор Уилмер на это лишь презрительно и совершенно не деликатно фыркнула, после чего взяла со стола паку с результатами тестов, которые совсем недавно выполняла Джулия.

– Взгляните-ка на результаты устного тестирования, когда ей не нужно было читать вопросы.

Джон Фрейзер заглянул в папку и тихо рассмеялся:

– У этого ребенка индекс интеллекта выше, чем у меня.

– Джулия особенная девочка во многих смыслах, Джон. Я видела свидетельства тому уже тогда, когда читала ее дело, но, встретившись с ней лицом к лицу, я поняла, что она по-настоящему уникальна. Она отважная, храбрая, чуткая и очень сообразительная. И под всей этой ее напускной бравадой таится редкая доброта, неугасимая надежда, рыцарский дух и оптимизм, с которым она не расстанется, как бы сурово ни обходилась с ней жизнь. Она не может изменить свою судьбу и потому бессознательно стремится защитить других детей, в какой бы детский дом ее ни поместили. Она крадет для них и лжет ради них и ведет их на голодовки, и они готовы идти за ней куда угодно, безоговорочно признавая в ней лидера. В свои одиннадцать она прирожденный лидер, но если ее не направить на нужный путь, причем чем скорее, тем лучше, некоторые из ее методов приведут девочку в колонию для несовершеннолетних преступников, а там и в тюрьму. И это сейчас даже не самая трудная ее проблема.

– Что вы имеете в виду?

– Я хочу сказать, что при всех ее талантах самооценка у этой девочки настолько низкая, что, можно сказать, она совсем на нуле. Из-за того, что она несколько раз переходила от одних усыновителей к другим, она убедила себя в том, что не достойна любви. И что еще печальнее, сейчас она на грани того, чтобы смириться с собственной никчемностью. Она мечтательница, но мечта ее вот-вот от нее улетит. – С неожиданной для самой себя убежденностью Терри

закончила: – Я не хочу допустить, чтобы огромный потенциал этой девочки, ее надежда, ее оптимизм были растрочены попусту.

Брови доктора Фрейзер поползли вверх.

– Простите меня за то, что поднял эту тему, Терри, но разве не вы всегда так настойчиво напоминали нам о том, что не следует слишком сильно привязываться к пациенту?

С невеселой усмешкой доктор Уилмер прислонилась к столу. Она не стала оправдываться.

– Этого правила легко было придерживаться, когда все мои пациенты были детьми из богатых семей, которые считали себя ущемленными, если не получали в подарок на шестнадцатилетие спортивную машину или самолет. Хотела бы я посмотреть на вас, когда вы вплотную займетесь такими пациентами, как Джулия. Эти дети целиком зависят от системы, которую мы призваны защищать, но вот беда – система эта трещит по швам, и, сколько ее ни латай, все больше детей проваливаются сквозь щели и летят в пропасть. Полгода работы с такими вот выпавшими из системы ребяташками, и вы узнаете, что такое страдать из-за них бессонницей, если даже до этого с вами ничего подобного никогда не случалось.

– Полагаю, вы правы, – со вздохом сказал Фрейзер, возвращая ей папку с делом Джулии. – Просто так, из чистого любопытства, хочу спросить: почему ее никто не удочерил?

Тереза пожала плечами:

– Ей не повезло. Такое бывает. Согласно досье, ее нашли на улице, когда ей было всего несколько часов от роду. После врачебного осмотра стало ясно, что она родилась на десять недель раньше срока. Из-за этого или из-за того, что ее доставили в больницу, когда состояние ее было близко к критическому, у нее оставались многочисленные проблемы со здоровьем примерно до тех пор, пока ей не исполнилось семь.

Сотрудники Службы охраны семьи нашли Джулии приемных родителей, когда ей было два года, но уже во время процесса удочерения пара внезапно решила развестись, и они вернули Джулию под опеку государства. Через несколько недель ее передали другой паре, и этих людей, казалось бы, проверили по всем статьям, но Джулия заболела пневмонией, и эта вторая пара, чей собственный ребенок умер от пневмонии примерно в том возрасте, в котором тогда была Джулия, не в силах пережить эмоционального стресса, отказалась от удочерения. Впоследствии ее поместили в приемную семью, в которой она должна была находиться лишь временно, однако несколькими неделями спустя тот чиновник, что вел дело Джулии, попал в автомобильную аварию и серьезно пострадал, так, что уже не смог вернуться к работе. Дело Джулии затерялось...

– Что? Дело затерялось? – не в силах поверить собственным ушам, переспросил Фрейзер.

– Не судите слишком строго сотрудников Службы охраны семьи. В абсолютном большинстве это настоящие подвижники, но они всего лишь люди, а людям свойственно ошибаться. Если принять во внимание тот объем работы, какой им приходится выполнять, и то мизерное финансирование, которое они получают от государства, удивительно, как им вообще удается что-то сделать. Как бы там ни было, у приемных родителей Джулии своих детей был целый выводок, и удочерять ее они не собирались. К тому времени, как государственные чиновники осознали тот факт, что Джулия выпала из сферы их внимания, ей уже исполнилось пять, и количество желающих удочерить ребенка такого возраста существенно сократилось. К тому же здоровье у нее действительно было слабым, и когда ее забрали от последних приемных родителей и передали очередным, у Джулии стали отмечаться регулярные приступы астмы. Она пропустила чуть ли не половину учебного года в первом и втором классах, но была «такой милой девочкой», что учителя все равно переводили ее из класса в класс. Ее новые приемные родители уже имели на руках трех детей-инвалидов, и им было не до успехов Джулии в школе. И в их защиту надо сказать, что поводов для переживаний у них вообще-то не было – Джулию благополучно переводили из класса в класс. Но к четвертому классу Джулия уже сама понимала,

что ей не догнать одноклассников, и начала притворяться больной, чтобы не ходить в школу. Когда ее приемные родители разгадали ее уловку и стали заставлять ее ходить в школу, она придумала иной маневр – вместо того, чтобы сидеть дома, уходила утром как будто в школу, а сама проводила время с детьми, для которых улица давно стала домом. Как я уже раньше говорила, она отважная, храбрая, шустрая и смекалистая. Ничего удивительного, что она вскоре научилась у своих друзей таскать товары из магазинов так, чтобы никто не заметил, и придумывать, как избегать наказаний за прогулы... Остальное вам вкратце известно: настал день, когда ее поймали с поличным на прогулах и воровстве и отправили в Ла-Салльский детский дом, куда отправляют тех детей, у которых не складываются отношения с системой, предусматривающей воспитание детей в приемных семьях. Несколько месяцев назад на нее оформили привод в полицию – незаслуженно, как мне кажется, арестовав ее вместе с группой мальчиков постарше, которые показывали ей, как вскрывать и угонять машины. – Со сдержанным смешком Терри завершила рассказ: – Джулия была лишь восхищенным зрителем, но она и сама умеет это делать. Она предложила мне посмотреть, как вскрывает машину. Можете себе представить: эта малышка с большими невинными глазами легко заводит машину без ключа! Хотя я не думаю, что она стала бы заниматься угоном автомобилей. Как я сказала, она берет лишь то, что может пригодиться детям в Ла-Салле.

Многозначительно усмехнувшись, Фрейзер кивнул:

– Полагаю, им может пригодиться красный карандаш, шариковая ручка и пригоршня карамелек.

– Что?

– Пока вы со мной говорили, ваша почетная пациентка умыкнула все вышеперечисленное из приемной.

– Боже! – воскликнула доктор Уилмер, не особенно, впрочем, сокрушаясь.

– С ней можно показывать трюки, – с невольным восхищением добавил Фрейзер. – Я бы поспешил привести ее сюда до того, как она придумает способ стащить аквариум. Готов поспорить, что детям в Ла-Салле понравились бы золотые рыбки.

Взглянув на часы, доктор Уилмер сказала:

– Я с минуты на минуту жду звонка из Техаса от Мэтисонов. Они должны мне сказать, когда смогут ее забрать. Мне хотелось бы получить от них информацию до того, как Джулия сюда войдет, чтобы иметь удовольствие ее порадовать.

Как раз в этот момент раздался звонок интеркома, и голос секретарши сообщил:

– Доктор Уилмер, миссис Мэтисон на линии.

– Ну вот и дождалась! – радостно сообщила своему коллеге Тереза.

Джон Фрейзер тоже взглянул на часы.

– Через пять минут у меня начнется первый сеанс с Сарой Петерсон. – Фрейзер направился к двери в смежный кабинет, остановился, взявшись за ручку, и с ухмылкой сказал: – Мне только что пришло в голову, что работа между нами распределяется крайне несправедливо. Вы беретесь работать с девочкой, которая ворует карандаши и конфеты, чтобы потом раздать их бедным, а мне вы даете Сару Петерсон, которая пыталась убить своего приемного отца. Себе вы берете Робин Гуда, а мне достается Лиззи Борден*.

– Но ведь вам всегда нравились трудности, – ответила Тереза Уилмер, но, уже взяв трубку, добавила: – Я собираюсь поговорить с чиновниками из Службы охраны семьи по поводу перевода миссис Боровски из Ла-Салля туда, где она будет работать только с детьми дошкольного возраста. Я уже работала с ней раньше, и она отлично справляется с малышами, потому что они милые, ласковые и не нарушают правила. С подростками ей дела иметь не следует. Она не видит различия между подростковым протестом и подростковой преступностью.

– Вы, случаем, не мстите ей за то, что она сказала секретарше, что Джулия крадет все, что плохо лежит?

– Нет, – ответила доктор Уилмер, взяв трубку. – Но это хорошо иллюстрирует то, что я имела в виду.

Закончив говорить по телефону, доктор Уилмер встала и направилась к двери, предвкушая удовольствие от того сюрприза, который она приготовила Джулии Смит.

Глава 2

– Джулия, – сказала доктор Уилмер, едва девочка появилась на пороге, – зайди, пожалуйста.

Как только Джулия, закрыв за собой дверь, прошла в комнату, Терри радостно сообщила:

– Тестирование закончено. Все результаты собраны.

Вместо того чтобы сесть в кресло, юная пациентка доктора Уилмер подошла к столу Терри и остановилась, слегка расставив ноги и сунув руки в карманы джинсов. Она безразлично пожала плечами и не стала спрашивать о результатах тестирования, потому что, как догадывалась Терри, боялась услышать вердикт.

– Тесты были дурацкие, – сказала Джулия. – Вся эта программа дурацкая. Вы ничего не можете обо мне сказать по кучке тестов и бесед в этом кабинете.

– Я узнала довольно много о тебе, Джулия, за те несколько месяцев, что мы знакомы. Ты бы хотела, чтобы я тебе это доказала, рассказав, что мне удалось выяснить?

– Нет.

– Пожалуйста, позволь мне сказать тебе, что я думаю.

Девочка вздохнула и, ехидно усмехнувшись, сказала:

– Вы ведь все равно мне скажете, хочу я этого или нет.

– Это верно, – согласилась доктор Уилмер без улыбки, хотя колкость Джулии ее насмешила. Те методы, которые она применяла в случае с Джулией, коренным образом отличались от тех, которые она обычно использовала. С Джулией она предпочитала говорить без обвиняков, потому что девочка обладала безошибочным умением распознавать ложь. К тому же она слишком много времени провела в жестких условиях улицы, чтобы ее можно было ввести в заблуждение, подслащивая горькую пилюлю правды. – Пожалуйста, сядь, – сказала доктор Уилмер и, как только Джулия опустилась в кресло напротив стола, заговорила тихо, но твердо: – Я обнаружила, что, несмотря на все твое геройство и отвагу, тебя постоянно, неотступно мучает страх. Ты можешь обмануть своих подельников, но не меня. Ты не знаешь, кто ты и кем становишься. Ты не можешь читать и писать, а потому убеждена в собственной тупости. Ты прогуливаешь школу, потому что не успеваешь за своими одноклассниками, и тебе ужасно обидно, когда они смеются над тобой на уроках. Ты чувствуешь себя беспомощной и загнанной в угол, и тебе очень не нравятся такие ощущения.

Ты знаешь, что тебя передали на удочерение, когда ты была маленькой, и знаешь, что твоя родная мать тебя бросила. Уже давно ты решила для себя, что твои родители от тебя отказались и твои приемные родители не захотели тебя удочерить, потому что из тебя не выйдет ничего путного, потому что ты недостаточно умна и недостаточно красива. И потому ты стрижеешься, как мальчик, не носишь девичью одежду и воруешь, но ты все равно не чувствуешь себя от этого счастливой. Что бы ты ни делала, ничего не меняется, и в этом состоит настоящая проблема. Что бы ты ни делала, если только ты не попадаешь в беду, никому нет до тебя дела, и ты ненавидишь себя, потому что ты хочешь, чтобы тебя замечали и относились к тебе так, будто ты чего-то стоишь. – Доктор Уилмер немного помолчала, давая Джулии время переварить услышанное, а затем с еще большим нажимом в голосе сказала: – Ты хочешь стать значимой для кого-то, Джулия. Если бы кто-то взялся выполнить твое единственное желание, ты попросила бы именно об этом.

Джулия почувствовала, как глаза защемили слезы унижения. Доктор Уилмер била ее словами по самому больному.

От внимания Терри не ускользнуло ни то, как часто заморгала Джулия, ни влажный блеск в ее глазах – наглядное подтверждение того факта, что ей удалось задеть Джулию за живое. Смягчив тон, Тереза продолжила:

– Ты запрещаешь себе мечтать и надеяться, но ничего не можешь поделать с собой, и тогда ты сочиняешь волшебные сказки со счастливым концом и рассказываешь их детям в Ла-Салле – все эти сказки об одиноких уродливых ребятишках, которые в один прекрасный день находят семью и счастье.

– Вы ничего не поняли! – с жаром возразила Джулия, покраснев до корней волос. – По вашим словам, я какая-то слезливая плакса. Мне не нужно, чтобы меня кто-то любил, и детям в Ла-Салле тоже это не нужно. Мне этого не надо, и я этого не хочу! Я счастлива...

– Это не так. Сегодня мы будем говорить друг другу только правду, и я еще не все сказала. – Глядя Джулии в глаза, не отпуская ее взгляд, Тереза тихо, но настойчиво произнесла: – Правда состоит в том, Джулия, что за время твоего участия в программе нам удалось выяснить, что ты храбрая, славная и очень умная девочка. – Тереза улыбнулась при виде озадаченного выражения на лице Джулии и продолжила: – Единственная причина, по которой ты не научилась читать и писать, состоит в том, что ты пропустила слишком много занятий по болезни, а позже уже не смогла наверстать упущенное. И это не имеет никакого отношения к твоей способности к обучению, то есть к тому, что ты называешь сообразительностью, а мы – интеллектом. Все, что тебе требуется, чтобы сравняться по знаниям с другими детьми, твоими ровесниками, – это чтобы какое-то время кто-то помогал тебе с учебой. И помимо вполне приличных способностей, – продолжила доктор Уилмер, слегка меняя тему, – у тебя есть абсолютно нормальная естественная потребность быть любимой. Мы все хотим, чтобы нас любили такими, какие мы есть, и это нормально. Ты очень чуткая девочка, а потому легкоранимая. Поэтому тебе не нравится, когда ранят чувства других детей, и потому ты так стараешься сделать их счастливыми, рассказывая им сказки и воруя для них всякие безделушки. Я знаю, что тебе очень не нравится твоя чувствительность, но, поверь мне, – это одно из самых драгоценных твоих качеств. А теперь все, что нам надо сделать, это поместить тебя в среду, которая поможет тебе стать такой, какой ты однажды можешь стать...

Джулия побледнела, подумав, что незнакомое ей в данном контексте слово «среда» означает какое-то учреждение, возможно, даже тюрьму.

– Я знаю людей, которые лучше других подойдут на роль приемных родителей для тебя, Джулия. Это Джеймс и Мэри Мэтисон. Миссис Мэтисон была учительницей, и она с удовольствием поможет тебе подтянуться в учебе. Преподобный Мэтисон – священник...

Джулия подскочила как ошпаренная.

– Священник! – воскликнула она, отчаянно замотав головой. На ум ей сразу пришли бесконечные проповеди об адском пламени и проклятии за грехи, которыми ее изрядно пичкали в приютской церкви. – Нет, спасибо. Я уж лучше пойду в колонию.

– Ты никогда не была в колонии и потому не знаешь, о чем говоришь, – заявила доктор Уилмер и продолжила говорить о приемных родителях таким тоном, словно у Джулии все равно не было выбора. Впрочем, Джулия уже успела осознать, что выбора у нее нет. – Джеймс и Мэри Мэтисон переехали в маленький городок в Техасе несколько лет назад. У них два сына, один на пять лет тебя старше, другой на три, и в отличие от других семей, в которых ты воспитывалась, у Мэтисонов не будет других приемных детей, кроме тебя. Ты станешь членом настоящей семьи, Джулия. У тебя даже будет своя комната. Я знаю, что до сих пор у тебя не было ни настоящей семьи, ни собственной комнаты. Я поговорила с Джеймсом и Мэри, и они очень хотят, чтобы ты жила с ними.

– Надолго я к ним поеду? – спросила Джулия, стараясь не слишком обнадеживаться по поводу того, что очень скоро может закончиться.

– Навсегда. При условии, что тебе там понравится и ты будешь следовать одному строгому правилу, которого придерживаются все в той семье – правилу взаимного доверия. Это означает, что больше ты не будешь лгать, не будешь воровать и не будешь прогуливать школу. Все, что от тебя требуется, – это быть с ними честной. И они верят, что ты будешь чест-

ной, и они очень, очень хотят, чтобы ты влилась в их семью. Миссис Мэтисон позвонила мне несколько минут назад и сказала, что отправляется в магазин, чтобы купить тебе кое-какие игры и учебные пособия, по которым можно было бы обучать тебя. Она не хочет без тебя покупать одежду и ждет, когда ты сама вместе с ней выберешь себе то, что тебе понравится.

Стараясь не показать своего восторга, Джулия сказала:

– А они знают о моем приводе в полицию? И о том, что я прогуливала?

– Они знают и о прогулах, и о том, что тебя поймали при попытке угона машины, – спокойно сообщила ей доктор Уилмер. – Они все о тебе знают.

– И они все равно хотят, чтобы я с ними жила? – насмешливо переспросила Джулия. – Должно быть, им сильно нужны деньги, которые платит приемным родителям государство.

– Деньги тут совершенно ни при чем! – с металлом в голосе сообщила доктор Уилмер. Впрочем, она так и не смогла сдержать улыбки, что испортило эффект. – Это не обычная семья. Денег у них не слишком много, но у них много всего другого, чем они с радостью поделятся с ребенком, заслуживающим доброго отношения.

– И они считают, что я заслуживаю доброго отношения? – с иронией спросила Джулия. – Никто не хотел брать меня к себе и до привода в полицию. С чего бы это кто-то захотел взять меня сейчас?

Восприняв вопрос Джулии как риторический, доктор Уилмер встала и вышла из-за стола.

– Джулия! – ласково сказала она, дождавшись, когда девочка неохотно подняла глаза. – Я считаю, что ты самый достойный ребенок, с которым мне выпало счастье встретиться. – И этот неслыханный комплимент она сопровождала одним из тех немногих ласковых проявлений любви и заботы, что был известен Джулии, – она погладила ее по щеке. – Я не знаю, как тебе удалось сохранить в себе столько тепла и доброты, но, поверь мне, ты заслуживаешь помощь, которую я могу тебе дать, и всю любовь, которую, как я думаю, ты получишь у Мэтисонов.

Джулия неопределенно пожала плечами, внутренне готовая к неизбежному разочарованию, стараясь затушить огонек надежды, помимо воли все ярче разгоравшийся в сердце.

– Не рассчитывайте на это, доктор Уилмер.

Доктор Уилмер ласково улыбнулась:

– Я рассчитываю на тебя. Ты необыкновенно умная девочка, и я знаю, что твоя интуиция тебя не подведет. Ты увидишь, что тебе желают добра, и поймешь, что тебе делать.

– Должно быть, вы очень хороший психолог, – сказала Джулия со вздохом, в котором было столько же от надежды, сколько и от страха перед будущим. – Вы почти заставили меня поверить во всю эту чепуху.

– Я очень, очень хороший психолог, – согласилась доктор Уилмер. – И то, что ты это понимаешь, доказывает, что я в тебе не ошиблась. Ты действительно обладаешь редким умом и интуицией. – С улыбкой она прикоснулась к подбородку Джулии и сказала тихо и очень серьезно: – Ты будешь иногда писать мне о том, как у тебя идут дела?

– Конечно, – еще раз пожав плечами, пообещала Джулия.

– Мэтисонам нет дела до того, что было в твоём прошлом, – они верят в то, что отныне и впредь ты будешь с ними честна. А ты? Ты готова забыть о прошлом и дать им шанс помочь тебе стать тем замечательным человеком, каким можешь стать?

Столько комплиментов еще никогда не обрушивалось на голову этой несчастной девочки, и она, закатив глаза, со смехом сказала:

– Без проблем. Заметано.

Не желая превратить все то важное, о чем они сейчас говорили, в шутку, стремясь заставить Джулию постичь важность предстоящего шага, Тереза очень серьезно, почти торжественно сказала:

– Подумай о том, что я тебе скажу, Джулия. Мэри Мэтисон всегда мечтала о дочери, но ты – единственная маленькая девочка, которую она решила принять в семью. С этого момента

тебе предстоит начать жизнь с чистого листа. Считай, что ты только что заново родилась. Понимаешь?

Джулия открыла рот, чтобы сказать, что она понимает, что она... но в горле встал ком, мешающий говорить, и потому она лишь кивнула.

Тереза Уилмер заглянула в бездонные синие глаза девочки и сама почувствовала, как жалось горло. Погладив Джулию по спутанным кудряшкам, она пробормотала:

– Может, однажды ты решишь отрастить волосы. Они у тебя будут красивые и густые.

Джулия обрела наконец голос и озабоченно наморщила лоб.

– Эта леди, миссис Мэтисон, она ведь не станет завивать их на бигуди, вплетать в них ленты или завязывать банты?

– Не станет, если ты сама этого не захочешь.

Джулия вышла из кабинета, оставив Терезу Уилмер в размягченном состоянии. Заметив, что дверь в кабинет осталась приоткрытой, и зная, что ее секретарша ушла обедать, Тереза подошла к двери, чтобы закрыть ее. Она уже взялась за ручку, когда заметила, что Джулия сделала крюк, подошла к журнальному столику и, задержавшись возле него разве что на мгновение, направилась к пустующему месту секретарши.

После ее ухода на журнальном столике осталась лежать пригоршня леденцов, а на пустом столе секретарши – красный карандаш и шариковая ручка.

Голос Терезы охрип от переполнявших ее эмоций: радости, гордости, чувства выполненного долга. Она прошептала вслед Джулии:

– Твоя жизнь – чистый лист, и ты ничем не хочешь его запятнать. Ведь верно, моя хорошая? Вот и умница!

Глава 3

Школьный автобус остановился перед уютным домиком в викторианском стиле, который Джулия вот уже три месяца считала своим домом. Те самые три месяца, что она прожила у Мэтисонов.

– Ну вот, Джулия, мы и приехали, – сказал водитель автобуса. Он, как и всегда, был доброжелателен, но никто из ее новых друзей не помахал ей на прощание, как обычно. Это холодное подозрительное молчание вызвало в ней приступ животного страха, от которого во рту появился металлический привкус и заболел живот. Джулия еле волокла ноги, плетясь к дому по заснеженной тропинке. Накануне в школе кто-то украл деньги, которые учительница собирала на обеды. Они пропали прямо из ее стола. По поводу этой кражи всех учеников в ее классе опросили, но получилось так, что именно Джулия в тот день задержалась в кабинете дольше других – ей надо было доделать задание по географии. И поэтому именно она стала главной подозреваемой. Не только потому, что у нее была прекрасная возможность украсть деньги, но и потому, что она была здесь новенькой, была чужой – девочкой из большого города, и, поскольку ничего подобного до сих пор не случалось в этом классе, все считали ее виновницей кражи. Сегодня днем, ожидая у двери кабинета директора школы, когда ее пригласят войти, Джулия услышала, как мистер Дункан сказал своей секретарше, что собирается позвонить преподобному Мэтисону и его жене и рассказать о краже денег. По всей видимости, мистер Дункан ему уже позвонил, потому что машина преподобного Мэтисона стояла у дома, а он редко возвращался домой так рано.

Когда Джулия дошла до калитки в невысокой беленой ограде из штaketника, колени ее уже дрожали так сильно, что стукались друг о друга. Мэтисоны поселили ее в отдельной комнате, которую она считала своей, с кроватью под балдахином и цветастым нарядным покрывалом, но не по этой нарядной комнате она будет скучать так сильно, как по ежевечернему ритуалу – сказке на ночь и поцелую перед сном. И еще по смеху. И по их красивым голосам. О, у них у всех такие ласковые, такие добрые и такие веселые голоса! При одной мысли о том, что она больше никогда не услышит, как Джеймс Мэтисон говорит ей: «Спокойной ночи, Джулия. Не забудь помолиться, моя хорошая», – Джулии хотелось броситься на снег и зарыдать в голос. И как сможет она жить дальше, если никогда больше не услышит, как Карл и Тед, которых она уже привыкла считать своими старшими братьями, зовут ее поиграть с ними или сходить в кино. Никогда больше не пойдет она в церковь со своей новой семьей, никогда не сядет на первую скамью вместе с ними, никогда не будет слушать, как преподобный Мэтисон говорит о Боге почтительно внимающим каждому его слову прихожанам. Вначале в церкви ей не очень нравилось: служба казалась бесконечно долгой, и скамейки были твердыми, словно на камне сидишь. Но со временем она стала вслушиваться в то, что говорил священник, и почти что начала верить в то, что Он существует – этот добрый, любящий Бог, которому есть дело до каждого, даже до такой негодной девчонки, как Джулия Смит. Стоя по щиколотку в снегу, Джулия пробормотала «пожалуйста», обращаясь к Богу, о котором рассказывал преподобный Мэтисон, но в глубине души она знала, что просит напрасно.

Надо было догадаться, что все случившееся с ней слишком хорошо, чтобы продлиться долго, с запоздалой горечью осознала Джулия, и слезы, которые она так долго сдерживала, заволокли глаза. На мгновение она позволила себе надеяться на то, что все ограничится поркой, что ее не станут отправлять назад в Чикаго, но она слишком хорошо знала жизнь, чтобы цепляться за эту надежду. Ведь ее приемные родители не верили в действенность порки, но зато считали ложь и воровство серьезными преступлениями, в равной степени неприемлемыми Богом и ими самими. И Джулия пообещала им не лгать и не воровать, и они ей поверили.

Лямка новой нейлоновой сумки, в которой Джулия носила книги, соскользнула с ее левого плеча, и сумка упала на снег. Джулия в своем горе даже не обратила на это внимания. Волоча сумку за вторую лямку, она в немом ужасе подошла к крыльцу.

На кухонном столе остывало ее любимое лакомство – печенье с кусочками шоколада. Обычно от вкусного запаха этого печенья у Джулии текли слюнки, но сегодня к горлу подступил рвотный ком, потому что Мэри Мэтисон никогда больше не будет готовить это лакомство специально для нее. На кухне, что удивительно, никого не оказалось, и, заглянув в гостиную, Джулия обнаружила, что и она пуста. Однако из спальни братьев доносились знакомые голоса. Повесив дрожащей рукой сумку с книгами за лямку на крючок для одежды в прихожей, Джулия стянула новую белую стеганую зимнюю куртку и повесила поверх сумки, после чего поплелась по коридору в комнату братьев.

Карл, ее шестнадцатилетний сводный брат, увидел Джулию в дверях их общей с братом спальни и, обняв «сестренку» за плечи, сказал:

– Привет, Джули-Горошина. Что думаешь о нашем новом плакате?

Обычно Джулия всегда улыбалась, когда они ее называли этим ласковым прозвищем, но сейчас ей хотелось завывать от тоски, потому что так ее теперь никто больше не будет звать. Тед, который был на два года младше Карла, улыбнулся и показал на плакат с фотографией их нового кумира, кинозвезды Зака Бенедикта.

– Классный, правда? Когда-нибудь я куплю себе мотоцикл как у него.

Джулия сквозь слезы взглянула на большой, от пола до потолка, постер с изображением широкоплечего и неулыбчивого мужчины, стоявшего возле мотоцикла.

– Круче не бывает, – согласилась Джулия. Язык шевелился с трудом. – А где ваши мама и папа? – уныло спросила она. Приемные родители Джулии с самого начала предложили ей называть их мамой и папой, на что она с готовностью согласилась. Но теперь, зная, что она вот-вот будет лишена этой привилегии, Джулия решила упредить события. – Мне надо с ними поговорить. – Голос ее уже был хриплым от едва сдерживаемых слез, но она решила, что чем раньше все это закончится, тем будет лучше, потому что страх перед неизбежным стал уже невыносимым.

– Они у себя в спальне. Шепчутся о чем-то, – сказал Тед, не сводя с плаката восхищенного взгляда. – Мы с Карлом собираемся завтра вечером в кино на новый фильм с Заком Бенедиктом. Хотели и тебя с собой взять, но мама не разрешила – в фильме много драк, и его не позволяют смотреть детям до тринадцати. – Неохотно оторвав взгляд от своего кумира, Тед посмотрел на Джулию и увидел ее страдальческое лицо. – Эй, детка, не расстраивайся ты так. Мы возьмем тебя в кино в следующий раз, когда...

Дверь в комнату отворилась, и приемные родители Джулии вышли в коридор. Лица у них были мрачные.

– Мне показалось, что я услышала твой голос, Джулия, – сказала Мэри Мэтисон. – Перекусишь немного, прежде чем примешься за уроки?

Преподобный Мэтисон посмотрел на сведенное напряжением лицо Джулии и произнес:

– Я думаю, Джулия слишком расстроена, чтобы браться за уроки. – Обращаясь к Джулии, он сказал: – Ты, наверное, хочешь поговорить о том, что тебя беспокоит. Когда лучше – сейчас или после ужина?

– Лучше сейчас, – прошептала Джулия.

Карл и Тед обменялись озадаченными тревожными взглядами и собрались выйти из комнаты, но Джулия покачала головой, и они остались. Решив покончить со всем этим сразу, Джулия дождалась, когда приемные родители сядут на кровать Карла, и дрожащим голосом сообщила:

– В нашем классе из стола пропали деньги.

– Мы знаем, – спокойно сказал преподобный Мэтисон. – Директор школы уже звонил нам. Мистер Дункан, как и твоя учительница, похоже, считают тебя виноватой.

По дороге из школы Джулия уже решила для себя, что, какие бы обидные и несправедливые слова ей ни пришлось выслушать, она не станет умолять их ни о чем, не станет унижаться. Ни за что. К несчастью, она не могла представить, какие страшные муки ей предстоит испытать в этот момент – момент утраты новой семьи. Джулия сунула руки в карманы джинсов, бессознательно заняв оборонительную позицию, но, к ее ужасу, плечи начали трястись со страшной силой, а из глаз брызнули жгучие слезы. Джулия смахнула их рукавом.

– Ты украла деньги, Джулия?

– Нет! – крикнула она сквозь слезы.

– Ну что ж, очень хорошо. – Преподобный Мэтисон и его жена одновременно встали, и Джулия, решившая, что они уже пришли к заключению, что она не только воровка, но и лгунья, совершенно забыла о своем твердом намерении ни в коем случае не просить и не унижаться, принялась умолять их поверить ей.

– Клянусь, я не брала эти деньги! – сквозь слезы повторяла она, судорожно теребя край свитера. – Я обещала вам, что не буду врать и воровать, и я вас не обманула! Пожалуйста, поверьте мне...

– Мы тебе верим, Джулия.

– Я изменилась, честное слово. Я... – Она вдруг замолчала и, хватая ртом воздух, подняла на них глаза в немом изумлении. – Вы... Что? – прошептала она.

– Джулия, – сказал приемный отец, погладив ее по щеке, – когда ты к нам приехала, мы попросили тебя дать нам слово, что больше не будет никакого вранья и воровства. Когда ты пообещала нас не обманывать, мы пообещали тебе доверять. Помнишь?

Джулия кивнула. Она очень хорошо запомнила тот трехмесячный давности разговор в гостиной. Джулия осмелилась поднять глаза на свою приемную мать, увидела на ее лице улыбку и бросилась к ней в объятия. И Мэри обняла ее, окутав уютным запахом корицы и гвоздики, без слов обещая жизнь, в которой будет все: и сказки на ночь, и поцелуи, и радость, и смех.

И тогда слезы потоком потекли из глаз Джулии.

– Ну, перестань, так и заболеть можно, – смущенно приговаривал преподобный Мэтисон, глядя поверх головы Джулии в заблестевшие от слез глаза жены. – Дай маме накрыть стол к ужину, а обо всем, что связано с украденными деньгами, пусть позаботится наш Господь. – При упоминании о Господе Джулия вдруг замерла и пулей выскочила из комнаты, бросив через плечо, что сейчас вернется и поможет накрыть на стол к обеду.

Ошеломленное молчание, последовавшее за ее внезапным уходом, нарушил преподобный Мэтисон, озабоченно проговорив:

– Не надо ей сейчас никуда ходить. Она все еще очень расстроена, и к тому же скоро стемнеет. Карл, – обратился он к сыну, – выйди и посмотри, куда она собралась.

– Я тоже пойду, – сказал Тед, на ходу натягивая куртку.

В двух кварталах от дома Джулия схватилась за обледеневшую бронзовую ручку двери в церковь, где служил ее приемный отец, и, рванув изо всех сил, распахнула тяжелую дверь. Бледный зимний свет проникал сюда через высокие стрельчатые окна. Джулия прошла по проходу и остановилась перед алтарем. Чувствуя неловкость от того, что не знает, как надо действовать в подобных обстоятельствах, Джулия подняла глаза к деревянному распятию. Помолчав немного, она заговорила смущенно:

– Спасибо за то, что Ты заставил Мэтисонов мне поверить. Я хочу сказать, что я знаю, что это Ты заставил их поверить мне, потому что это самое настоящее чудо. Ты не пожалеешь, – пообещала она. – Я буду очень-очень хорошей, такой, что все смогут мной гордиться. – Она повернулась, чтобы уйти, но передумала, снова повернулась к распятию и сказала: – Да, и если у Тебя найдется немного времени, Ты не мог бы сделать так, чтобы мистер Дункан узнал, кто

на самом деле украл эти деньги? Потому что, если этого не случится, я все равно буду наказана, а это несправедливо.

В тот вечер после ужина Джулия убрала в своей комнате, которую она всегда содержала в идеальном порядке, не оставив ни пылинки, ни соринки. Принимая ванну, она дважды вымыла за ушами. Она была исполнена такой решимости стать безупречной, что, когда Карл и Тед пригласили ее поиграть с ними в настольную игру «Эрудит», суть которой заключается в составлении слов на доске в клетку по правилам кроссворда, она даже не думала подсматривать на цифры в нижнем правом углу фишек, чтобы выбирать те буквы, которые ей было бы выгоднее всего использовать.

* * *

В понедельник Билли Несбита, ученика седьмого класса, поймали за распитием пива под трибунами школьного стадиона во время большой перемены. Пива у него было много, и он щедро делился им с друзьями, а в пустой картонке из-под пива был обнаружен тот самый злополучный конверт, на котором рукой мисс Эббот, классной руководительницы Джулии, было написано: «Деньги на ленч».

Мисс Эббот принесла Джулии свои извинения перед всем классом. Директор школы вызвал Джулию к себе в кабинет и с недовольным видом признал перед ней свою ошибку.

После уроков Джулия вышла из школьного автобуса перед церковью и провела пятнадцать минут внутри. Всю дорогу до дома она бежала, так ей хотелось поскорее поделиться радостной новостью. Раскрасневшаяся от ледяного ветра и возбуждения, она влетела в дом и помчалась на кухню, горя желанием предъявить Мэри Мэтисон неопровержимые доказательства своей невиновности.

– Я могу доказать, что не брала те деньги! – задыхаясь, выпалила она занятой приготовлением ужина матери и братьям, сидевшим перед кухонным столом.

Мэри посмотрела на Джулию с озадаченной улыбкой и, ничего не сказав, продолжила чистить морковь. Карл лишь на мгновение оторвал взгляд от листа бумаги, на котором он вычерчивал план дома, работая над проектом под названием «Архитектурное будущее Америки». Тед рассеянно ей улыбнулся и продолжил читать анонс к новому фильму с Заком Бенедиктом в главной роли.

– Мы знаем, что ты их не брала, – произнесла наконец миссис Мэтисон. – Ты же сразу сказала нам об этом.

– Ты что, забыла? Ты сказала нам, что не брала, – напомнил ей Тед, перевернув страницу журнала.

– Да, но... Но теперь я могу вам это доказать! – воскликнула Джулия, в недоумении переводя взгляд с одного невозмутимого лица на другое.

Миссис Мэтисон отложила морковь и, вымыв руки, принялась с улыбкой расстегивать Джулии куртку.

– Ты уже все доказала – ты дала нам слово.

– Да, но мое слово – не доказательство. То есть недостаточное доказательство.

Миссис Мэтисон посмотрела Джулии прямо в глаза.

– Джулия, – сказала она ласково, но твердо, – никаких доказательств не требуется. Твоего слова вполне достаточно, чтобы мы тебе верили. – Расстегнув пуговицы стеганой куртки Джулии, она добавила: – Если ты всегда будешь честна со всеми так, как честна с нами, тебе никогда и никому ничего не придется доказывать. Всем будет достаточно одного твоего слова.

– Билли Несбит стащил деньги и купил пива для друзей, – упрямо заявила Джулия. И, не в силах остановиться, продолжила: – Почему вы так уверены, что я всегда говорю правду и больше ничего не буду красть?

– Мы достаточно хорошо тебя знаем, – с нажимом на последнем слове сказала ей приемная мать. – Мы доверяем тебе, и мы любим тебя.

– Да, сестренка, мы тебя любим, – с улыбкой сказал Тед.

– Да, мы тебя любим, – эхом откликнулся Карл и, подняв глаза от своего проекта, кивнул.

К своему ужасу, Джулия почувствовала, как слезы жгут глаза, и она торопливо отвернулась. Этот день стал поворотной точкой в ее жизни. Мэтисоны распахнули для нее двери своего дома и свои сердца, они доверяли ей и любили ее. Они знали обо всех ее прегрешениях – и все равно любили ее. Джулия почувствовала себя счастливой избранницей судьбы. Чем заслужила она такое счастье? Теперь она знала, что чудеса случаются, и это чудо случилось с ней. Только теперь она по-настоящему поверила в то, что судьба ее не обманула, что эта чудесная семья дана ей навсегда, пожизненно. Они щедро дарили ей тепло своих сердец, и она расцветала от их тепла, как нежный цветок, открывающий лепестки навстречу солнечным лучам. Она с головой ушла в учебу и сама удивлялась тому, как легко ей все дается. А когда пришло лето, попросила оставить ее в летней школе, чтобы наверстать упущенное.

Прошел примерно год с тех пор, как Джулия Смит переехала жить к Мэтисонам. В один прекрасный зимний день Джулию торжественно пригласили в гостиную. Там ее ждали нарядно упакованные подарки – первые в ее жизни подарки на день рождения. Все Мэтисоны с радостным волнением наблюдали за тем, как счастливая именинница разворачивает подарки. Но самый дорогой, самый ценный подарок был припасен напоследок. Этот подарок был в простом коричневом конверте, с виду ничем не примечательном, и представлял собой лист гербовой бумаги с напечатанным витиеватым шрифтом текстом, начинавшимся словами: «Прощение об удочерении».

У Джулии на глаза навернулись слезы. Подняв взгляд, она прижала лист к груди.

– Вы хотите меня удочерить? – выдохнула она.

Тед и Карл, поняв превратно причину ее слез, начали говорить одновременно. В голосах их звучала тревога.

– Мы только хотели, чтобы все это было официально оформлено, Джулия. Чтобы у тебя была фамилия Мэтисон, как и у нас, – сказал Карл, а Тед добавил:

– Я хочу сказать, что, если ты против, ты не обязана соглашаться... – Он замолчал, когда Джулия бросилась его обнимать, едва не сбив с ног.

– Я хочу этого! – крикнула она. – Хочу! Хочу!

Ничто не могло омрачить ее радости. В тот вечер, когда братья пригласили ее сходить с ними и еще с несколькими общими приятелями в кино, чтобы посмотреть фильм с их кумиром Заком Бенедиктом в главной роли, она с радостью согласилась, хотя и не могла понять, что такого особенного они находят в этом актере. Млея от счастья, она сидела в третьем ряду кинотеатра с братьями по обе руки от нее, соприкасаясь с ними плечами, и рассеянно смотрела на экран, где темноволосый парень только и делал, что гонял на мотоцикле и дрался. При этом вид у него был какой-то отстраненный и скучающий.

– Тебе понравился фильм? Правда, Зак Бенедикт классно играет? – спросил Тед, когда они вышли из кинотеатра вместе с другими подростками, которые говорили в основном примерно то же, что и Тед.

Решимость Джулии всегда говорить правду и ничего, кроме правды, едва не рухнула. Она так сильно любила Теда и Карла, что готова была соглашаться со всем, что бы они ни думали.

– Он... Ну, он кажется мне каким-то старым, – сказала Джулия, ища поддержки у трех девочек-подростков, которые пошли в кино вместе с ними.

Тед посмотрел на нее с удивлением.

– Какой же он старый? Ему только двадцать один год! Но он знает жизнь. Я хочу сказать, что прочитал в одном журнале про кино, что он провел детство на ранчо, с шести лет зара-

батывал себе на жизнь тем, что ухаживал за лошадьми. Он еще мальчишкой научился джигитовке и вместе с цирковой группой ездил по стране, выступал с конными трюками. Потом увлекся мотоциклами. Зак Бенедикт, – закончил Тед торжественно, – тот идеал, к которому может только стремиться любой мужчина.

– Да, но он мне кажется... каким-то холодным, – возразила Джулия. – Холодным и недобрым.

Девочки громко засмеялись над тем, что Джулии казалось вполне очевидным.

– Джулия, – хихикая, сказала Лори Полсон, – Захарий Бенедикт потрясающий мужчина, к тому же очень сексуальный. Все так думают.

Джулия, которая знала, что Карл втайне вздыхает по Лори, тут же ответила:

– А я так не думаю. Мне не нравятся его глаза. Они у него желтые и очень недобрые.

– Глаза у него не желтые, а золотистые. У него невероятно чувственный взгляд, спроси у кого хочешь, тебе каждая скажет!

– Джулия в этом не разбирается, – вмешался в разговор Карл. – Она еще маленькая.

– Не такая уж я маленькая, – возразила Джулия, взяв братьев под руки. – И я точно знаю, что этому Заку Бенедикту до вас далеко. Вы оба намного красивее.

Лесть возымела действие. Карл снисходительно улыбнулся своей тайной пассивности и сказал:

– Беру свои слова обратно. Джулия очень зрело мыслит для своего возраста.

Тед все еще был полностью поглощен мыслями о своем кумире.

– Представь, что тебе с детства приходится зарабатывать себе на жизнь на ранчо, обьезжать лошадей...

Глава 4

1988 год

– Уберите отсюда этих чертовых быков, от их вони и труп загнется! – раздраженно бросил Захарий Бенедикт, окинув животных неприветливым взглядом.

Быки находились в загоне, временно сооруженном в непосредственной близости от основного деревенского дома, изображающего жилище состоятельного владельца ранчо. Зак делал пометки в сценарии, сидя на раскладном стуле с надписью РЕЖИССЕР. От съемок в павильоне студии было решено отказаться в пользу съемок натуральных, хотя на бюджет фильма это повлияло не лучшим образом. Для натуральных съемок и был арендован этот дом, вернее, не просто дом, а целая роскошная усадьба в сорока милях от Далласа, с тенистой аллеей и просторной конюшней. Впрочем, источником благосостояния техасского миллиардера, у которого была арендована эта самая усадьба для съемок фильма, было отнюдь не ранчо, а расположенный неподалеку участок, украшенный нефтяными вышками. Фильм, под рабочим названием «Судьба», который сейчас снимался вблизи Далласа, если верить журналу «Варьете», должен был принести Заку очередной «Оскар» за лучшую мужскую роль и за лучшую режиссуру, при условии, конечно, что удастся его закончить, – картину с самого начала съемок преследовал злой рок.

До вчерашнего вечера Зак считал, что хуже дела уже идти не могут. Изначально утвержденный бюджет в сорок пять миллионов долларов был превышен на семь миллионов, и четыре месяца, отпущенные на съемки, давно истекли. И теперь, после нескольких месяцев бесконечных задержек, оставалось снять лишь две сцены, но чувство облегчения и удовлетворенности, которое должен был бы испытывать Зак в предвкушении завершения главного этапа создания картины, сводила на нет едва сдерживаемая ярость, мешавшая ему сосредоточиться на изменениях, которые он собирался внести в следующую сцену.

Справа от него, возле главной дороги, сейчас устанавливали камеру так, чтобы захватить то, что на экране должно было выглядеть как пламенеющий закат с панорамой Далласа на горизонте. Через открытые двери конюшни Зак мог видеть рабочих, устанавливающих в нужных местах снопы сена, и помощников осветителя, которые сновали со своими приборами туда-сюда, выполняя указания оператора. За конюшней, вне зоны досягаемости камер, двое каскадеров отгоняли машины с опознавательными знаками техасской дорожной полиции, которые завтра предстояло снять в сцене погони. По периметру лужайки, под сенью дубов широким полукругом стояли трейлеры, где гримировались и отдыхали актеры, снимавшиеся в главных ролях. Жалюзи на окнах были опущены, кондиционеры по случаю беспощадной июльской жары работали на полную мощность. Припаркованные поблизости палатки на колесах вели бойкую торговлю охлажденными напитками, их охотно раскупали истекающие потом члены съемочной группы и страдающие от перегрева актеры.

Рабочая группа фильма состояла исключительно из профессионалов – людей, привычных к тому, что порой приходится много часов проводить в ожидании съемок короткого эпизода, и всегда готовых явиться к режиссеру по первому его зову. Обычно атмосфера на съемочной площадке была довольно теплой и дружеской, а перед окончанием съемок так вообще праздничной. При нормальном стечении обстоятельств те люди, которые сейчас, явно испытывая неловкость, переминались, разбившись на мелкие группки, возле палаток и молча поглощали прохладительные напитки, уже окружили бы Зака плотным кольцом, перебрасываясь шутками и прибаутками, вспоминая пережитое за время съемок, или с энтузиазмом делились бы соображениями по поводу завтрашнего празднования окончания съемок. Однако после того, что произошло вчера, никто не хотел общаться с Заком по доброй воле, по мере возмож-

ности избегая любого контакта с ним, и, разумеется, праздника по поводу окончания съемок никто не ожидал.

Сегодня все тридцать восемь человек, занятых на съемках в Далласе, старательно обходили режиссера стороной, и для них всех предстоящие несколько часов работы казались мукой. И как следствие, каждый, кому сегодня приходилось давать указания, гаркал на своих подчиненных, словно фельдфебель на плацу. И у тех, кто всегда выполнял эти указания расторопно и ловко, сегодня все, как назло, валилось из рук, как это обычно бывает, когда не терпится поскорее покончить с тем, что делать не хочется и противно.

Зак почти физически ощущал исходящие от окружающих флюиды: сочувствие и жалость от тех, кому он нравился, злорадство от тех, кто его не любил или водил дружбу с его женой, жгучее любопытство со стороны тех, кто не питал ни к нему, ни к его жене никаких особых чувств.

С опозданием осознав, что никто не услышал его приказ убрать быков, Зак огляделся в поисках главного помощника и увидел его на лужайке. Тот стоял, уперев руки в бока и запрокинув голову, и смотрел, как взлетает один из вертолетов, на которых отснятый за день материал переправляли в Даллас для обработки. Вращающиеся лопасти подняли облако пыли, обдавая Зака жаром, густо приправленным запахом навоза.

– Томми! – раздраженно заорал Зак.

Томми Ньютон повернулся и затрусил к нему, отряхивая пыль с шорт. Очкастый коротышка с редющими темно-русыми волосами и карими глазами, помощник режиссера больше походил на кабинетного ученого, чем на киношника, но за неприметной внешностью скрывался человек с удивительным чувством юмора и неиссякаемой энергией. Однако сегодня даже Томми, похоже, утратил рабочий настрой. Сунув под мышку планшет на случай, если придется что-то записывать, он спросил Зака:

– Ты меня звал?

Даже не потрудившись поднять на него взгляд, Зак бросил угрюмо:

– Позаботься о том, чтобы кто-нибудь отогнал быков подальше.

– Конечно, Зак. – Повернув регулятор громкости прикрепленного к ремню передатчика, Томми поправил микрофон с наушниками и обратился к Дугу Ферлоу, старшему плотнику, руководившему бригадой рабочих, возводящих забор вокруг конюшни для завтрашней финальной сцены. – Дуг, – произнес в микрофон Томми.

– Что, Томми?

– Вели парням у загона выпустить быков на южное пастбище.

– Я думал, они нужны Заку для следующего кадра.

– Он передумал.

– Ладно, сейчас этим займусь. Мы можем начинать устанавливать декорации в доме, или он хочет с этим повременить?

Томми перенаправил этот вопрос Заку.

– Не делайте ничего, – отрывисто бросил тот в ответ. – Ни к чему не прикасайтесь, пока я не просмотрю отснятый материал. Если что-то будет не так, я не хочу тратить время на еще один дубль.

Передав слова Зака Дугу Ферлоу, Томми уже собрался отойти, но после непродолжительных колебаний все же произнес:

– Зак, ты, вероятно, не в настроении слушать то, что я хочу сказать, но, боюсь, у меня не будет иного шанса.

Зак попытался изобразить вежливый интерес, и Томми с запинкой продолжил:

– За эту картину ты заслужил еще пару «Оскаров». У нас у всех мурашки по коже бегали в нескольких сценах с Рейчел и Тони, и это не преувеличение.

Одно упоминание имени его жены, в особенности в сочетании с именем Тони Остина, довело Зака почти до точки кипения. Он резко встал, сжимая в руке сценарий.

– Мне приятно это слышать, – сказал он сухим деловым тоном. – Для съемок следующей сцены еще хватит освещения, так что, когда на конюшне все будет готово, будем снимать. Пусть съемочная группа поужинает, а я пока все проверю. Возьму что-нибудь попить и пойду куда-нибудь, где смогу сосредоточиться. – Мотнув головой в сторону небольшой дубовой рощицы, Зак добавил: – Найдешь меня там, если понадобится.

Он направлялся к палатке с напитками, когда дверь трейлера Рейчел распахнулась, и она вышла из него в тот самый момент, когда Зак проходил мимо. Глаза их встретились, и все вокруг разом притихло и замерло в ожидании. Казалось, даже воздух был насыщен электричеством, как перед грозой, но Зак не стал задерживаться возле жены. Сделав вид, что ее не видит, он прошел мимо Рейчел к палатке с напитками. Потягивая холодную минеральную воду, он пообщался с ассистентом Томми Ньютона и перекинулся парой слов с двумя каскадерами. Зак был очень хорошим актером и за это свое представление, несомненно, заслужил еще один «Оскар». Только он знал, чего ему стоила эта непринужденность. Он не мог видеть Рейчел, не вспоминая ее такой, какой увидел вчера вечером, когда неожиданно зашел в их номер в отеле и застал ее вместе с Тони Остином...

Вчера днем он сообщил ей, что намерен вечером устроить совещание с бригадой операторов и помощниками режиссера, чтобы обсудить некоторые новые появившиеся у него идеи. Он собирался заночевать у себя в трейлере. Однако когда все приглашенные собрались у него в трейлере, как он просил, Зак обнаружил, что оставил свои записи в отеле, и, вместо того чтобы кого-то за ними послать, решил для экономии времени отправиться в отель вместе со всеми. Он пребывал в необыкновенно приподнятом настроении – съемки близились к финалу, и по его внутренним ощущениям результат стоил всех потраченных усилий. Зак в сопровождении пяти своих помощников вошел в номер и включил свет.

– Зак! – воскликнула Рейчел, скатившись с лежавшего на диване обнаженного мужчины. Дрожащей рукой она потянулась за пеньюаром, в глазах ее стоял ужас. Тони Остин, который был ее партнером и, как и она, играл в фильме ведущую роль, резко сел.

– Зак, пожалуйста, не нервничай! – воскликнул он и, вскочив с дивана, метнулся за его спинку, когда Зак шагнул к нему. – Не трогай мое лицо! – истерично выкрикнул он. – Мне еще в двух сценах сниматься и...

Зака пришлось оттаскивать пятерым мужчинам.

– Зак, не дури! – воскликнул главный осветитель, пытаясь удержать режиссера.

– Мы не сможем закончить этот чертов фильм, если ты испортишь ему физиономию! – задыхаясь, проговорил Дуг Ферлоу, схватив Зака за руки.

Зак расшвырял обоих и успел нанести несколько точных ударов Тони по ребрам до того, как его скрутили и оттащили от него. Тяжело дыша, Зак наблюдал, как голого прихрамывающего Остина, окружив плотным кольцом, выводят из номера. За открытой дверью люкса собралась небольшая толпа из постояльцев отеля. Всех, надо думать, привлекли крики Рейчел, которая умоляла Зака перестать избивать Тони. Зак громко захлопнул дверь прямо перед носом любопытных зевак.

Обойдя Рейчел, которая зябко куталась в шелковый персиковый пеньюар, Зак, с трудом сдерживая желание ее ударить, прошел к двери в спальню.

– Убирайся! – сказал он. – Убирайся немедленно, или я за себя не отвечаю!

– Не смей мне угрожать, ты, выскочка! – бросила она ему в ответ с такой ненавистью, что Зак невольно замер, пораженный. – Если ты хоть пальцем меня ударишь, мой адвокат заставит тебя при разводе оставить мне не половину, а все, что у тебя есть! Ты понял меня, Зак? Я с тобой развожусь. Мы с Тони поженимся!

Зак едва не утратил над собой контроль, осознав, что, кувыркаясь друг с другом в постели, жена и ее любовник еще и потешались над ним, строя планы на дальнейшую жизнь с его, Зака, деньгами. Схватив Рейчел за плечи, он грубо толк-нул ее к двери:

– Я убью тебя раньше, чем ты получишь мои деньги! А теперь убирайся!

Рейчел споткнулась, упала на колени, затем поднялась и, взявшись за ручку двери, с перекошенным от ненависти лицом бросила ему на прощание:

– Если ты думаешь отстранить меня или Тони от завтрашних съемок, можешь об этом забыть! Ты всего лишь режиссер. Студия вложила в этот фильм целое состояние. Они заставят тебя доснять фильм, и они обдерут тебя как липку, если ты станешь затягивать со съемкой. Подумай об этом, – со злорадной ухмылкой сказала она, распахнув дверь, – подумай и о том, что ты так или иначе окажешься в проигрыше. Если ты не закончишь картину, то разоришься. А если закончишь, я получу половину того, что ты заработаешь! – Она вышла, хлопнув дверью так, что та едва не слетела с петель.

Насчет того, что «Судьбу» придется доснять, Рейчел была права, и Зак об этом знал. Осталось доснять всего две сцены, и в обоих были заняты Рейчел и Тони, его вероломная жена и ее любовник. И ему, Заку, придется с этим смириться.

Он подошел к буфету и, достав из бара бутылку, плеснул себе виски в стакан. Выпил одним махом и налил еще. Со стаканом в руке Зак подошел к окну, из которого открывался роскошный вид на Даллас. И гнев потихоньку стал утихать. Утром он сделает звонок адвокату и даст команду начать бракоразводный процесс на его, Зака, условиях. Он, хотя и заработал очень хорошие деньги как актер, во много раз больше денег сколотил как бизнесмен, сделав весьма удачные вложения, и эти инвестиции делались не напрямую, а через самые разнообразные трастовые фонды. Он заранее позаботился о том, чтобы Рейчел не прибрала к рукам еще и эти его сбережения. Зак почувствовал, что немного успокаивается. В конце концов он контролирует ситуацию. Он переживет то, что случилось, и пойдет дальше. Это ему по силам. Он знал, что справится, потому что много лет назад, в возрасте восемнадцати лет столкнулся с куда более страшным предательством, чем предательство жены, и обнаружил в себе способность без сожалений вычеркивать из жизни того, кто его предал, и никогда, никогда не оглядываться назад.

Зак отошел от окна и направился в спальню. Вытащив из шкафа чемоданы Рейчел, он побросал в них ее одежду, снял с телефонного аппарата трубку и набрал номер дежурного портье.

– Пришлите носильщика в номер-люкс, – сказал он, а когда через несколько минут явился носильщик, Зак вручил ему небрежно закрытые чемоданы с торчащей из них одеждой со словами: – Отнесите их в номер мистера Остина.

Даже если бы Рейчел пришла и стала умолять его простить ее, он бы не позволил ей вернуться к нему, даже если бы поверил ее словам.

Для него она была уже мертва.

Так же мертва, как его бабушка, которую он когда-то любил, как его сестра и брат. Ему пришлось приложить немалые усилия к тому, чтобы вырвать их из сердца и памяти, но он это сделал.

Глава 5

Сосредоточиться на работе у Зака не получалось, как он ни старался. Здесь, в тенистой роще, Зак не чувствовал на себе цепкие взгляды и имел возможность сколько угодно наблюдать за участниками съемок. Он сидел на траве, привалившись спиной к стволу дуба, и смотрел вдаль. Он увидел, как его жена направилась к трейлеру Остина и вошла в его временное пристанище. Зак мысленно приказал себе не заводитьсь. Хуже, чем есть, уже не будет. Пикантные подробности разыгравшейся вчера вечером сцены уже появились в утренних новостях, и он не льстил себя надеждой на то, что скандал не станет достоянием широкой общественности. Даже если друзья по цеху и не воспользовались удачно подвернувшейся возможностью слить информацию прессе и немного подзаработать, то в шепетильности прочих гостей отеля, ставших свидетелями его позора, Зак был уверен еще меньше. И сейчас репортеры пытались пробиться на съемочную площадку, и нанятые Заком охранники героически держали оборону. Им даже удалось оттеснить журналистов к шоссе, как с помощью банальной физической силы, так и с применением более изощренных методов. Представителям четвертой власти было обещано, что Зак сделает заявление для прессы в конце дня при условии, что его и его съемочную бригаду не станут беспокоить до окончания съемок. Интрига усугублялась еще и тем, что Рейчел и Тони уже сделали свои заявления для прессы, и все ждали от Зака ответного хода. Впрочем, Зак не считал нужным ни перед кем объясняться, а тем более оправдываться. Главное, чтобы его сейчас оставили в покое, а там видно будет. Вообще-то ему было все равно, какое о нем будет создано впечатление журналистами. Ему вообще все было безразлично, включая и тот факт, что Рейчел уже начала бракоразводный процесс раньше его, о чем Зака утром по телефону уведомил ее адвокат. Единственное, что не могло оставить его равнодушным, единственное, что выводило его из себя, так это необходимость сегодня же отснять финальную сцену фильма. Сцену с участием Тони и Рейчел – страстную, бурную эротическую сцену. И снимать ее придется в присутствии всех тех, кто стал невольным свидетелем отнюдь не постановочной сцены с участием тех же партнеров.

Но как только этот последний Рубикон окажется позади, как только с Рейчел будет покончено, все пойдет у него намного проще и легче, чем представлялось ночью. Потому что – и в этом Зак мог признаться самому себе – все, что он чувствовал к ней, когда они три года назад поженились, кануло в Лету задолго до вчерашнего вечера. Уже давно они стали друг для друга не более чем удобными сексуальными и деловыми партнерами. Без Рейчел жизнь его не станет более бессмысленной и пустой, чем была большую часть последнего прожитого им десятилетия.

Подумав об этом, Зак нахмурился, наблюдая за крохотным жучком, упорно и настойчиво карабкающимся вверх по стебельку травы. Почему жизнь часто казалась ему такой досадливо бессмысленной? А ведь так было не всегда. Зак помнил...

Когда Чарли Мердок привез его в Лос-Анджелес на своем выдавшем виды фургоне, у него не было за душой ни гроша, и работа грузчиком в «Эмпайр студияс», которую помог получить Чарли, показалась настоящим подарком судьбы. Месяц спустя режиссер, который снимал малобюджетный фильм о бандитах из трущоб, терроризировавших школьников из богатого пригорода, заметил Зака и предложил ему роль. От Зака лишь требовалось стоять, прислонившись спиной к каменной стене, и при этом казаться холодным и отчужденным. Полученный Заком в тот день дополнительный приработок тогда показался ему щедрым благодеянием, как, впрочем, и сделанное на следующий день тем же режиссером предложение.

– Зак, мой мальчик, – сказал он ему тогда, – у тебя есть то, что дано, увы, далеко не всем. Камера тебя любит. На экране ты похож на Джеймса Дина наших дней, только ты выше и симпатичнее. Ты блестяще сыграл тот эпизод, ничего при этом не делая, просто присутствуя

в кадре. Если ты сможешь играть, я дам тебе роль в вестерне, который начал снимать. Да, и еще тебе надо получить справку о том, что ты не член профсоюза актеров.

Зака не так впечатлила перспектива стать актером, как сумма предложенного гонорара, и потому он получил требуемую справку и научился играть.

На самом деле играть для него оказалось совсем не сложно. Во-первых, он начал «играть» за несколько лет до того, как покинул дом бабки, делая вид, что ему на все плевать, хотя на самом деле это было не так. Во-вторых, ему помогала целеустремленность. Он во что бы то ни стало стремился доказать бабке и всем живущим в Риджмонте, что способен прожить и без их помощи, и не просто прожить, но и преуспеть в жизни. И ради достижения этой цели он готов был пойти на все, выдержать любые испытания.

Риджмонт – маленький город, и Зак не сомневался в том, что подробности его изгнания стали известны всем жителям уже через пару часов после того, как он пешком ушел из дома бабки. Когда первые два фильма с его участием вышли в прокат, Зак скрупулезно изучил каждое письмо от поклонников в надежде, что среди них окажется послание от кого-нибудь, с кем он был знаком в прежней жизни и кто его узнал. Но если даже его кто и узнавал в Риджмонте, то никто из прежних знакомых не потруился ему написать.

Успех вскружил Заку голову настолько, что он даже стал мечтать о том, как, вернувшись в Риджмонт, скупит все предприятия Стенхоупов, чтобы все поняли, кто настоящий хозяин в их городе. Однако годам к двадцати пяти, когда сумма, достаточная для претворения в жизнь этого плана, была накоплена, Зак уже повзрослел настолько, чтобы понять: даже если он скупит и поставит на колени весь этот чертов город, ему от этого легче не станет. К тому времени он уже получил свой первый «Оскар», получил университетский диплом и был высоко оценен критикой. Теперь он имел возможность выбирать роли, имел солидный счет в банке, и открывавшиеся перед ним перспективы представлялись еще более грандиозными.

Он всем доказал, что способен выжить и добиться процветания. Теперь ему не к чему было стремиться, нечего доказывать, и от этого жизнь вдруг стала казаться пустой и бессмысленной.

Добившись всего, к чему стремился, Зак стал искать удовлетворения в иных сферах. Он строил особняки, покупал яхты, водил гоночные автомобили. На гламурных приемах он появлялся с самыми красивыми женщинами, которых потом укладывал в постель. Он получал удовольствие от их красивых тел и часто от их общества тоже, но никогда не воспринимал их всерьез, и это по большей части устраивало и его, и женщин. Он стал чем-то вроде сексуального приза, его добивались потому, что переспать с ним было престижно, а актрисы еще и потому, что он обладал влиянием и связями, которые могли быть им полезны. Как и все суперзвезды и секс-символы до него, он стал заложником собственного успеха. Он не мог и шагу ступить, чтобы ему не досаждали поклонники и поклонницы. Женщины совали ему в руку ключи от номеров в отеле и подкупали портье, чтобы попасть в его номер. Жены продюсеров приглашали его в свои загородные дома на уик-энд и, ускользнув от мужей, забирались к нему в постель.

Хотя Зак часто пользовался теми благами, какие предоставляла ему популярность, что-то в нем, то ли совесть, то ли латентная набожность, восставало против беспорядочных сексуальных связей и порхания по жизни. Процветающие в Голливуде нарциссизм и нуворишество подспудно внушали ему отвращение, Голливуд представлялся ему чем-то вроде сточной канавы, кишащей человеческими отбросами, вонявшей так, что хоть нос зажимай.

Однажды утром Зак проснулся с ощущением, что не может так дальше жить. Он устал от бездумного секса, от шумных вечеринок, его тошнило от невротичных актрис, амбициозных старлетов и того образа жизни, который вел.

Он стал искать способ заполнить пустоту, найти для себя новую цель в жизни. Актерство больше не поглощало его целиком, как раньше, и поэтому он стал подумывать о режиссуре. Он понимал, что провал в качестве режиссера грозит ему катастрофой, но риск лишь разжигал

в нем азарт. Желание, пусть не вполне осознанное, создать фильм уже давно жило в нем, и теперь режиссура стала его новой целью, и Зак со всей свойственной его натуре увлеченностью принялся за ее осуществление. Президент «Эмпайр» Ирвин Левин пытался отговорить его от этой затеи, он умолял и увещевал, но в конечном итоге был вынужден капитулировать. Впрочем, Зак ни на что иное не рассчитывал.

Фильм, который отдал ему на растерзание Левин, был малобюджетным триллером под названием «Ночной кошмар». В нем было две главные роли, одна для девятилетней девочки, другая для матери. На роль ребенка по настоянию студии была утверждена Эмили Макдэниелс с легендарными ямочками Ширли Темпл. Сейчас ее звезда катилась к закату, поскольку Эмили было почти тринадцать, но на экране она вполне могла сойти за девятилетнего ребенка, и контракт со студией был у нее еще не расторгнут. Гламурная блондинка Рейчел Эванс, утвержденная на роль матери, тоже не была на пике популярности. В предыдущих своих фильмах Рейчел играла лишь второстепенные роли и ни в одной из них не проявила выдающихся актерских талантов.

Студия всучила Заку этих двух актрис по вполне понятной причине: ему хотели преподать урок, внушить, что его конек – актерство, а никак не режиссура. Фильм в лучшем случае мог окупить расходы на его производство, и, как надеялись продюсеры, полученный результат убедит Зака в том, что не стоит понапрасну растрачивать свои силы, ввязываясь в безнадежное предприятие.

Он все понимал, но это его не остановило. Еще до того как фильм был запущен в производство, Зак несколько недель потратил на то, чтобы пересмотреть все фильмы с участием Рейчел и Эмили, и понял, что в некоторых моментах, пусть и кратких, Рейчел Эванс играла талантливо. Детская прелесть Эмили, изрядно поблекшая в пубертатном периоде, сменилась свежестью юности, которая очаровывала, потому что была не наигранной, а настоящей.

Зак постарался вытащить из этих двух женщин все, что мог, в течение последующих восьми недель съемок. Его настроенность на успех оказалась заразительной, не последнюю роль сыграло и врожденное чувство времени и умение «ловить свет», но главной слагающей успеха оказалось его интуитивное знание того, как представить Эмили и Рейчел с самой выигрышной стороны.

Рейчел злилась на него за то, что он заставлял ее делать бесчисленные дубли и, как ей казалось, постоянно к ней придирался, но когда посмотрела отснятый материал, лишь тихо сказала:

– Спасибо, Зак. Впервые в жизни я увидела, что могу играть по-настоящему хорошо.

– И похоже, я могу по-настоящему хорошо снимать кино, – насмешливо передразнил ее Зак. Он был доволен увиденным и не скрывал этого.

Рейчел была потрясена.

– Ты хочешь сказать, что сомневался в успехе? Я думала, ты на все сто в себе уверен!

– Честно говоря, я ни одной ночи не спал спокойно с тех пор, как мы начали снимать, – вздохнул Зак. Впервые за многие годы он кому-то признался, что недостаточно уверен в себе, но этот день был особенным во всех смыслах. Зак только что получил наглядное подтверждение своему режиссерскому таланту. Более того, благодаря его таланту режиссера шансы на актерское будущее обаятельного ребенка по имени Эмили Макдэниелс значительно возросли. Эмили заметили критики, и оценка ее игры была самая лестная. Зак так полюбил Эмили, что стал даже подумывать о том, не завести ли ему самому ребенка. Наблюдая за тем, как она общается с отцом, который постоянно присутствовал на съемках, как они вместе смеются, как им хорошо друг с другом, Зак вдруг понял, что сам хочет иметь семью. Вот чего ему так не хватало в жизни: жены и ребенка, которые бы радовались вместе с ним его успехам, с которыми можно вместе смеяться, ради которых стоило жить и работать.

Они с Рейчел отметили выход картины в прокат совместным ужином у него дома, а прислуживал за столом пожилой дворецкий Зака. Атмосфера обоюдной откровенности возникла еще до ужина, когда Зак и Рейчел поделились друг с другом своими тайными сомнениями в собственном таланте, и эта атмосфера способствовала непринужденной интимности, которая в случае с Заком была явлением беспрецедентным и имела своего рода терапевтический эффект. Они ужинали в его доме в Лос-Анджелесе на берегу залива Санта-Моника, которым можно было любоваться через стеклянную стену высотой в два этажа, и говорили, говорили без конца, говорили о чем угодно, только не о работе, что для Зака явилось приятным разнообразием, поскольку предыдущий опыт общения с актрисами показал, что они ни о чем другом, кроме как о «деле», говорить не желают. Вечер закончился в постели, где и Зак, и Рейчел смогли сполна насладиться друг другом, поскольку оба любили заниматься сексом и предавались этому занятию с полной самоотдачей. Страсть Рейчел казалась Заку вполне искренней. У него не возникло ощущения, что, отдаваясь ему, она расплачивается за то, что он сделал для нее как режиссер, и это тоже ему понравилось. И вообще он был доволен всем, что происходило между ними в постели. Ему нравились и пылкость Рейчел, и ее чувственность, и ее ум.

Перевернувшись на живот и приподнявшись на локтях, Рейчел посмотрела на него и спросила:

– Зак, какая у тебя главная мечта в жизни? Я имею в виду настоящую мечту.

На мгновение он замер, а потом, возможно, то ли от того, что ослабел от любовных игр, или от того, что ему надоело все время притворяться, делая вид, что он доволен жизнью, он ответил совершенно искренне:

– Я мечтаю о маленьком домике в прериях.

– Что? Ты хочешь сказать, что мечтаешь сняться в продолжении сериала «Маленький домик в прериях»?

– Нет, я хочу жить в таком домике. Впрочем, он не обязательно должен находиться в прериях. Можно купить ранчо где-нибудь в горах.

Рейчел расхохоталась:

– На ранчо! Ты же терпеть не можешь лошадей, и тебя воротит от коров, и все об этом знают. Мне Томми Ньютон рассказывал. – Томми Ньютон работал в «Ночном кошмаре» помощником режиссера. – Томми был осветителем в первом вестерне, том, где ты снялся еще совсем мальчишкой с Мишель Пфайффер. – С улыбкой Рейчел провела подушечкой пальца по его губам. – Как бы там ни было, что ты имеешь против коров и лошадей?

Зак игриво прикусил ее палец и сказал:

– У них наблюдается ярко выраженный географический кретинизм, и потому их всегда заносит совсем не туда, куда надо. Именно это и произошло в той первой картине: жеребцы развернулись и понеслись прямо на нас.

– Мишель говорит, что ты тогда спас ей жизнь. Ты подхватил ее и отнес в безопасное место.

Зак опустил голову и усмехнулся.

– Мне пришлось ее спасти, – пошутил он. – Я как угорелый мчался к скалам, а лошади мчались за мной. Мишель оказалась у меня на пути. Я подхватил ее только для того, чтобы она не мешала мне спастись бегством.

– Не скромничай. Она говорила, что сама бежала со всех ног и звала на помощь.

– И я тоже, – шутливо округлив глаза, сказал Зак. – Мы оба были тогда почти детьми. Кажется, с тех пор прошло уже сто лет.

Рейчел перевернулась на бок и прижалась к Заку всем телом, проводя пальцем от его плеча к пупку. Но, дойдя до пупка, она замерла.

– Откуда ты родом на самом деле? Только, пожалуйста, не рассказывай мне сказки о том, что ты рос беспризорником, объезжал лошадей и гонял по округе на мотоцикле с бандой байкеров.

Желание пооткровенничать не простиралось настолько, чтобы Зак захотел обсуждать свое прошлое. Он никогда не делал этого прежде и менять привычки не собирался. Когда ему было восемнадцать и в отделе по связям с общественностью его попросили предоставить сведения о себе, он холодно предложил им самим заполнить белые пятна в его биографии той информацией, какую они захотят придумать: пусть сочиняют любую сказку, но его прошлое, его реальное прошлое, умерло даже для него, а о покойниках либо хорошо, либо ничего. Зак предпочитал последнее.

– Я обычный парень, как все, – уклончиво ответил он, тем самым ясно давая ей понять, что пора менять тему.

– Но ты не из тех простых парней, кто не знает, в какой руке держать вилку, а в какой нож, это уж я точно тебе говорю, – не унималась Рейчел. – Томми Ньютон рассказал, что даже в восемнадцать у тебя было в избытке того, что он называл «светским лоском». Правда, это единственное, что он мог рассказать о тебе, а ведь вы работали вместе в нескольких фильмах. И никто из актрис, что с тобой работали, тоже ничего о тебе не знает. Гленн Клоуз и Голди Хоун, Лорен Хаттон и Мэрил Стрип – все они говорят, что с тобой замечательно работается, но ты человек очень закрытый. Я это знаю, потому что я их спрашивала.

Зак даже не попытался скрыть досаду.

– Если думаешь, что твое любопытство мне льстит, то заблуждаешься.

– Я ничего не могу с собой поделать, – со смехом ответила Рейчел и поцеловала его в щеку. – Вы, мистер Бенедикт, – воплощение самой заветной женской мечты об идеальном любовнике. Ни для кого не секрет, что ни одной из женщин, которые побывали в этой постели до меня, не удалось вызвать вас на по-настоящему откровенный разговор о себе. И поскольку мне повезло оказаться в этой постели рядом с вами, и поскольку вы говорили сегодня со мной о многом таком, что касается лично вас, я решила, что либо мне удалось застать вас в момент слабости, либо... возможно... я нравлюсь вам больше, чем другие. Как бы там ни было, я должна попытаться выяснить о тебе нечто такое, чего не могли обнаружить другие женщины. Сейчас на кону стоит моя женская гордость, вы же понимаете.

Ее беспрецедентная прямота даже развеселила Зака. Она предлагала играть в открытую, и он решил: почему бы и нет?

– Если ты хочешь и дальше нравиться мне больше прочих, – сказал он только наполовину в шутку, – перестань меня допрашивать. Давай поговорим о чем-то более приятном.

– Кстати, о приятном... – Рейчел легла к нему на грудь и, глядя ему в глаза, игриво улыбнулась. Зак, что естественно, ожидал от нее какого-то непристойного предложения, но ее выбор темы так его удивил, что он рассмеялся. – Давай подумаем... Я знаю, что ты терпеть не можешь лошадей. Но ты любишь мотоциклы и спортивные машины. С чего бы это?

– С того, – насмешливо ответил он, переплетая пальцы с ее пальцами, – что они не собираются в табуны со своими приятелями, когда ты их паркуешь, и не пытаются тебя переехать, когда поворачиваешься к ним спиной. И они движутся туда, куда ты им указываешь.

– Зак, – прошептала она, касаясь губами его губ, – мотоциклы – не единственное, что движется в заданном тобой направлении. Я могу делать то же самое.

Зак отлично понял намек. Он указал ей нужное направление, и она опустила ниже и наклонила голову.

На следующее утро Рейчел приготовила ему завтрак.

– Мне бы очень хотелось сняться еще в одной картине... Чтобы окончательно доказать всему миру, что я на самом деле могу играть, – сказала она, засовывая в духовку булочки.

Довольный и расслабленный Зак наблюдал за тем, как она хлопчет на кухне в домашних брюках свободного покроя и в его рубашке, завязанной узлом на талии. В одежде, лишенной сексуального подтекста, без изысканного макияжа она казалась ему намного милее и привлекательнее. И он уже успел обнаружить, что она еще и умна, чувственна и остроумна.

– А потом? – спросил он.

– А потом я бы хотела оставить карьеру. Как и ты, я мечтаю о настоящей жизни, в которой есть место чему-то более важному, чем борьба с лишними килограммами или возрастными морщинами. Волшебная страна грез, в которой мы обитаем, и те насковзь фальшивые сказки, в которые мы заставляем верить весь остальной мир, не стоят того, чтобы на них тратить жизнь.

Для Зака такого рода заявление, прозвучавшие из уст не кого-нибудь, а актрисы, было подобно глотку свежего воздуха. И поскольку он и сам собирался завязать с кино, ему показалось, что он наконец встретил женщину, которой был нужен именно он, – он, сам по себе, – а не то, что он мог сделать для ее карьеры. Зак думал об этом, когда Рейчел, наклонившись над кухонным столом, глядя ему в глаза, спросила:

– Ну как? Мои мечты перекликаются с твоими?

Зак осознал, что она делает ему предложение, без лукавства, без расчета на эффект. Он восхищался храбростью этой женщины. Какое-то время он просто молча и внимательно смотрел на нее. А потом, не пытаясь сделать вид, насколько важно для него то, что он услышит в ответ, спросил:

– А дети есть в твоих мечтах, Рейчел?

Нежно и без колебаний она сказала:

– Твои дети?

– Мои дети.

– Мы можем начать прямо сейчас?

Зак засмеялся от неожиданности, но когда Рейчел оказалась у него на коленях, веселость сменилась глубокой нежностью и вновь зарождающейся надеждой, хотя он думал, что все эти эмоции для него утеряны навсегда, еще двенадцать лет назад. Его руки скользнули под узел ее рубашки, и нежность смешалась со страстью.

Через четыре месяца они поженились. Обряд венчания состоялся в элегантной беседке в поместье Зака в Кармеле, в присутствии тысячи гостей, в числе которых были несколько губернаторов и сенаторов. Над лужайкой зависли с десятков вертолетов, которых, надо сказать, никто не приглашал, и вихри от вращающихся лопастей, проносясь над лужайкой, раздували пышные юбки и фальшивые локоны дам, а репортеры, оккупировавшие вертолеты, снимали на камеры пышное празднество. Другом жениха был хозяин соседнего с Заком поместья, промышленник Мэтью Фаррел, который и придумал, как положить конец нашествию прессы. Злобно поглядывая на кружащие над головой вертолеты, он сказал:

– Надо бы поставить вопрос об аннулировании Первой поправки.

Зак усмехнулся. Сегодня был день его свадьбы, и он пребывал в редком для него состоянии безмятежного благодушия и спокойного оптимизма. Он уже живо представлял, как проводит тихие вечера в кругу семьи, держит на коленях ребятшек. Воображение рисовало ему сладостные картины семейной жизни, которой у него никогда не было. Рейчел захотела пышную свадьбу, и он не мог не сделать ей приятное, хотя сам предпочел бы улететь на Тахо в компании только самых близких друзей.

– В конце концов, всегда можно послать кого-нибудь в дом за ружьями. Их там достаточно, – пошутил он.

– Хорошая мысль. Используем бельведер в качестве блиндажа и перестреляем этих ублюдков.

Они засмеялись. Последовавшее молчание не было тягостным, совсем наоборот. Зак и Мэтью познакомились три года назад, когда несколько подростков из числа фанатов Зака пере-

лезли через ограду вокруг его дома и, убегая, отключили сигнализацию на обоих участках. В ту ночь Зак и Мэтт обнаружили, что у них много общего, включая пристрастие к старому доброму скотчу и безжалостной прямоте в высказываниях, общей была у них ненависть к притворству и претенциозности, и, как позднее выяснилось, они сходились во мнениях относительно теории и практики финансовых вложений. Со временем они стали не просто друзьями, но и деловыми партнерами, совладельцами нескольких предприятий с венчурным капиталом.

«Ночной кошмар» не был номинирован на «Оскар», но прибыль принес приличную и получил отличные рецензии. Он также реанимировал карьеры Эмили и Рейчел. Благодарность Эмили и ее отца была безграничной. Что касается Рейчел, то она внезапно решила, что не готова расстаться с актерской профессией и не готова родить ребенка, которого так хотел Зак. Карьера, которую по ее же заявлению она собиралась оставить, оказалась ее единственной всепоглощающей страстью, ее наваждением. Она и мысли не могла допустить о том, чтобы не прийти на важный прием или не воспользоваться возможностью заявить о себе, каким бы ничтожным ни был шанс повысить таким образом свой рейтинг. Вся домашняя прислуга Зака, его секретарь, его специалист по печати и рекламе – все по ее милости работали в авральном режиме, пытаясь поспеть за ее неумными амбициями. Жажда славы и признания заставляла ее ненавидеть любую актрису, известность которой превосходила ее собственную, и при этом сама Рейчел была настолько не уверена в своих актерских способностях, что готова была сниматься только в картинах Зака. Работать у других режиссеров она отчаянно боялась.

Оптимизм, переполнявший Зака в день свадьбы, рухнул под гнетом реальности. Его окрутила и женила на себе хитрая карьеристка, актриса, которая верила, что лишь он может открыть ту дверь, за которой ее ждали слава и богатство. Зак понимал это, но в произошедшем винил больше себя, чем Рейчел. Выйти за него замуж ее побудили амбиции, и ее мотивация была ему ясна, потому что даже если он не одобрял ее методов, то и им самим когда-то двигала потребность доказать свою состоятельность. Он же вступил в брак из сентиментальности, которая, как полагал Зак, ему совсем несвойственна и которой он стыдился. И эта латентная сентиментальность заставила его поверить, пусть ненадолго, в осуществимость мечты об уютном семейном очаге, о любящей, преданной супруге и розовощеких счастливых ребятишках, которым он станет читать сказки на ночь. Как ему бы следовало знать, основываясь на собственном опыте, такие семьи – миф, навязанный миру поэтами и киноиндустрией. Ошибка Зака состояла в том, что, вместо того чтобы преследовать реальные цели, он погнался за иллюзией, за миражом, и теперь его ждала расплата – бесконечная пустыня до самого горизонта, до скончания дней.

Среди товарищей Зака по несчастью, коих в Голливуде было немало, этот недуг под названием «хандра» принято было лечить кокаином, синтетическими наркотиками разной степени тяжести, антидепрессантами или алкоголем, принимаемым как минимум дважды в день. Однако Зак унаследовал от бабушки презрение к любому проявлению слабости и потому к такого рода «костылям» относился неодобрительно. Он решал свою проблему единственным возможным для него способом: каждое утро, едва проснувшись, он брался за работу и трудился до полного изнеможения, после чего валился спать. С Рейчел он решил не разводиться, рассудив, что, хотя их супружество было далеко не идеальным, их совместная жизнь все равно была много лучше той, что была у его бабки и деда, и совсем не хуже, чем у многих его знакомых. И потому он предложил Рейчел выбор: она могла либо развестись с ним, либо, умерив амбиции, остепениться, а он, в свою очередь, пообещал дать ей роль в своей следующей картине и на этом поставить точку. Рейчел хватило мудрости принять его предложение, и Зак еще больше уплотнил свой и без того плотный график, чтобы выполнить взятую на себя часть договора. После успеха «Ночного кошмара» Зак получил возможность снимать или играть главную роль в любом фильме по своему выбору. Зак выбрал понравившийся ему сценарий под названием

«Победитель получает все», где главные роли должны были достаться ему и Рейчел, и студия вложила деньги в проект. Задействовав весь свой арсенал, включающий угрозы, едкую критику и временами сарказм, Зак выжимал из Рейчел и всех прочих максимум. Работать с ним было, по признанию многих, сложно, но зато каждый из тех, кто работал с ним над фильмом, мог честно сказать, что сделал все, что мог, и проявил себя с самой лучшей стороны.

Результаты оказались впечатляющими. Рейчел была номинирована на «Оскар» за роль в новом фильме. Зак получил «Оскара» за лучшую мужскую роль и еще один – за лучшую режиссуру. Последняя награда стала подтверждением того, что голливудские магнаты уже заметили: Зак не только хороший актер, но и гениальный режиссер. Он интуитивно чувствовал, как снять заурядную сцену так, чтобы у зрителя мороз по коже пробежал, и как заставить зрителя гомерически хохотать над тем, что в сценарии выглядело как плоская шутка. И ему не было равных в умении вдохнуть знойную страсть в любовные сцены. И, что немаловажно, он умел делать все это, не выходя за рамки бюджета.

Эти два «Оскара» немало потешили тщеславие Зака, но настоящего глубокого удовлетворения не принесли. Впрочем, его это не расстроило. Он больше не искал в жизни счастья и покоя, он лишь намеренно загружал себя работой, чтобы не замечать того, чего ему недостает. В лихорадочном стремлении брать новые жизненные вершины Зак в течение следующих двух лет сделал два новых фильма, в которых также сыграл главные роли: эротический триллер с Гленн Клоуз и приключенческую ленту с Ким Бэссинджер. А потом у него наступил период временного затишья, когда он искал новых приложений своей неумной энергии и совместные с Мэттом Фаррелом дела потребовали его прилета в Кармел. Перед сном Зак решил почитать что-нибудь и случайно взял в руки роман, оставленный каким-то гостем. Еще до того как ближе к рассвету Зак закончил чтение, он уже знал, что «Судьба» станет его очередной картиной.

На следующий день Зак вошел в кабинет президента «Эмпайр» и протянул ему книгу.

– Вот моя следующая картина, Ирвин.

Ирвин Левин прочитал аннотацию на обложке, откинулся на высокую спинку замшевого кресла и вздохнул.

– Похоже, это довольно тяжелая драма, Зак. Мне бы хотелось, чтобы ты для разнообразия снял что-нибудь легкомысленное. – Он резко повернул кресло, взял с приставного стеклянного стола сценарий и с заискивающей улыбкой протянул Заку. – Кто-то сунул мне этот сценарий в стол. Я уже нашел покупателя, но если ты скажешь, что возьмешься за эту работу, мы попробуем договориться. Это любовная история. Добротный материал. Забавный. Вот уже пару десятков лет никто подобные фильмы не снимал, и мне кажется, зритель уже изголодался по такому кино. Ты идеально подходишь на роль главного героя, и сыграть эту роль для тебя – раз плюнуть. Этот фильм не потребует больших затрат, а успех, как я чувствую, будет колоссальным.

Сценарий, который Зак согласился прочесть в тот же вечер, оказался сентиментальным и до оскомины предсказуемым. Миллионер, акула бизнеса, находит настоящую любовь, и это чувство преображает его целиком и полностью. Бывший циник и раскаявшийся грешник женится на предмете своих грез и проживает со своей красавицей женой долгую и счастливую жизнь. Заку не понравился ни сам сценарий, ни та роль, которую он должен был сыграть. Отчасти потому, что роль не представляла для него никаких трудностей, но главным образом потому, что вся история напомнила ему о своих дурацких фантазиях о любви и семейном счастье. О том, о чем он втайне мечтал мальчишкой, о чувствах, которые изображал в кино, когда повзрослел. На следующее утро он швырнул на стол Левину сценарий под рабочим названием «Хорошенькая женщина» и процедил сквозь зубы:

– Я не настолько хороший актер или режиссер, чтобы заставить зрителя поверить в эту муть.

– Ты стал циником, – сказал Левин и, насупившись, покачал головой. – Я знаю тебя с тех пор, как ты был совсем мальчишкой, и я люблю тебя, как собственного сына. Мне горько наблюдать за тем, что с тобой происходит. Очень горько.

Реакцией Зака на эту приторную сентиментальность были вопросительно приподнятые брови и молчание. Левин любил его, как собственный банковский счет, и горько ему было оттого, что Зак отказывался работать над этим фильмом. Однако Левин не стал настаивать. В последний раз, когда хозяин «Эмпайр» так поступил, Зак просто вышел из его кабинета и сделал один фильм для «Парамаунт» и другой для «Юниверсал».

– Тебя и в двадцать лет трудно было заподозрить в наивности, – сказал Левин. – Ты всегда был реалистом. Но скептиком ты не был. С тех пор как ты женился на Рейчел, ты изменился. – Заметив, что по лицу Зака пробежала тень досады или раздражения, Левин поспешил закончить свою речь: – Ладно, довольно об этом. Поговорим о деле. Когда ты начнешь снимать «Судьбу» и кого планируешь на главные роли?

– Я буду играть мужа и хотел бы снять Диану Коупленд в роли жены, если она не занята в другом фильме. Рейчел идеально подойдет на роль любовницы, а Эмили Макдэниелс на роль дочери.

Брови Левина взметнулись вверх.

– Рейчел наверняка закатит истерику из-за того, что ей достанется роль второго плана.

– С Рейчел я сам разберусь, – сказал Зак.

Рейчел и Левин друг друга терпеть не могли, хотя ни у нее, ни у него видимых причин для взаимной ненависти не было. По крайней мере они этих причин не называли. Зак подозревал, что несколько лет назад у них был роман, и расставание не было мирным.

– Если ты еще не решил, кого хочешь взять на роль бродяги, – продолжил Левин после некоторого колебания, – я хотел бы спросить, что ты думаешь насчет кандидатуры Тони Остина?

– Ни за что, – сказал Зак.

Все знали, что Остин сильно злоупотребляет алкоголем и наркотиками, что он человек в высшей степени непорядочный и ненадежный. Когда в последний раз он работал на «Эмпайр», в самом начале съемок он случайно превысил дозу и в результате этого попал на принудительное лечение на шесть месяцев, а роль его пришлось передать другому актеру.

– Тони готов работать, он хочет доказать, что чего-то стоит, – терпеливо продолжал Левин. – Его врачи заверили меня, что он покончил с вредными привычками и совершенно переродился. И на этот раз я склонен им верить.

Зак пожал плечами:

– Чем этот раз отличается от прочих?

– На этот раз его привезли в больницу в состоянии клинической смерти. Врачам удалось его откачать, но полученный опыт так его напугал, что он завязал окончательно. Мне бы хотелось дать ему шанс начать жизнь с чистого листа. – В голосе Левина появились жалобные нотки. – Мы должны заботиться друг о друге, в конце концов мы все – в одной команде. Мы должны помочь Тони получить работу, потому что он на мели...

– И еще потому, что он задолжал тебе круглую сумму за ту картину, которую так и не закончил, – будничным тоном предположил Зак.

– Ну да, он нагрел нас на солидную сумму в той картине, – неохотно признался Левин. – Однако он пришел и попросил дать ему возможность отработать долг. Поскольку, как видно, сыграть на твоих чувствах все равно не удастся, попробуй взглянуть на ситуацию с практической стороны. Несмотря на подпорченную репутацию, зрители все еще его обожают. Для них он герой с неподражаемым отрицательным обаянием, красивый парень, который запутался в жизни, мужчина, которого стремится утешить и направить на истинный путь любая женщина.

Зак задумался. Если Остин и в самом деле исправился, то на роль он подходил идеально. Моложавый блондин, в свои тридцать три он выглядел чуть потрепанным из-за своих дурных пристрастий, что, как ни странно, лишь добавляло ему обаяния в глазах всех женщин от двенадцати до девяноста. Имя Остина в титрах гарантировало бы кассовый успех фильма. Как и имя Зака. И в комбинации они имели бы шанс побить кое-какие рекорды. Поскольку Зак намеревался получить солидную долю прибыли от вложенных им самим в «Судьбу» денег, эти обстоятельства были серьезным аргументом в пользу предложения Левина. Немаловажным был и тот факт, что Остин, даже будучи нетрезвым, играл много лучше большинства актеров, и он действительно идеально подходил для этой роли. С другой стороны, соглашаясь взять Остина, Зак оказывал услугу «Эмпайр» и поэтому мог резонно ожидать ответной услуги со стороны руководства студии. По этой причине он не стал демонстрировать своего энтузиазма и сказал лишь:

– Я дам ему почитать сценарий, но перспектива служить нянькой при торчке, излечился он или нет, меня не слишком прельщает. Дэн Мойс завтра утром вам позвонит, – добавил он, сославшись на своего агента, и, уже поднявшись, чтобы уходить, закончил: – И вы вдвоем можете начать работать над контрактом.

– Фильм встанет в копеечку с учетом количества мест натуральных съемок, – напомнил ему Ирвин, уже холодея при мысли о гонораре, который затребует Зак за исполнение ведущей роли и работу режиссера, не говоря уже о тех услугах, которые придется ему оказать за согласие снимать Остина. Умело скрывая радость по поводу достигнутого консенсуса, Левин встал и пожал Заку руку. – Я согласился на эту сделку лишь потому, что тебе очень хочется снять этот фильм. Лично я буду молиться о том, чтобы фильм хотя бы окупил вложенные затраты.

Зак не стал многозначительно ухмыляться. Рукопожатие означало начало переговоров, и каждая из сторон уже сделала по первому ходу.

Диана Коупленд отказалась от роли жены Зака, потому что уже подписала контракт с другой студией, поэтому Зак отдал роль Рейчел, которая была у него второй по списку претенденткой на эту роль. Через несколько недель планы Дианы изменились, но к тому времени Зак уже считал себя связанным контрактом и, что еще важнее, моральными обязательствами с Рейчел, а потому не стал лишать ее главной роли. К удивлению Зака, Диана согласилась на менее значительную роль его бывшей любовницы. Эмили Макдэниелс с энтузиазмом приняла роль дочери-подростка, а Тони дали роль бродяги. Актеров на второстепенные роли нашли без труда, и отборная, состоящая из лучших мастеров своего дела команда под руководством Зака вновь сплотилась для работы над очередным его фильмом.

Через месяц после начала съемок «Судьбы» поползли слухи о злом роке, нависшем над фильмом. Впрочем, говорили, что, несмотря на досадные задержки и непредвиденные затруднения, съемки шли лихорадочными темпами. Каждый день снимали километры пленки, и по Голливуду поползли слухи о том, что фильм ждет целое созвездие «Оскаров». Кое-кто уже начал делать ставки.

Глава 6

Шорох в траве вывел Зака из задумчивости. Оглянувшись через плечо, он увидел в сгущающихся сумерках идущего по направлению к нему Томми Ньютона.

– Съёмочная группа на перерыве, и в конюшне все готово, – сказал он.

Зак поднялся и размял ноги.

– Отлично. Пойду еще раз все проверю. – Зак придерживался правила «доверяй, но проверяй», и, кроме того, у него появился благовидный предлог избежать неформального общения с коллегами еще на какое-то время. – Сегодня обойдемся без репетиций, – добавил он. – Попробуем снять все с первой попытки.

Томми кивнул:

– Передам твои слова остальным.

На конюшне Зак внимательно осмотрел декорации для последней главной сцены. За несколько месяцев съемок роман словно зажил собственной жизнью, облекся в плоть и кровь. Даже сам Зак не верил, что сказка о женщине, мечущейся между любовью к дочери и мужу – вечно занятому финансовому воротиле, и запретной страстью к красивому ничтожеству, бродяге, для которого потребность в этой женщине превратилась в опасную одержимость, может так его захватить. Зак играл роль мужа, для которого, казалось бы, главным в жизни была не семья, а его дело. Но вот построенная им могущественная финансовая империя оказалась на грани краха, и он готов пойти на сделку с наркодельцами, лишь бы не лишать жену и дочь привычного стиля жизни. Дочь ни во что не ставит ту роскошь, которой ее окружили родители, и чего ей по-настоящему хочется, так это их внимания и участия в ее жизни. Сюжет был хорош, но самой сильной стороной был не он, а глубина и неоднозначность характеров. Автор, а вместе с ним и режиссер сумели заглянуть в человеческие души и высветить их истинные потребности – все слабые и сильные стороны. В «Судьбе» герои не делились на положительных и отрицательных. Каждый персонаж благодаря искусству режиссера представлял перед публикой той своей стороной, которая могла оказать на зрителя максимально сильное эмоциональное воздействие.

Большинство сцен снимались в такой последовательности, в какой это было наиболее удобно с точки зрения производства фильма, но так уж совпало, что последние две сцены, которые оставалось снять, были действительно финальными сценами фильма. Рейчел встречается со своим любовником на конюшне, где до этого уже проходило несколько их страстных сцен. Любовник принуждает ее встретиться с ним еще раз, угрожая сообщить об их романе ее мужу и дочери, если она откажет, и Рейчел соглашается, но в конюшне прячет ружье, которым намерена его припугнуть в надежде, что он испугается и уйдет, оставив ее в покое. Когда он пытается склонить ее к сексу, Рейчел грозит убить его, он пытается отнять у нее ружье, она не отдает, и в итоге они оба получают ранения. Эту бурную сцену Заку предстояло до предела напитать сексуальностью и продемонстрировать вышедшую из-под контроля страсть мужчины и женщины, которые борются друг с другом, но не в силах побороть взаимное влечение. Зак видел свою задачу в том, чтобы снять сцену борьбы как можно жестче и натуралистичнее, чтобы зритель сопереживал не только умом, но и всеми своими инстинктами.

Оглядевшись, Зак медленно пошел по проходу. Все было именно так, как он хотел. Лошади стояли по левую руку от него, раздувая ноздри; их головы виднелись над низкими дверями стойл. По правую руку на противоположной стене на кольшках, вбитых в стену, висели уздечки и хлысты; на деревянных полках лежали седла. Щетки и прочие принадлежности по уходу за лошадьми находились там, где положено, – на столе у дальней стены за кузней.

Но главным средоточием этой сцены, ее фокусной точкой был стол у дальней стены в конце коридора возле нескольких вязанок сена. Именно там любовники должны были сойтись

в последней схватке. Вязанки были на месте, и пистолет, который должен был быть задействован в сцене, лежал на столе, прикрытый какими-то склянками с мазями и щетками для чистки лошадей. На стропилах под потолком располагалась вторая камера, наведенная на двустворчатые двери, – в них должна была верхом въехать Эмили, привлеченная звуком выстрела. Все осветительные приборы были установлены так, чтобы можно было снять сцену максимально выразительно.

Зак подвинул немного стол, переставил несколько склянок и поправил пистолет так, чтобы попадал в камеру, – он сделал это не столько из необходимости, сколько из-за того, что не мог найти себе места. Сэм Хаджинс, оператор-постановщик, и Линда Томпкинс, художник картины, как обычно, сработали безупречно, воплощая все его идеи. Каждая мелочь была на своем месте, все было в точности так, как он себе и представлял. И внезапно ему захотелось поскорее начать съемку. Чем раньше он пройдет через это испытание, тем будет лучше. Он повернулся и направился к двери; каблуки гулко стучали по выложенному керамической плиткой полу.

Мощные прожекторы заливали ослепительно ярким светом ту часть лужайки, где, расположившись за пластиковыми столами или сидя прямо на траве, ужинала съемочная бригада. Томми заметил Зака, едва тот шагнул в световой круг, и выкрикнул команду:

– Еще десять минут, и начинаем!

Все мгновенно пришло в движение. Кто-то сразу направился в сторону конюшни, кто-то предпочел сходить за еще одним прохладительным напитком. В попытке удержать бюджет от дальнейшего распухания Зак оставил на съемочной площадке только тех, кто был непосредственно занят в картине, а всех прочих отправил на западное побережье, включая второго и третьего помощника и нескольких ассистентов исполнительного продюсера. И без посторонней помощи Томми Ньютону было по силам справиться со своей задачей быстро и эффективно.

Зак видел, как Томми послал своего единственного ассистента за Остином в его передвижной дом, и спустя минуту Остин и Рейчел вышли оттуда вдвоем, а следом за ними – парикмахеры и гример. Остин выглядел не лучшим образом и явно нервничал. Зак искренне надеялся, что сломанные ребра доставляют ему невыносимые страдания. Рейчел, напротив, держалась уверенно и даже с вызовом. Не задерживаясь, она прошествовала мимо Зака с высоко поднятой головой – ни дать ни взять королева, которая не обязана ни перед кем отчитываться. Эмили Макдэниелс повторяла роль, читая ее отцу, который, держа в руках листок с текстом, подавал реплики других персонажей. Эмили в свои шестнадцать больше походила на одиннадцатилетнюю девочку, а ее трогательные ямочки на щеках делали ее похожей на Ширли Темпл. Она подняла голову как раз в тот момент, когда Рейчел проходила мимо нее, и посмотрела на нее с брезгливым неодобрением. Впрочем, уже через мгновение она продолжила репетировать. Изначально Эмили была очень привязана к Рейчел, но, видно, после вчерашних событий девочка изменила о ней свое мнение. Такое проявление искренней детской преданности очень тронуло Зака. Решив перекусить, он потянулся за сэндвичем с жареной говядиной и услышал за спиной полный сочувствия голос Дианы Коупленд.

– Зак... – позвала она.

Он обернулся, удивленно приподняв брови.

– Что ты тут делаешь? Я думал, ты уехала в Лос-Анджелес еще утром.

Диана, одетая в белые шорты и красную майку, с заплетенными в косу рыжевато-каштановыми волосами, выглядела трогательно взволнованной и волнующе сексуальной.

– Я собиралась уехать, но когда узнала о том, что произошло вчера вечером в отеле, решила задержаться на случай, если понадобится тебе.

– Зачем? – без обиняков спросил Зак.

– По двум причинам, – сказала Диана, отчаянно пытаюсь заставить его поверить, что говорит искренне. – И первая причина – я готова оказать тебе моральную поддержку, если ты будешь в ней нуждаться.

– Я в ней не нуждаюсь, – вежливо ответил Зак. – А вторая?

Диана смотрела на него, на эти гордые точеные черты, в янтарные глаза, холодно блеснувшие под черными густыми ресницами, и вдруг поняла, что из ее слов он сделал вывод, что она его жалеет. Нервничая под его немигающим взглядом, еще сильнее волнуясь оттого, что он молчал и пауза затягивалась, она наконец выпалила:

– Послушай, не знаю, как сказать... Но я думаю, что Рейчел просто дура. И если я могу что-то сделать, чтобы помочь, пожалуйста, позволь мне!.. Зак, – продолжала она с большим чувством, – я... я готова работать с тобой в любое время, в любом месте, в любой роли. Я просто хотела, чтобы ты это знал.

Диана увидела, как непроницаемое выражение лица Зака сменилось мрачной улыбкой, и с опозданием поняла, что все сделала неправильно – теперь он точно решит, что она карьеристка и лишь актерские амбиции заставили ее выразить ему сочувствие.

– Спасибо, Диана, – произнес он с такой убийственно серьезной вежливостью, что она почувствовала себя еще глупее. – Пусть твой агент позвонит мне через несколько месяцев, когда я буду набирать актеров для очередной картины.

Диана задумчиво смотрела ему вслед. Шагал он широко и уверенно, темно-синяя рубашка поло удачно подчеркивала разлет плеч, брюки цвета хаки облегали узкие бедра... Его гибкое, сильное тело с накачанными мышцами имело какую-то львиную грацию. И глаза как у льва, и гордость под стать царю зверей. Единственное, что мешало провести полную аналогию со львом, – это его волосы: темные, красивые, густые волосы. Диана прислонилась спиной к дереву. Ей хотелось съежиться, исчезнуть, хотя бы спрятаться. Она взглянула на Томми, который стоял рядом с Заком и слышал все, что было сказано.

– Кажется, я сглупила, верно, Томми?

– Я бы сказал, что это было твое худшее представление.

– Наверняка он подумал, что на самом деле я хотела лишь получить роль в одном из его фильмов.

– А это не так?

Диана бросила на него страдальческий взгляд, но Томми смотрел не на нее, а на Тони Остина и Рейчел. Немного помолчав, она сказала:

– Как эта сука могла предпочесть Тони Остину Заку? Как она могла?

– Может, ей нравится ощущать себя нужной, – ответил Томми. – Заку на самом деле никто не нужен. А Тони нуждается в каждом.

– Он всех использует, – презрительно поправила его Диана. – Этот Адонис на самом деле вампир, он высасывает жизнь из людей до последней капли, а потом, когда они становятся ему не нужны, вышвыривает за ненадобностью.

– Тебе ли не знать об этом, – сказал он, но при этом положил руку ей на плечо и обнял, утешая.

– Однажды он послал меня на встречу со своим дилером. Меня тогда арестовали из-за того, что при мне оказалась доза, и когда я позвонила ему из тюрьмы, попросив приехать и оставить залог, чтобы меня выпустили, он наорал на меня, обвиняя в том, что я имела глупость попасться. Я была так напугана, что позвонила на его студию, и они меня выручили. А потом выставили мне счет за все издержки.

– Но отчего-то ты на него запала, верно?

– Мне было всего двадцать, и он был моим кумиром. А что ты можешь сказать в свое оправдание?

– Может, у меня кризис среднего возраста? – попытался пошутить Томми, но шутка не удалась.

– Жаль, что его откачали после последней передозировки.

В конюшне зажегся свет, и Томми, кивнув, сказал:

– Пойдем, пора работать.

Диана обняла его за талию, и так в обнимку они пошли к конюшне.

– Ты знаешь, не зря говорят: чему быть – того не миновать.

– Да, но, как правило, между тем и другим проходит слишком много времени.

Зак тем временем у себя в трейлере ополоснул холодной водой лицо и грудь и надел свежую рубашку. Выйдя из трейлера, он направился к месту съемок, но остановился, увидев отца Эмили, нервно вышагивающего перед трейлером дочери.

– Эмили уже на месте? – спросил он.

– Нет, еще нет, Зак. Ей совсем плохо от жары, – пожаловался Джордж Макдэниелс. – Не надо было ей столько времени проводить на солнце. Может, она побудет в трейлере с работающим кондиционером, пока не понадобится вам? Вам ведь все равно придется снять несколько дублей с Рейчел и Остином, прежде чем наступит очередь Эмили.

При иных обстоятельствах предложение, чтобы режиссер ждал, пока какая-то актриса будет нежиться под кондиционером, неизбежно навлекло бы на Макдэниелса гнев Зака. Однако Зак питал слабость к Эмили, как, впрочем, и все остальные, и потому он лишь сдержанно ответил:

– Об этом не может быть и речи, и вы это знаете, Джордж. Эмили актриса, и потому ей придется терпеть жару вместе со всеми в ожидании своего выхода.

– Но... – хотел было возразить Джордж, однако, когда Зак насупил брови, торопливо согласился: – Я схожу за Эмили.

Вообще-то Зак не испытывал иных чувств, кроме презрения, к амбициозным родителям юных талантов, но отец Эмили не был похож на других. Жена Джорджа бросила их с дочерью, когда Эмили была еще совсем крохой. По случайному стечению обстоятельств Эмили заметил кинопродюсер, когда очаровательная девочка с ямочками на щеках играла в парке с отцом. Как только тот же продюсер предложил Эмили роль в фильме, Джордж Макдэниелс сменил дневную работу и стал присматривать за дочерью на площадке. Он решил, что Эмили имеет меньше шансов стать испорченной, если ее будут оставлять на ночь с няней, чем если платная няня станет сопровождать ее на площадку. И уже этот факт вызывал в Заке симпатию к отцу девочки, как и то, что каждый заработанный дочерью цент Джордж переводил на ее именной счет. Он действовал исключительно в интересах дочери, и его преданность и забота имели свои плоды: Эмили была хорошим ребенком, поразительно хорошим для юной голливудской звезды. Она не баловалась наркотиками, не употребляла алкоголь, не спала с кем попало, вела себя уважительно и вежливо, и все это, как понимал Зак, благодаря отцу, его любви и самоотверженности.

Эмили догнала Зака у конюшни, и он бросил ей через плечо:

– Давай, милая, седлай лошадь, и покончим с этим.

– Я готова, если вы готовы, Зак, – сказала Эмили, и при этом ее глаза блестели от волнения и тревоги.

Обогнув конюшню, она направилась к загону, где двое конюхов уже оседлали для нее кобылу, на которой она должна была въехать в конюшню. Зак знал, что у него мало шансов отснять эпизод с первого дубля, с репетицией или без нее. Однако его желание покончить со всем этим, ограничившись как можно меньшим числом дублей, было вполне понятным. К тому же, принимая во внимание характер финальной сцены, напряженность между его женой, ее любовником и им самим с каждым отснятым дублем будет ощущаться все сильнее, и это не лучшим образом могло сказаться на качестве отснятого материала.

Из разросшихся кустов возле двери в конюшню скользнула тень, и хорошо модулированный голос Остина заставил Зака вздрогнуть.

– Послушай, Зак, эту сцену было бы трудно снять, даже если бы мы не держали друг на друга зуб из-за Рейчел, – сказал он, выйдя на свет. – Мы оба взрослые мужчины, много повидали в жизни, давай будем вести себя как взрослые люди. – Он протянул Заку руку для пожатия.

Зак презрительно посмотрел на протянутую руку и сказал:

– Пошел ты...

Глава 7

Атмосфера накалялась, духота мешала дышать, лица блестели от пота. Зак прошел по проходу в дальний конец конюшни, туда, где возле пока еще тонущего в сумраке стола должна была разыгаться финальная сцена фильма. Все члены съемочной бригады были на местах и ждали указаний режиссера. Сэм Хаджинс уже занял свой пост у камеры на тележке, и Зак остановился неподалеку, чтобы взглянуть на экраны двух мониторов, соединенных с объективом камеры. Эти мониторы позволяли Заку увидеть то, что видели в объектив операторы обеих камер. Он кивнул Томми, и все завертелось, согласно отлаженному порядку.

– Свет! – крикнул помощник режиссера.

С характерным металлическим лязгом щелкнули переключатели, и громадные лампы залили сцену ослепительно белым светом. Сунув руки в карманы, Зак смотрел на мониторы. Никто не произнес ни слова, никто не кашлянул, никто не шевельнулся, но Зак едва ли замечал необычную для съемок тишину и отсутствие какого бы то ни было движения. С годами он выработал собственный метод борьбы с фрустрациями любого рода – он просто целиком погружался в работу, вынося за скобки все то, что непосредственно к работе не относилось. За долгие годы практики он так хорошо отточил свой метод, что процесс погружения в работу не требовал от него никаких сознательных усилий – все получалось само собой. Сейчас для него имела значение только сцена, которую ему предстояло снять. Все остальное было не важно. Эта сцена стала его возлюбленной, его ребенком, его будущим, его жизнью. Он внимательно следил за изображением на обоих мониторах, уже точно зная, как это будет выглядеть на экране кинотеатра.

На балках над головой помощник главного осветителя и электрик ждали указаний. При необходимости они могли передвинуть осветительные приборы или изменить угол отражателя, располагая для этого всеми техническими возможностями. Главный осветитель занял позицию позади напольной камеры Сэма. Он тоже ждал указаний, и еще два электрика находились возле подъемника, поглядывая на второго оператора, который располагался на высоте двадцати футов над ними. В его задачу входило снимать сцену с нужного ракурса. Рабочие постановочного цеха тоже были тут, готовые передвинуть что-то по первому желанию Зака. Звукооператор уже повесил на шею наушники, ожидая сигнала надеть их, и помощник режиссера по сценарию держала сценарий в одной руке, а секундомер в другой. Рядом с ней первый помощник оператора делал соответствующую запись мелом на хлопущке, готовясь дать команду «Мотор». Тони и Рейчел стояли в стороне в напряженном ожидании.

Зак окинул взглядом площадку и, удовлетворенно кивнув, посмотрел на Сэма.

– Что ты об этом думаешь?

Как уже не раз на протяжении съемочного дня, оператор-постановщик взглянул на сцену через объектив. Не отрывая глаза от камеры, он после некоторого колебания сказал:

– Мне не очень нравится, как стоит стол, Зак. Давай подвинем его чуть ближе к куче сена.

Послушные его словам, двое рабочих торопливо схватили стол и принялись очень медленно, дюйм за дюймом, двигать его, поглядывая на Сэма, который смотрел на них через объектив, подняв руку, готовый опустить ее, как только стол займет нужное место.

– Отлично. Вот здесь оставьте.

Зак взглянул на оператора камеры наверху:

– Лес? Как тебе оттуда?

– Хорошо, Зак.

Он в последний раз огляделся и кивнул Томми, который, как заведено, призвал в микрофон присутствующих к тишине, хотя на площадке и так царил гробовое молчание.

– Прошу тишины! Все по местам. Это не репетиция. Сейчас будет сниматься первый дубль.

Тони и Рейчел заняли обозначенные мелом на полу места, и пока гример припудривал Тони вспотевший лоб, а помощница по реквизиту приспускала с плеч Рейчел лиф платья, Зак, как обычно, стал давать последние наставления перед съемками.

– Итак, – сказал он коротко, по-деловому, – сюжет всем вам известен, и конец тоже. Мы можем попытаться сделать все с первой попытки. Если не получится, будем считать это репетицией. – Взгляд его устремился к Рейчел, но он обратился к ней по имени ее героини, как он обычно делал перед съемкой дубля. – Джоан, ты заходишь на конюшню, зная, что Рик прячется где-то здесь. Ты знаешь, что ему от тебя надо, и ты за себя боишься. Когда он предпринимает попытку тебя соблазнить, ты уступаешь его страсти всего на несколько мгновений, но это очень страстные мгновения. – Зак решил не распространяться по поводу того, какой именно страстности ждет от своей жены и ее реально существующего, а не киношного любовника. – Понятно? – спросил он. – Очень страстные мгновения.

– Понятно, – ответила Рейчел, и в ее зеленых глазах лишь на мгновение мелькнула тревога и, возможно, смущение, в преддверии того, что ей предстояло делать на глазах у всех этих людей.

Зак повернулся к Тони, который занял место в пустом стойле.

– Ты ждешь здесь Джоан уже больше часа, – напомнил ему Зак. Голос его звучал отрывисто: – Ты боишься, что она не придет, и ненавидишь себя за то, что хочешь ее. Ты одержим ею, ты готов рассказать ее дочери и домработнице и всем вообще, кто готов тебя выслушать, о том, что она спала с тобой. Ты чувствуешь себя униженным из-за того, что она тебя избегает, и из-за того, что вынужден встречаться с ней на конюшне, тогда как ее муж спит в ее постели. Когда она заходит сюда и проходит мимо, не замечая тебя, весь твой копившийся месяцами гнев и вся мука прорываются наружу. Ты хочешь наказать ее, но, едва прикоснувшись к ней, ты чувствуешь, что снова тобой овладевает желание, и ты готов сделать все, чтобы и она тебе отдалась. Ты заставляешь ее поцеловать тебя и чувствуешь мгновенный отклик. Когда она вдруг начинает бороться с тобой, ты уже слишком возбужден, чтобы поверить, что она не хочет тебя. Ты не веришь в это до того самого мгновения, пока она не схватит пистолет и не прицелится в тебя, и вот тогда тебя охватывает ярость. Ты себя не контролируешь. Ты пытаешься выхватить у нее пистолет, и когда она стреляет в тебя, ты уже слишком взбешен, чтобы осознать, что выстрел был случайным. Вся страсть к ней превращается в ярость, когда ты борешься с ней, пытаешься отнять у нее пистолет. Он выстреливает во второй раз, Рейчел падает на пол, и ты роняешь пистолет – осознав, что она серьезно ранена, ты чувствуешь, как тебя охватывают раскаяние и страх. Ты слышишь голос Эмили. Ты не знаешь, как поступить. Затем убегаешь. – Не в силах полностью скрыть отвращения, Зак ехидно спросил Тони: – Как думаешь, ты сможешь с этим справиться?

– Разумеется, – не без сарказма протянул Остин, – думаю, что смогу.

– Тогда давай покончим по-быстрому с этим тошнотворным фарсом! – бросил в ответ Зак и тут же пожалел об этом. Мог бы и промолчать. Повернувшись к Рейчел, он добавил: – У тебя ни разу в мыслях не было стрелять в него, и когда пистолет выстрелит, я хочу увидеть, что ты пришла в ужас. Ты настолько ошеломлена случившимся, что не в силах среагировать достаточно быстро, когда он наставляет на тебя пистолет.

Не дожидаясь, пока Рейчел уведомит его о том, что поняла его указания, Зак обратился к Эмили. Тон его стал несколько мягче:

– Эмили, ты слышишь выстрелы и едешь на лошади сюда. Твоя мать ранена, но она в сознании, и ты понимаешь, что рана ее не смертельна. Ты в панике. Ее любовник бежит к своему грузовику, и ты хватаешь телефон, который находится в комнатке конюха, и вызываешь «скорую помощь», после чего звонишь отцу. С этим все ясно?

– А как насчет Тони?.. Я хотела сказать – Рика? Я должна гнаться за ним или, может, должна взять в руки пистолет, собираясь в него стрелять?

Обычно такого рода вопросы обсуждались во время репетиции, и Зак понял, что поступил неосмотрительно, решив снять все с первого дубля, тем более что со вчерашнего вечера он подумывал о том, чтобы несколько изменить сценарий. Возможно, Рейчел не следует стрелять первой. Немного подумав, Зак покачал головой.

– Давай сыграем так, как написано в сценарии. Будем импровизировать, если потребуются. – Зак обвел взглядом собравшихся. – Есть еще вопросы?

Он дал им не больше секунды на раздумья, после чего, кивнув Томми, сказал:

– Давай снимать.

– Выключите кондиционер! – крикнул Томми, и через мгновение компрессор перестал гудеть. Звукооператор надел наушники, оба линейных оператора приникли к камерам, а Зак встал между камерой и мониторами и стал следить за изображениями на мониторах, сравнивая с тем, как сцена разыгрывается вживую.

– Красный свет, пожалуйста, – сказал он, давая указание включить предупреждающий красный сигнал снаружи – знак того, что в здании ведется съемка. – Камеры пошли! – Он дождался подтверждения того, что камеры и звукозаписывающая аппаратура движутся с нужной скоростью.

– Камера! – через мгновение крикнул оператор верхней камеры.

– Камера! – эхом откликнулся Сэм Хаджинс.

– Мотор! – откликнулся звукорежиссер.

– Пометьте дубль на хлопушке, – приказал Зак, и ассистентка быстро шагнула перед камерой Сэма с черно-белой хлопушкой в руках, на которой маркером был написан номер эпизода, который они снимали, и номер дубля.

– Эпизод 126, – объявила она, повторив то, что записано на хлопушке, – дубль 1. – Она щелкнула хлопушкой перед камерой и быстро шагнула назад.

– Съемка! – крикнул Зак.

По команде режиссера Рейчел вошла в кадр. Движения ее были нервными, она боязливо оглядывалась, лицо ее отражало идеально выверенную смесь страха, возбуждения и беспокойства.

– Рик? – дрожащим голосом позвала она, в точности как было написано в сценарии, и когда рука любовника внезапно появилась из пустого стойла, ее сдавленный крик прозвучал весьма натуралистично.

Стоя возле камеры со скрещенными на груди руками, Зак наблюдал за всем этим сквозь холодный прищур, но когда Остин стал целовать и ласкать Рейчел и потащил ее на сено, все пошло не так. Остин действовал неуклюже. Он явно испытывал смущение.

– Стоп! – крикнул Зак, приходя в ярость от сознания того, что ему, вероятно, придется наблюдать за тем, как Остин целует и ласкает жену еще не один раз. Выйдя под свет софитов, он окинул актера уничижительным взглядом. – Не помню, чтобы ты целовал ее, как стыдливый мальчик из церковного хора, в моем номере в отеле. Попробуй повторить вчерашнее шоу вместо того любительского представления, которое даешь нам сейчас.

Лицо Остина, напоминающее своим юношеским обаянием черты Роберта Редфорда, приняло багровый оттенок.

– Господи, Зак, почему ты не можешь отнестись к этому как взрослый человек и...

Не обращая на него внимания, Зак повернулся к Рейчел, которая смотрела на него с угрюмой злобой, и, не выбирая выражений, сказал:

– А ты... ты должна пылать страстью, а не мечтать о том, чтобы тебе сделали маникюр, когда он тебя трахает!

Следующие два дубля были очень хорошими, и вся съемочная группа это видела, но оба раза Зак останавливал съемку еще до того, как Рейчел успевала потянуться за пистолетом, и все приходилось начинать заново. Он делал это отчасти потому, что внезапно стал получать извращенное удовольствие от того, что заставляет их публично совершать действия, которые накануне сделали его всеобщим посмешищем. Но главным его мотивом было не это. Зак чувствовал, что с этой сценой что-то не так.

– Стоп! – крикнул он, забрав четвертый дубль, и шагнул вперед.

Остин поднялся с сена взвинченный и уже, пожалуй, готовый подраться с режиссером. Одной рукой он обнимал Рейчел, у которой к этому времени наконец проснулась совесть, и она явно испытывала смущение. Но злость ее никому не делась.

– А теперь что не так, ты, сукин сын?! Последние два дубля были идеальными! – заорал Остин, но Зак сделал вид, что его не слышит. Зак уже решил, что попробует поставить сцену так, как он придумал вчера.

– Заткнись и слушай! – рявкнул он. – Мы попробуем разыграть все по-другому. Что бы там ни имел в виду автор романа, я считаю, что, когда Джоан ранит своего любовника, пусть случайно, она теряет все наше сочувствие. Мужчина одержим ею, как в смысле секса, так и эмоционально, и она использовала его для удовлетворения собственных потребностей, но никогда даже не думала о том, чтобы ради него оставить мужа. Этот пистолет должен выстрелить в нее, или он становится в этом фильме всего лишь жертвой, а главная идея фильма как раз и состоит в том, что не он один, а все персонажи в нем – жертвы.

Зак услышал шепот удивления и одобрения тех, кто находился за кадром, но ему их поддержка не требовалась. Он и так знал, что прав. Он чувствовал свою правоту, не напрасно именно благодаря этому легендарному чутью он снискал признание киноакадемиков за фильм, который казался заурядным до той поры, пока его не стал снимать Зак. Повернувшись к Рейчел и Тони, которых, судя по всему, неожиданное изменение сценария впечатлило, хотя им и не хотелось демонстрировать это слишком явно, Зак сказал:

– Последний дубль, и, я думаю, дело сделано. Все, что вам придется сделать, – это еще раз проиграть сцену борьбы за пистолет так, чтобы Джоан получила рану прежде Рика.

– А потом? – раздраженно поинтересовался Тони. – Что я делаю после того, как осознаю, что я в нее попал?

Зак задумался ненадолго, после чего убежденно заявил:

– Отпусти пистолет. Пусть она его перехватит. Ты не хотел в нее стрелять, но она этого не понимает. Ты отступаешь, однако она хватается пистолет и направляет его на тебя. Она плачет – плачет по себе и по тебе. Ты начинаешь пятиться, Рейчел, – сказал он, повернувшись к ней, целиком захваченный разворачивающейся перед его мысленным взором сценой, – я хочу, чтобы ты рыдала навзрыд. Я хочу услышать твои всхлипы. А потом ты закрываешь глаза и нажимаешь на курок...

Зак вернулся на свой командный пост.

– Пометь номер эпизода.

Помощница оператора выступила перед камерой с хлопушкой, объявив следующий дубль:

– Эпизод 126, дубль номер пять!

– Снимаем!

Этот дубль должен был стать последним, совершенным произведением, Зак чувствовал это, наблюдая за тем, как Остин схватил Рейчел и повалил на охапки сена, жадно впившись губами в ее губы, грубо тиская ее. Звуковое сопровождение будет записано позже, и когда Рейчел протянула руку за пистолетом, Зак крикнул ей:

– Давай же, сопротивляйся! Дерись в полную силу! – И, не в силах преодолеть искушение, с сарказмом добавил: – Представь, что он – это я!

Прием сработал, она завизжала и, набросившись на не ожидавшего такой мощной атаки Тони, воспользовавшись его мгновенным замешательством, схватила пистолет обеими руками и направила его на любовника.

Потом в этом месте окажется звук настоящего пистолетного выстрела вместо тихого хлопка от холостого патрона, коим был заряжен пистолет. Зак смотрел, как Тони вырвал у нее пистолет, выжидая, когда настанет тот самый миг, когда пора кричать «пли». Когда по его сигналу Тони нажмет на курок и Рейчел, упав навзничь, незаметно раздавит пакетик с бутафорской кровью, спрятанной у нее под платьем возле плеча. Пора!

– Пли! – закричал Зак, и все тело Рейчел дернулось в тот момент, когда раздался оглушительный выстрел, эхом разнесшийся по всей конюшне.

Все замерли. Этот громкий выстрел, прозвучавший в тот момент, когда все ждали услышать лишь тихий щелчок, ввел в ступор всех присутствующих. Рейчел медленно сползла на пол, выскользнув из объятий Тони, но на том месте, где должна была быть «рана», никакой бутафорской крови не было.

– Что за?.. – воскликнул Зак и бросился к Рейчел. Тони склонился над ней, но Зак отшвырнул его. – Рейчел! – позвал он, перевернув ее. В груди ее было крохотное отверстие, и из него вытекала лишь тонкая струйка крови. Тогда он опомнился и крикнул, чтобы кто-нибудь вызвал «скорую». Он лихорадочно искал ее несуществующий пульс, при этом не переставая повторять про себя, что рана не может быть смертельной. Рана почти не кровоточила, и находилась она ближе к ключице, чем к сердцу, и, кроме того, профессиональные медики были всего в нескольких ярдах от съемочной площадки, как требовала техника безопасности.

И тут началось светопреставление: женщины завизжали, мужчины закричали, все кинулись к Рейчел, стало нечем дышать.

– Прочь к дьяволу! Все вы! – заорал Зак и, так и не отыскав пульс, стал делать ей искусственное дыхание.

Прошел час. Зак продолжал стоять у дверей конюшни, поодаль от всех остальных. Он ждал известий от медиков и полицейских, находившихся сейчас на конюшне с Рейчел. Патрульные машины и кареты «скорой помощи» запрудили всю лужайку и подъездную дорогу, и их красные и синие мигалки неистово вращались в душной, влажной темноте.

Рейчел была мертва. Зак чувствовал это, знал. Он уже видел смерть, помнил, как она выглядит. И несмотря на это, он не мог поверить в очевидное. Копы уже допросили Тони и линейных операторов. Теперь они задавали вопросы всем, кто присутствовал при трагедии. Но они не задали ни одного вопроса ему. Их не интересовало, что видел он, режиссер, которому по должности надо видеть больше других. И то, что его ни о чем не спрашивали, казалось Заку очень странным даже сейчас, когда он едва ли был способен адекватно оценивать происходящее. Удивительно, что никому из них не пришло в голову с ним поговорить.

Где-то наверху, высоко над головой, загорелся прожектор. Луч ослепительно белого света заметался по лужайке, и лишь потом Зак услышал гул вертолета. Подняв голову, он увидел на корпусе вертолета красный крест и впервые вздохнул с облегчением. Рейчел собирались доставить в ближайшую больницу, что означало, что медикам все же удалось вернуть ее к жизни. И едва эта успокоительная мысль пришла ему в голову, он увидел нечто такое, отчего весь похолодел. Копы, оцепившие район трагедии, сейчас снимали заграждение и пропускали на территорию съемок темный седан. И в свете прожекторов спускающегося вертолета Зак смог рассмотреть эмблему на двери со стороны водителя. Это был автомобиль следователя по особо опасным делам.

И все прочие тоже это увидели. Эмили начала всхлипывать, уткнувшись в плечо отца, и Зак услышал, как выругался Остин, а Томми принялся его успокаивать и что-то негромко

повторять. Диана, побледнев, с ужасом смотрела на машину следователя, и все прочие просто... просто молча переглядывались.

Но никто не смотрел на Зака, никто не решался к нему подойти. Он же, хоть и был не в себе, находил это странным, даже если его и устраивало то, что все оставили его в покое...

Глава 8

Весь следующий день актеры и съемочная группа по распоряжению полиции оставались в отеле. Полиция опрашивала каждого из присутствующих на съемке. Зак провел весь день во взвинченном и в то же время заторможенном состоянии. Полиция отказывалась делиться с ним какой-либо информацией, в то время как средства массовой информации на всю страну трубили о случившемся. Если верить полуденному выпуску новостей компании Эн-би-си, пистолет, из которого была убита Рейчел, был заряжен разрывной пулей, пулей, конструкция которой предусматривает существенное увеличение диаметра при попадании в мягкие ткани с целью повышения поражающей способности. Именно в силу этих конструктивных особенностей смерть Рейчел наступила мгновенно. В вечерних новостях Си-би-эс выступал эксперт по баллистике. Этот эксперт говорил, стоя возле подставки, напоминающей мольберт, и водил указкой по схематичному изображению тела Рейчел, поясняя всей Америке, какие именно несовместимые с жизнью повреждения нанесла эта пуля и куда именно она попала. Зак с излишним усилием нажал на кнопку отключения пульта, после чего направился в ванную комнату, где его тут же вырвало. Рейчел была мертва, и, несмотря на то что их брак не был счастливым, несмотря на то что она собиралась развестись с ним, несмотря на то что она предпочла ему Тони, смерть ее и сами обстоятельства ее смерти казались Заку каким-то чудовищным омерзительным фарсом. Десятичасовая программа новостей по Эй-би-си окончательно добила его, обнародовав результаты вскрытия, согласно которым Рейчел Эванс Бенедикт была на седьмой неделе беременности.

Зак откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. В горле стоял ком. Он чувствовал, что его как в воронку засасывает в бездну боли и темноты. Рейчел была беременна. Но не от него. Он не спал с ней уже несколько месяцев.

Небритый Зак бесцельно бродил по своему номеру, временами задаваясь вопросом о том, почему, если всю его команду держат взаперти в отеле, никто не придет к нему, чтобы выразить соболезнования или просто скоротать время. Телефон отеля раскалится от звонков – но с ним пытались связаться в основном люди из Голливуда, которых интересовало их с Рейчел грязное белье, на искреннее же сочувствие с их стороны рассчитывать не приходилось. Зак отказывался отвечать на звонки, за исключением звонков Мэтта Фаррела. Отвлечь его было некому, и потому Зака все время преследовал один вопрос: кто мог настолько ненавидеть Рейчел, чтобы желать ее смерти? За проведенные в вынужденном заточении часы Зак успел перебрать в уме всех членов съемочной группы. У каждого была своя причина ненавидеть Рейчел, однако у Зака не укладывалось в голове: кто же возненавидел ее настолько, что лишил жизни?..

И как бы он ни гнал от себя эту мысль, он все же понимал, что у полиции могут быть подозрения и на его счет. При этом ему самому такого рода обвинение представлялось настолько нелепым, что он был твердо убежден в том, что служители закона тоже это понимают.

Через двое суток после смерти Рейчел в дверь его номера постучали. Зак мрачно уставился на двух высоких угрюмого вида полицейских, которые допрашивали его вчера.

– Мистер Бенедикт... – начал один из них.

Однако Зак не дал ему договорить и сорвался на крик:

– Какого черта вы, ублюдки, теряете со мной время?! Я требую немедленно сообщить мне, что вы сделали для поимки убийцы моей жены?..

Он был настолько возбужден, что совершенно не контролировал ситуацию, а потому последующие действия одного из полицейских застали его врасплох. Через секунду Зак уже стоял лицом к стене, со скрученными за спиной руками. Почувствовав холодное прикосновение стали, он услышал характерный щелчок наручников и голос второго полицейского:

– Захарий Бенедикт, вы находитесь под арестом по подозрению в убийстве Рейчел Эванс. Вы имеете право хранить молчание и вызвать адвоката. Если вы не можете позволить себе адвоката, то...

Глава 9

– Господа присяжные, вы слышали шокирующие показания очевидцев и увидели неопровержимые улики... – Элтон Петерсон, представлявший сторону обвинения, стоял прямо и неподвижно, и его пронизывающий взгляд медленно скользил по лицам двенадцати присяжных, которым предстояло решить судьбу судебного процесса, который привлек к себе беспрецедентное внимание общественности скандальными разоблачениями, касающимися жизни голливудских звезд первой величины. К скандалам, связанным с супружеской неверностью небожителей, публика уже привыкла, но вот убийство... Это было что-то новенькое.

За стенами зала суда все коридоры были забиты репортерами со всего мира, с нетерпением ожидавших развития событий в деле Захария Бенедикта. Когда-то средства массовой информации вили перед ним хвостом, а теперь они, захлебываясь от восторга, комментировали все подробности его падения с голливудских высот, смакуя пикантные подробности, не стесняясь выдавать предположения за факты, вовсю заигрывая с доверчивыми американцами, готовыми проглотить любую «утку» под пиво с вечерними новостями.

– Вы слышали доказательства, – напомнил присяжным Петерсон, делая упор на последнем слове. – Подтвержденные свидетельства десятков свидетелей, многие из которых были настоящими друзьями Захария Бенедикта. Вы знаете, что ночью накануне убийства Рейчел Эванс Захарий Бенедикт обнаружил ее обнаженную в объятиях Энтони Остина. Вы знаете, что Бенедикт был в ярости, что он набросился на Остина и его пришлось оттаскивать от него. Вы слышали свидетельства постояльцев отеля, которые находились в коридоре у дверей номера Бенедикта и слышали все, что было сказано в номере. Из показаний этих свидетелей вам известно, что Рейчел Эванс сообщила Бенедикту, что разведется с ним и выйдет замуж за Энтони Остина и что при разводе намеревается получить половину принадлежащего Захарии Бенедикту имущества. И те же свидетели заявили под присягой, что Бенедикт предупредил жену, позвольте процитировать... – Петерсон сделал паузу, чтобы заглянуть в свои записи, но сделано это было лишь для большего эффекта, потому что ни один из присутствующих в зале суда не мог забыть этой угрозы. Повысив голос, Петерсон с выражением продекламировал: – «Я убью тебя раньше, чем позволю тебе и Остину получить мои деньги!»

Схватившись за перила, перед которыми на скамье сидели присяжные, обвинитель, впиваясь взглядом по очереди в каждого из двенадцати, сказал:

– И он действительно убил ее, леди и джентльмены. Он убил ее хладнокровно и расчетливо, убил вместе с ребенком, которого она носила под сердцем! Вы знаете, что он ее убил, как знаю это я. Но то, как он ее убил, делает его злодеяние еще более мерзким, более отвратительным, потому что выявляет то, каким бессердечным чудовищем является Захарий Бенедикт. – Отвернувшись, Петерсон принялся расхаживать по проходу, описывая то, каким образом, по его мнению, было совершено преступление, подталкивая слушателей к тому выводу, который сделал сам: – Захарий Бенедикт не совершил убийство в состоянии аффекта, как, возможно, поступил бы на его месте другой. Нет, спонтанность – не для него. Он выждал двадцать четыре часа для того, чтобы закончить свой драгоценный фильм, и только затем убил ее, выбрав такой циничный способ мести, что я не нахожу слов, чтобы дать ему оценку! Он вставляет в пистолет разрывную пулю и в последний момент, когда снимается заключительная сцена фильма, он меняет сценарий так, чтобы его жена, а не Энтони Остин, получила бы эту пулю во время их схватки!

Элтон замолчал и снова схватился за перила.

– Я ничего не придумываю и ничего не домысливаю. Вы все слышали свидетельские показания, которые подтверждают каждое сказанное мной слово. В день убийства, когда вся съемочная группа отдыхала во время перерыва, Захарий Бенедикт один пошел на конюшню,

якобы для того, чтобы проверить реквизит. Несколько человек видели, как он туда направлялся, он и сам этого не отрицает, но никто не заметил, чтобы после этого что-то изменилось. Все вещи были на прежних местах. Вопрос: что же он там делал? Ответ очевиден: он заменил холостые патроны, которыми, как заявил под присягой помощник по реквизиту, он сам зарядил пистолет, смертоносными разрывными пулями. Я напомним вам еще раз, что на пистолете были отпечатки пальцев Бенедикта. Его, и только его, – оставленные им там, вне сомнений, по ошибке после того, как он начисто протер оружие. А когда все приготовления были сделаны, Бенедикт не захотел поскорее закончить мерзкое преступление, которое замыслил. Нет, он не ищет простых путей. Захарий Бенедикт стоял возле оператора и наблюдал за тем, как ласкают друг друга его жена и любовник, заставляя их повторять все вновь и вновь! Он останавливал их всякий раз, когда жена готова была схватить оружие. И когда он вдоволь «навеселился», удовлетворил свою извращенную мстительность, когда не мог больше затягивать тот момент, который требовался по сценарию, тот момент, когда жена должна была потянуться за оружием и пристрелить Тони Остина, – Захарий Бенедикт решил изменить сценарий! – Обернувшись, Петерсон указал пальцем на Зака. Голос его дрожал от праведного гнева. – Захарий Бенедикт – наглядный пример того, как развращают человека богатство и слава. Он возомнил себя сверхчеловеком. Он возомнил, что может жить по своим законам, что законы писаны не для таких, как он. Он верил, что ему все сойдет с рук. Что вы позволите ему выйти сухим из воды. Вы, леди и джентльмены, уважаемые присяжные...

Густой баритон Петерсона звучал убедительно. Настолько убедительно, что едва ли не каждый из присутствующих в зале суда, исполнившись пафосом речи обвинителя, повернул голову в сторону Зака, сидевшего за столом рядом со своим защитником. Находившийся рядом с ним адвокат, почти не разжимая губ и не поворачивая головы, прошипел:

– Проклятие, Зак, посмотри на присяжных!

Зак поднял голову и машинально сделал то, что велел ему защитник, но едва ли он мог изменить настрой присяжных. Если бы Рейчел задалась целью все подстроить так, чтобы его обвинили в ее убийстве, она бы не смогла выполнить задачу лучше. Все улики были против него.

– Посмотрите на него! – с пафосом воскликнул Петерсон. – Посмотрите, и вы увидите в нем того, кем он и является: виновного в убийстве первой степени, в умышленном убийстве без смягчающих вину обстоятельств! Это тот вердикт, тот единственный вердикт, который вы можете вынести в его случае, если хотите торжества справедливости!

На следующее утро присяжные продолжили обсуждение, и Зак, которого выпустили под залог в один миллион долларов, вернулся в свой номер в отеле, где он поочередно то строил планы побега в Южную Америку, то размышлял, как будет убивать Тони Остина. С точки зрения Зака, главным подозреваемым должен был стать именно Тони. Такое заключение казалось ему наиболее логичным, и все же ни адвокаты Зака, ни нанятые ими частные детективы не могли найти ни одной улики против Тони, за исключением разве что его дорогостоящей привычки к наркотикам, от которой он вопреки заявлениям президента студии не избавился. Впрочем, потворствовать и впредь этой своей привычке Тони было бы куда сподручнее, если бы была жива Рейчел, которая после развода с Заком стала бы его, Тони, женой. Более того, если бы Зак в последнюю минуту не решил изменить сценарий, Тони, а не Рейчел, погиб бы от того единственного выстрела. Зак пытался вспомнить, говорил ли он когда-либо Тони, что ему не нравится концовка, и о том, что намерен ее изменить. Он сделал пометки об изменении сцены в своем экземпляре сценария, и этот экземпляр он часто оставлял там, где любой мог в него заглянуть, но все свидетели, как один, отрицали, что знали о его планах.

Словно тигр в клетке, Зак мерил шагами свой номер, кляня судьбу, Рейчел и себя самого. Он вновь и вновь прокручивал в голове заключительную речь своего адвоката, пытаясь самого

себя заставить поверить в то, что у присяжных нет оснований признавать его виновным. Единственным убедительным доводом в пользу того, что он не совершал преступления, являлся довод от противного: лишь круглый дурак отважился бы на столь дерзкое и наглое преступление, зная, что все улики укажут на него. Когда во время судебного процесса выяснилось, что Зак владел большой коллекцией оружия и был знаком с разными типами ружей и снарядов, Хендлер, его защитник, пытался привлечь внимание суда к тому факту, что, раз это так, Зак вполне мог поменять пули, не оставив на ружье отпечатков.

Мысль о том, чтобы сбежать в Южную Америку и исчезнуть, постоянно крутилась у Зака в голове, но идея была паршивая, и он об этом знал. Во-первых, если он сбежит, присяжные признают его виновным даже в том случае, если изначально склонялись к тому, чтобы оправдать его. Во-вторых, физиономия его была настолько хорошо известна, что его опознали бы в течение пяти минут, куда бы он ни направился. Если и был у этой мерзкой истории позитивный результат, то это то, что, как Зак искренне надеялся, Тони Остин уже никогда не будет сниматься в кино. Не сможет он появиться перед зрителями после того, как все его грехи и извращенные склонности стали достоянием широкой общественности, кричали о себе с экранов телевизоров и газетных страниц!

Когда на следующее утро раздался стук в дверь, Зак, проведенный больше суток в состоянии томительной неизвестности, не видя выхода из чудовищно несправедливой ситуации, уже почти впал в отчаяние. Он рывком распахнул дверь и нахмурился, увидев на пороге единственного человека, которому безгранично доверял. Зак не хотел, чтобы Мэтт Фаррел присутствовал на суде, отчасти потому что не хотел делать его свидетелем своего унижения, а еще потому что не хотел, чтобы на него, известного финансиста, пала тень из-за их знакомства. Поскольку до вчерашнего дня Мэтт находился в Европе, где вел переговоры о покупке одной европейской компании, Заку не составило труда изобразить оптимистичный настрой, когда Мэтт ему позвонил. Но теперь ему хватило одного взгляда на угрюмую физиономию Мэтта, чтобы понять, что тот уже узнал мрачную правду и, по всей видимости, именно из-за этого прилетел в Даллас.

– Вижу, ты рад меня видеть, – сухо поприветствовал его Мэтт, проходя в номер.

– Я предупреждал тебя, что не стоит приезжать, – парировал Зак, закрывая дверь. – Как раз сейчас присяжные решают мою судьбу. Все будет хорошо.

– А тем временем, – сказал Мэтт, ничуть не смущаясь прохладным приемом, – мы могли бы скоротать часы ожидания за игрой в покер. О’Хара сейчас присоединится к нам, как только поставит машину на стоянку и забронирует номера. – С этими словами он скинул пиджак и пристально посмотрел на Зака, изучая его измученное, осунувшееся лицо. – Выглядишь отвратительно, – констатировал он и, сняв трубку телефона, заказал в номер плотный завтрак на троих.

– Сегодня определенно мой день, – сказал Джо О’Хара шесть часов спустя, сгребая со стола выигрыш. Шофер и телохранитель Фаррела обладал могучим телосложением, а лицо его напоминало лицо профессионального боксера, который не один раз бывал в переделке. Джо старался не показывать, что тревожится за судьбу Зака, и хотя его наигранный оптимизм никого не мог одурачить, разрядить гнетущую атмосферу ему все же отчасти удалось.

– Напомни мне, чтобы я урезал тебе жалованье, – скривился Мэтт, взглянув на кучу банкнот у локтя О’Хары. – Чтобы ты не мог позволить себе делать такие высокие ставки.

– Ты всегда так говоришь, когда я выигрываю у тебя или Зака, – жизнерадостно ответил ему Джо. – Все это напомнило мне старые добрые времена в Кармеле, когда мы частенько играли втроем. Только тогда мы играли по ночам.

И судьба Зака не висела на волоске...

Эта мысль, никем не высказанная, повисла в воздухе и вызвала неловкое молчание, которое, правда, почти тотчас же нарушил телефонный звонок.

Зак взял трубку, молча выслушал сообщение и встал.

– Присяжные вынесли вердикт. Я должен ехать.

– Я поеду с тобой, – сказал Мэтт.

– Я сейчас подгоню машину, – сказал Джо, вытаскивая из кармана ключи от автомобиля.

– В этом нет необходимости, – сказал Зак, борясь с надвигающейся паникой. – Мои адвокаты заедут за мной.

О’Хара пожал Заку руку и вышел. И лишь когда за ним закрылась дверь, Зак взглянул на Мэтта и подошел к столу.

– Я прошу тебя об услуге. – Он достал из выдвижного ящика папку и протянул другу. – Я подготовил этот документ на случай, если все пойдет не так, как хотелось бы. По этой доверенности ты имеешь полное право распоряжаться всеми моими финансами и счетами так, как сочтешь нужным.

Мэтт Фаррел взглянул на документ, и кровь отхлынула от его лица. Эта бумага была красноречивым доказательством того, что Зак оценивал свои шансы на оправдательный приговор не слишком высоко.

– Это всего лишь формальность, план действий на случай непредвиденных обстоятельств. Я уверен, что тебе она не пригодится, – солгал Зак.

– И я тоже, – солгал Мэтт.

Мужчины посмотрели друг на друга. Они были примерно одного роста, одного сложения, и на лицах обоих было одинаковое выражение уверенности в себе. Гордость заставляла их лгать себе и друг другу. Зак потянулся за пиджаком, и Мэтт, откашлявшись, спросил:

– Если... Если мне все же придется воспользоваться этой своей доверенностью, как ты хочешь, чтобы я поступил?

Глядя в зеркало, Зак завязал галстук и, пожав плечами, попытался пошутить:

– Постарайся не сделать меня банкротом, вот и все.

Через час в зале судебных заседаний, стоя рядом со своими адвокатами, Зак смотрел, как председатель суда присяжных протягивал судье вердикт. Он услышал слова судьи так, словно они донеслись издалека, пронесли по очень длинному туннелю.

– ...виновным в убийстве первой степени...

И затем после короткой процедуры, во время которой ему определялась мера наказания, Зак услышал вердикт еще более жуткий:

– Сорок пять лет отбывания наказания в тюрьме для уголовных преступников Амарилло, штат Техас... Апелляционные жалобы принимаются лишь по истечении пятнадцати лет пребывания в исправительном учреждении. Заключение передается в распоряжение...

Зак даже не поморщился, он отказывался делать что-либо, что могло выдать правду: он беззвучно кричал от ужаса.

Он стоял очень прямо даже тогда, когда кто-то схватил его за запястья, завел руки за спину и надел на него наручники.

Глава 10

1993 год

– Осторожно, мисс Мэтисон! – пронзительно взвизгнул мальчик в инвалидном кресле, но было уже поздно.

Джулия сосредоточенно вела мяч к центральному кругу баскетбольной площадки и уже готова была сделать бросок, когда, зацепившись ногой об инвалидное кресло, споткнулась и упала, неэлегантно приземлившись прямо на мягкое место.

– Мисс Мэтисон! Мисс Мэтисон! – раздалось со всех концов гимнастического зала. Вокруг Джулии сгрудились ребята на инвалидных колясках, с костылями и протезами. Джулия проводила для них уроки физкультуры на добровольных началах и в свободное от основных уроков время. – У вас все цело? Вы не пострадали?

– Конечно, пострадала! – весело ответила Джулия. – Пострадала моя гордость! И еще как!..

Вилли Дженкинс, девятилетний качок и мачо, который присутствовал на игре в роли тренера и наблюдателя, сунув руки в карманы, ухмыльнулся, окинул Джулию чуть насмешливым взглядом и неожиданно низким для своего возраста голосом спросил:

– Как могла пострадать ваша гордость, когда вы упали на...

– Это тебе так кажется! – со смехом перебила его Джулия. Она начала подниматься, но тут ее взгляд уперся в тупоносые туфли, коричневые носки и бежевые брюки из полиэстра.

– Мисс Мэтисон! – рявкнул директор школы, злобно уставившись на темные следы, оставленные по всему, доселе сияющему чистотой, полу спортивного зала. – Эта игра мне совсем не кажется похожей на баскетбол. Что за игры вы тут устраиваете?

Несмотря на то что Джулия вот уже третий год как работала учительницей в той самой начальной школе, куда когда-то пришла сама, отношения с мистером Дунканом у нее не очень складывались с тех пор, как пятнадцать лет тому назад он обвинил ее в краже обеденных денег из учительского стола. Теперь, разумеется, сомневаться в честности и порядочности Джулии не пришлось бы в голову никому в Китоне, включая мистера Дункана, но проблем с Джулией у него от этого не убавилось. Джулия всегда отличалась независимым нравом, и сейчас это качество проявлялось в ее особом взгляде на правила школьного распорядка, кои она всегда трактовала в пользу учащихся. И если бы только это! Она замучила его до смерти своими инновационными предложениями, и если он не соглашался поддерживать ее начинания, Джулия активно привлекала на свою сторону жителей города и даже заручалась финансовой поддержкой отдельных граждан. Благодаря ее энтузиазму, в частности, в школе, где директорствовал господин Дункан, по специально разработанной программе велись занятия по физическому развитию детей с ограниченными возможностями. Джулия сама разработала эту программу, и она по своему усмотрению время от времени вносила в нее коррективы, не считая при этом нужным спрашивать разрешение у директора школы, что, по мнению мистера Дункана, являлось вопиющим нарушением субординации. Не успела мисс Мэтисон запустить в прошлом году программу по физическому воспитанию детей с ограниченными возможностями, как взялась за новый, еще более смелый проект, проект по искоренению безграмотности среди женщин, проживающих в Китоне и окрестностях. И решиться на этот крестовый поход против безграмотности ее заставило лишь то, что, как случайно стало известно Джулии, жена школьного дворника не умела читать. Джулия Мэтисон пригласила женщину к себе домой и стала давать ей уроки, но вскоре выяснилось, что ее ученица знала еще кое-кого, кто так и не научился грамоте, а та, другая, знала еще кого-то. Вскоре таких женщин набралось семь человек, и мисс Мэтисон обратилась

к директору школы с просьбой предоставить ей для уроков одну из классных комнат на два вечера в неделю.

Когда мистер Дункан отказал ей на том резонном основании, что в случае проведения уроков по вечерам счет за коммунальные платежи возрастет, Джулия любезно сообщила ему, что в случае его отказа будет вынуждена обратиться к директору другой школы. Не желая выглядеть в глазах сограждан бессердечным чудовищем, мистер Дункан пошел у Джулии на поводу и разрешил ей проводить уроки в ее собственной классной комнате в начальной школе. Добившись своего, Джулия не успокоилась на достигнутом. Теперь она решила, что ей нужны особые учебные пособия для обучения навыкам чтения ее великовозрастных учениц. И, как мистеру Дункану в очередной раз пришлось убедиться, если уж Джулия Мэтисон вбила себе что-то в голову, то не остановится, пока не добьется своего. Уверенность в собственной правоте и убежденность в том, что ее миссия несет исключительно благо, заставляли Джулию добиваться своего не битьем, так катаньем. Ее энергия и энтузиазм поражали, но в равной степени и раздражали мистера Дункана.

Джулия была исключительно предана своим детям-инвалидам, а новая образовательная программа для безграмотных взрослых стала ее любимым детищем, и, что бы ни говорил и ни делал директор, пытаясь охладить ее пыл, перед напором Джулии он был бессилён. Раз уж она решила получить необходимые учебные материалы, то она их получит. Мистер Дункан был уверен в том, что выпрошенный у него административный отпуск для поездки в Амарилло на два дня имел непосредственное отношение к поиску денег на вышеупомянутые учебные пособия. Ему было доподлинно известно, что она убедила богатого дедушку одного из своих учеников, который, как оказалось, живет в Амарилло, дать денег на приобретение кое-какого оборудования, которое она использовала при работе с детьми-инвалидами. И сейчас, как догадывался мистер Дункан, она намеревалась выпросить у ни о чем не подозревающего дедушки денег на финансирование программы, к которой ни он, ни его родственники не имели никакого отношения.

Вот эта ее входящая в привычку тенденция просить денег у жителей города и окрестностей, как ближних, так и дальних, больше всего беспокоила мистера Дункана. Она не могла не понимать, что ставит не только себя, но прежде всего его, директора, в весьма щекотливое положение. Как не стыдно ей ходить с протянутой рукой, выпрашивая деньги у родителей и других родственников учеников школы, в которой он директорствовал! За те несколько лет, что Джулия Мэтисон проработала в его школе учительницей, он не знал покоя. Она была для него как прыщ на носу, как мозоль на пятке. И по этой причине мистер Дункан был абсолютно невосприимчив к ее привлекательности, хотя любой другой на его месте непременно отметил бы, как соблазнительно она выглядела, раскрасневшаяся от игры, в спортивном костюме на ладной фигурке, когда, перед тем как отпустить ребят в раздевалку, давала им наставления относительно следующего занятия. Ее свежее юное лицо без следа косметики и забранные в хвост волосы ввели мистера Дункана в заблуждение, когда он решил, что берет на работу хорошенькую милую простушку, с которой не будет никаких сложностей. При росте в пять футов и пять дюймов она была отлично сложена, хрупкая, длинноногая, с изящным носиком и классическим овалом лица и полными мягкими губами. И под темными, превосходной формы бровями вразлет сияли темно-синие глаза, густо опущенные загнутыми вверх ресницами, и эти глаза казались невинными и добрыми. Но, как бедному директору впоследствии пришлось убедиться, единственной чертой, которая выдавала ее истинную натуру, был упрямый подбородок с пусть крохотной, но совсем не женственной ямочкой.

Мысленно притопывая в досадливом раздражении ногой, мистер Дункан ждал, когда молодая учительница закончит общаться со своей «командой». Отпустив ребят, Джулия одернула футболку, провела рукой по растрепавшимся волосам, и лишь после этого мистер Дункан соизволил объяснить причину своего неурочного визита в гимнастический зал.

– Звонил ваш брат Тед. Я был один наверху и потому ответил на звонок, – недовольно сообщил директор. – Он попросил передать вам, что родители ждут вас на ужин к восьми и что Карл даст вам для поездки свою машину. Он, кажется, упомянул, что вы едете в Амарилло. Вы не сообщили мне об этом, когда отпрашивались.

– Да, я еду в Амарилло, – подтвердила Джулия с лучезарной невинной улыбкой, которая, как она, видимо, рассчитывала, должна была обезоружить всякого, кому была адресована. Однако в действительности эта подозрительно лучезарная улыбка лишь заставила Дункана насторожиться.

– У вас там друзья? – спросил он, нахмурившись.

В Амарилло Джулия собиралась встретиться с богатым родственником одного из своих учеников-инвалидов в надежде убедить его пожертвовать средства на программу по обучению грамотности... и у нее было ужасное предчувствие, что мистер Дункан о ее планах догадывался.

– Меня не будет только два учебных дня, – увернулась она от прямого ответа, – и я уже договорилась о замене.

– Амарилло расположен в нескольких сотнях миль отсюда. Должно быть, у вас там очень важное дело.

Джулия не стала удовлетворять любопытство начальника. Она лишь с преувеличенной тревогой посмотрела на часы и воскликнула:

– Господи, уже половина пятого! Мне надо торопиться! Я еще должна успеть принять душ, переодеться и вернуться сюда. У меня в шесть урок!

Вилли Дженкинс поджидал Джулию у машины на школьной стоянке. Заметив, что она вышла из школы, он нахмурился и сообщил своим хриплым голосом, который скорее напоминал голос взрослого мужчины, больного ларингитом:

– Я слышал, как мистер Дункан сказал, что вы едете в Амарилло. И поэтому до вашего отъезда я хотел узнать... Мисс Мэтисон, скажите, я буду петь на «Зимнем карнавале» или нет?

Джулия с трудом удержалась от улыбки. Вилли Дженкинс привык быть первым во всем. Он отлично чувствовал себя на спортивной площадке, был ценным приобретением для любой спортивной команды, его уважали и с ним считались, и потому ему было страшно обидно, что его не хотели принимать в драматический кружок. По правде говоря, публичные выступления, в особенности те, где надо было пользоваться голосом, обходились без участия Вилли. Стоило Вилли заговорить со сцены, а тем более запеть, как все присутствующие, и зрители, и исполнители, начинали корчиться от смеха.

– Ты обратился не по адресу, Вилли, – сказала Джулия, бросая портфель на пассажирское сиденье своего старенького «форда». – В этом году спектакль ставлю не я.

Вилли усмехнулся той нагловатой многозначительной ухмылкой, с которой мужчина смотрит на женщину, зная, что она к нему равнодушна. И Джулия действительно была к нему равнодушна. Ей нравились его задор, его сила духа, но больше всего его доброта, которая особенно проявлялась в отношении одного мальчика-инвалида из его класса по имени Джонни Эверетт.

– Хотите сказать, что если бы вы ставили спектакль, то разрешили бы мне петь?

– Вилли, – с улыбкой ответила ему Джулия, повернув ключ в замке зажигания, – когда я буду ставить спектакль, то обязательно тебя приглашу.

– Обещаете?

Джулия кивнула:

– Приходи как-нибудь в церковь, и я тебе это докажу. Я позволю тебе петь в детском церковном хоре.

– У нас в семье не принято ходить в церковь.

– Ну вот, теперь ты встал перед дилеммой, – сказала Джулия, медленно выезжая со стоянки. Она говорила с ним через открытое окно.

– Что такое дилемма?

Джулия просунула руку в окно и потрепала его по волосам.

– Посмотри в словаре.

Начальная школа, в которой работала Джулия, находилась на другом конце города, и, возвращаясь домой, Джулия всякий раз проезжала центральную часть города из конца в конец. Впрочем, «деловой центр» слишком пафосное определение для территории площадью меньше квадратной мили, на которой располагалось величественное здание суда посередине, с четырех сторон окруженное строениями. Когда Джулия в возрасте одиннадцати лет впервые приехала в Китон, этот маленький тихий городок показался ей очень странным. Поражало отсутствие широких улиц с шикарными небоскребами и отсутствие трущоб. Вначале ей было непонятно, как жители этого провинциального техасского городка до сих пор не вымерли от скуки, как осенние мухи, но постепенно ей открылась прелесть неспешной жизни техасского захолустья, и она даже стала считать его славным и милым. За последние пятнадцать лет здесь мало что изменилось. Китон остался самим собой – живописным и старомодным, со все той же нарядной белой беседкой посреди городского парка, с вымощенными красным кирпичом улицами и опрятными домиками с ухоженными палисадниками. Несмотря на то что население Китона за эти годы увеличилось с трех тысяч до пяти, дух города приезжие изменить не смогли или не захотели. Пытавшиеся изменить город в соответствии со своими представлениями здесь попросту не приживались. Большинство жителей по-прежнему по воскресеньям ходили в церковь, мужчины по-прежнему собирались в городском клубе со смешным названием «У лося» каждую первую пятницу месяца. И начало школьных летних каникул отмечали здесь как большой праздник – на городской площади с духовым оркестром, причем музыканты неизменно выходили в красно-бело-синих нарядах. Когда-то на такие мероприятия жители города приезжали верхом или в колясках, запряженных лошадьми, а теперь – в пикапах и машинах поменьше, но музыка и смех звучали как встарь. Дети играли в пятнашки среди старинных дубов или прогуливались, держа родителей за руку, лакомясь мороженым, в то время как их бабушки и дедушки сидели на скамейках в парке и вспоминали старые добрые времена. Это был город, где люди ценили старую дружбу, старинные традиции и память о прошлом. И еще в этом городе всё про всех знали.

Джулия была частью этого сообщества, и ей нравилось чувство защищенности, которое обеспечивала ей семейная атмосфера этого города. Но она также хорошо понимала правила игры и потому с самого начала тщательнейшим образом избегала всего, что могло послужить хоть малейшим поводом для сплетен и пересудов. Подростком она встречалась лишь с теми мальчиками, к которым одобрительно относились ее родители и все прочие жители города, и она посещала с этими мальчиками лишь те мероприятия, что организовывались школой, и еще целомудренные церковные собрания. Она ни разу не нарушила правил дорожного движения. Учась в колледже, она жила дома, а когда наконец сняла собственный маленький домик в северной части города, она держала его в безукоризненной чистоте и порядке и взяла за правило не позволять лицам мужского пола, не являющимся членами семьи, задерживаться у нее после наступления темноты. Иные девушки восьмидесятых застонали бы под тяжестью подобных ограничений, но Джулия и не думала роптать. Она обрела настоящий дом, любящую семью, которая уважала ее и доверяла ей, и она дала себе слово, что никогда не предаст их доверия. И настолько действенными были ее усилия, что, повзрослев, Джулия Мэтисон в Китоне стала образцом для подражания. Ее трудолюбие и самоотречение ставили в пример. Она не только работала учительницей начальных классов на полной ставке, она еще и на добровольных началах, бесплатно, в свое свободное время занималась физическим воспитанием детей-инвалидов, учила грамоте взрослых женщин, давала уроки в воскресной школе, пела в

церковном хоре, пекла печенье и вязала платки для благотворительных распродаж, организованных местным приходом, чтобы помогать собирать деньги на строительство нового здания для размещения отряда пожарной охраны.

С поразительным упорством она искореняла в себе все то, что могло напомнить о беспризорнице и хулиганке, какой она когда-то была. Но то, что она получала взамен, было несравненно ценнее того, чем приходилось жертвовать. Джулия Мэтисон считала, что ей необыкновенно повезло в жизни. Она любила работать с детьми и получала громадное удовлетворение от того, что у нее получалось учить взрослых. О лучшей участи она не могла и мечтать. Разве что иногда, по ночам, она не могла избавиться от ощущения, что в жизни ее что-то сложилось не так. Была в этой жизни какая-то фальшь. В такие минуты ей казалось, что она придумала для себя роль и прилежно играла ее, но только чем дальше, тем больше ей хотелось быть от тоски.

Год назад, когда в помощь ее отцу прислали нового помощника, Грегa Хоули, будущего пастора, Джулия вдруг осознала то, о чем ей давно бы следовало задуматься: о том, что пора создать собственную семью. Грегa, как выяснилось, посещали те же мысли. Они поделились этими мыслями друг с другом и пришли к выводу, что могли бы вместе создать семью. Грег сделал ей почти официальное предложение, но Джулия взяла тайм-аут: ей надо было понять, действительно ли она хочет замуж за Хоули. Теперь же Грег жил во Флориде, где у него был свой приход, и он по-прежнему ждал от нее ответа. Городские сплетницы, которые однозначно одобрили выбор Джулии в пользу молодого красивого священника, были разочарованы, когда сразу после Рождества Грег уехал, так и не надев на палец Джулии заветного кольца. Джулия тоже одобряла его кандидатуру. Со всех точек зрения он стал бы для нее идеальным мужем и отцом семейства, только вот иногда по ночам ее начинали одолевать смутные сомнения...

Глава 11

Присев на краешек учительского стола, Джулия с улыбкой обвела взглядом своих взрослых учениц. Их было семеро – семь женщин в возрастном диапазоне от двадцати до шестидесяти. И все они пришли сюда, в ее класс, чтобы научиться читать. Они успели завоевать ее сердце своей решимостью, своим мужеством и своим упорством, а ведь она только начала узнавать их по-настоящему. До ужина в родительском доме оставалось меньше двадцати минут, а ей так не хотелось заканчивать урок. Неохотно взглянув на часы, Джулия сказала:

– Ладно, на сегодня, пожалуй, хватит. Есть у кого-то вопросы по поводу домашнего задания на следующую неделю? Может, кто-то хочет мне что-нибудь сказать?

Розали Силмет, двадцатипятилетняя мать-одиночка, подняла руку и застенчиво спросила:

– Мы... все мы... хотим сказать, как много для нас значит то, что вы для нас делаете. Меня выбрали, чтобы сказать вам об этом, потому что у меня пока лучше всех получается читать. Мы хотим, чтобы вы знали, как для нас важно уже то, что вы в нас верите. Некоторые из нас, – она запнулась и посмотрела на Паулин Перкинс, которая недавно присоединилась к группе по настоянию Розали, – не думают, что вы можете нас научить, но мы все хотим дать вам шанс.

Джулия посмотрела на темноволосую угрюмую женщину примерно лет сорока и тихо спросила:

– Паулин, почему вы думаете, что не сможете научиться читать?

Женщина встала и сдержанно, с достоинством, без намека на жалость к себе, сказала:

– Муж говорит, что если бы я не была тупой, то научилась бы читать, когда была ребенком. Мои дети говорят то же самое. Они говорят, что я напрасно трачу ваше время. Я пришла сюда только потому, что Розали сказала, что она удивительно быстро учится читать, хотя тоже никогда не думала, что сможет научиться. Я сказала, что попробую, но если за пару недель никаких успехов не будет, я больше сюда не приду.

По глазам других женщин Джулия поняла, что они думают так же, как Паулин, и тогда Джулия приняла решение. Она откроет им правду, которую скрывала всю жизнь. Джулия на мгновение закрыла глаза.

– Я знаю, что могу вас всех научить читать. И я знаю, что неумение читать не имеет никакого отношения к тупости. Я могу это доказать.

– Как? – без обиняков спросила Паулин.

Джулия сделала глубокий вдох и, усмехнувшись, сказала:

– Я знаю это, потому что когда-то сама читала с большим трудом. Я приехала в Китон и училась в четвертом классе, но я читала хуже, чем читает сейчас Розали, которая проучилась в нашем с вами классе всего несколько недель. Я знаю, каково это: чувствовать, что ты слишком глупа, чтобы чему-то научиться. Я знаю, что это такое: когда идешь по коридору и не можешь прочесть надпись на дверях в уборную. Я знаю, на какие уловки вы идете, чтобы скрыть от окружающих свою безграмотность, только бы люди над вами не смеялись. Я над вами не смеюсь. Я никогда не стала бы над вами смеяться. Потому что я знаю кое-что другое. Я знаю, сколько мужества нужно каждой из вас, чтобы приходить сюда дважды в неделю.

Женщины смотрели на нее, раскрыв рты. Паулин очнулась первой:

– Это правда? Вы учились в четвертом классе и не умели читать?

– Правда, – тихо сказала Джулия, встретив ее взгляд. – Именно поэтому я и учу вас. Именно поэтому я сделаю все, что могу, чтобы добыть для вас все те учебные пособия, которые лучшие специалисты разработали для взрослых людей, желающих научиться грамоте. Доверьтесь мне, – добавила Джулия и отошла от стола. – Я найду способ раздобыть для вас лучшие

учебники, для этого я завтра утром еду в Амарилло. Все, о чем я сейчас вас прошу, – это верить в меня. Хотя бы чуть-чуть. В меня и в себя.

– Я в вас верю, и не чуть-чуть, – пошутила Пегги Листром. Она встала и принялась складывать в сумку тетради и ручки. – Но насчет себя я пока не знаю.

– Может, я ослышалась, и это не вы с такой гордостью говорили перед началом урока, что на этой неделе смогли наконец прочесть несколько названий улиц, когда гуляли по городу? – спросила Джулия.

Пегги улыбнулась и наклонилась, чтобы взять на руки ребенка, который дремал на детском стульчике напротив нее. Джулия вдруг стала серьезной: она поняла, что сейчас настал решающий момент – если ей не удастся укрепить их дух и веру в себя, то на успех рассчитывать нечего. И никакие пособия не помогут.

– Перед тем как разойтись, я попрошу вас вспомнить о том, что побудило вас начать учиться грамоте. Розали, может, начнем с вас?

– Со мной все просто. Я хочу поехать в большой город, где много рабочих мест, и слезть с пособия, но я не могу получить работу, потому что не в состоянии заполнить бланк заявления. И даже если я попрошу кого-то написать за меня заявление, приличной работы мне все равно не найти, пока я не научусь читать.

Еще две женщины согласно закивали, и Джулия перевела взгляд на Паулин.

– Паулин, почему вы хотите научиться читать?

Паулин простодушно улыбнулась:

– Мне просто хочется показать мужу, что он не прав. Мне бы хотелось однажды дать ему отпор и доказать, что я не тупая. А потом... – Она замолчала, так и не закончив мысль.

– Ну? – подбодрила ее Джулия.

– А потом, – со вздохом закончила Паулин, – я бы хотела помогать детям с домашним заданием.

Джулия посмотрела на Дебби Сью Кэссиди, тридцатилетнюю тихоню с гладкими каштановыми волосами и влажными карими глазами, которая к пятому классу успела поменять пять разных школ, потому что родители ее постоянно переезжали с места на место, и в пятом классе окончательно забросила школу. Дебби произвела на Джулию особое впечатление тем, что была на редкость умна и способна. Говорила Дебби мало, но из того немногого, что говорила, Джулия сделала вывод о том, что речь у Дебби хорошо поставлена и мыслит она неординарно и творчески. Она работала горничной, но ей, с ее вдумчивостью и тягой к знаниям, куда больше подошла бы работа библиотекаря. После некоторых колебаний Дебби призналась:

– Если бы я могла сменить работу... Как только я научусь читать, я знаю, чем займусь.

– И чем бы вы хотели заняться? – спросила Джулия улыбаясь.

– Только не смейтесь. Я бы хотела написать книгу.

– Я не смеюсь, – тихо сказала Джулия.

– Я думаю, я могла бы однажды написать книгу. Я хочу сказать, что у меня есть задумки. Я умею сочинять и рассказывать истории, и это у меня неплохо получается. Я только не умею их записывать. Я... Я слушаю книги на кассетах. Знаете, те, что издают для слепых, хотя я не слепая. Но иногда я ощущаю себя слепой. Мне порой кажется, будто я бегу по темному туннелю, только у этого туннеля нет выхода. Хотя, впрочем, сейчас, возможно, выход найдется. Если я действительно смогу научиться читать...

После этих слов признания посыпались как из рога изобилия, и у Джулии начала складываться реальная картина того, как на самом деле жили эти женщины. Какое они вели существование, принимая его за гордое слово «жизнь». У всех у них самооценка была на нуле, мужчины, с которыми они жили, унижали их, как хотели, и эти женщины думали, что не заслуживают ничего лучшего. К тому времени, как Джулия закрыла за собой дверь классной комнаты, она

уже на десять минут опоздала на ужин, но зато она знала, что во что бы то ни стало добудет для них книги, которые помогут им стать грамотными.

Глава 12

Подъехав к дому родителей, Джулия заметила припаркованную у обочины патрульную машину Теда и увидела братьев. Тед и Карл шли по тропинке к парадному входу и о чем-то разговаривали. Синий «блейзер» Карла, который он одолжил ей для поездки в Амарилло, поскольку она не решалась пуститься в неблизкий путь на собственном стареньком ненадежном «форде», стоял чуть поодаль. Джулия припарковалась рядом с «шевроле» и вышла из машины. А братья остановились и повернулись к ней.

Глядя на них, Джулия испытала знакомое и с годами не утратившее своей остроты чувство гордости. Они были такие статные, такие ладные, такие славные. И они любили ее и относились к ней с прежней трогательной заботой. Сколько девчонок мечтают иметь таких старших братьев! А у нее они есть!

– Привет, сестренка! – сказал Тед и обнял Джулию.

– Привет, – сказала она, обняв его в ответ. – Как успехи на ниве юриспруденции? Скоро ли начнешь вершить правосудие? – Тед служил окружным шерифом, но недавно окончил юридический факультет и ждал результатов экзамена, успешная сдача которого дала бы ему право заняться собственной адвокатской практикой.

– Превосходно! – со смехом ответил Тед. – Я процитировал выдержку из правил дорожного движения о запрещении перехода улицы в неположенном месте, и вся комиссия была в восторге.

Тед становится циником, подумала Джулия. Он ожесточился с тех пор, как три года назад развелся с женой. Тед совсем недолго прожил в браке с дочерью одного из самых богатых жителей Китона. Боль сменилась ожесточением, и вся семья об этом знала, но сделать никто ничего не мог.

Карл же, напротив, переживал самый радостный период в жизни. Он женился полгода назад, и, судя по его довольной сияющей физиономии, медовый месяц у них с женой все еще продолжался.

– Сара не смогла прийти сегодня на ужин, она все еще простужена, – пояснил он, отвечая на немой вопрос Джулии.

На веранде зажегся свет. В дверях дома, залитая золотистым сиянием, стояла Мэри Мэтисон. Она была в фартуке. Если не считать нескольких седых прядок в темных волосах и того, что движения ее стали более плавными и неторопливыми, она осталась все такой же, как пятнадцать лет назад: милой, приветливой и жизнелюбивой.

– Дети! – позвала она Джулию и братьев. – Поторапливайтесь! Ужин стынет.

За ее спиной в дверном проеме стоял преподобный Мэтисон. Он держался все так же прямо, но теперь он стал носить очки, и волосы его почти целиком поседели.

– Проходите быстрее, – сказал он, обняв Джулию и похлопав сыновей по плечам.

Единственное, что изменилось в этих семейных трапезах после того как дети стали жить отдельно, – это то, что теперь Мэри Мэтисон накрывала стол не на кухне, а в гостиной и застилала его праздничной скатертью. Но сама обстановка за столом не изменилась: все так же звучал смех, все так же делились они друг с другом наболевшим, спрашивали друг у друга совета и по-прежнему часто тут же, за семейным столом, сообща находили решения многих проблем. И еда подавалась в основном все та же: привычное жаркое, пюре и свежие овощи.

– Как обстоят дела со строительством дома мэра Адделсона? – спросил отец у Карла после общей короткой молитвы.

– Пока похвастать нечем. Не строительство, а сплошная головная боль. Сантехник подсоединил горячую воду к кранам с холодной водой, электрик перепутал провода, и теперь всякий раз, как включается измельчитель мусора на кухне, на веранде зажигается свет...

Обычно Джулия с большим сочувствием относилась к рабочим проблемам брата, но сейчас ей просто стало смешно.

– А когда на кухне зажигают свет, что тогда происходит? – со смехом спросила она.

– Включается вентилятор в духовом шкафу. Герман снова был не в духе. Честно говоря, мне иногда кажется, что он так рад, что ему есть чем заняться, что нарочно все путает, чтобы потянуть удовольствие.

– В этом случае тебе бы стоило проследить, чтобы он не соединил вентилятор с чем-то еще. Я хочу сказать, что будет обидно, если мистер Адделсон въедет в новый дом, включит духовку и взорвет дом.

– Не вижу тут повода для шуток, Джулия. Адвокат мэра Адделсона настаивает на штрафных санкциях. То есть если я не сдам дом к первому апреля, то каждый день задержки будет стоить мне лишних ста пятидесяти долларов. И так будет, если не случится какого-нибудь стихийного бедствия, которое избавит меня от исполнения обязательств по договору.

Джулия очень старалась не рассмеяться, но в глазах ее все равно плясали смешинки. Трудно было удержаться от смеха, представляя, как мэр Адделсон включает свет на веранде и вдруг раздается рев измельчителя мусора. Мистер Адделсон был не только мэром, но и владельцем банка, агентства по продаже автомобилей «Форд», магазина скобяных товаров и крупных земельных участков к западу от Китона. Все в Китоне знали Германа Хенкельмана, он был электриком от Бога, убежденным холостяком и большим чудачком. Это у него было семейное. Как и его отец, Герман жил один в крохотном домишке на окраине городка, работал, когда у него было настроение, распевал песни навеселе, а когда бывал трезв, поражал сограждан своими энциклопедическими познаниями, которые сделали бы честь профессору университета.

– Я не думаю, что тебе стоит опасаться штрафных санкций со стороны нашего мэра, – насмешливо сказала Джулия. – Германа вполне можно классифицировать как стихийное бедствие. Его можно приравнять к сотне землетрясений, по крайней мере в части неуправляемости и непредсказуемости. Все это знают. Суд будет на твоей стороне.

И тогда Карл рассмеялся. Смех, как и голос, был у него приятного тембра, бархатный, низкий.

– Ты права, – сказал он, – если мэр Адделсон станет со мной судиться, присяжные вынесут вердикт в мою пользу, при условии, что их наберут из числа местных жителей.

Наступило молчание, не тягостное, когда люди не знают, что сказать, но такое, когда говорить ничего не надо, все понимают друг друга без слов.

Карл первым нарушил тишину, сказав со вздохом:

– Не знаю, что на него нашло. Когда Герман не пьет, лучшего электрика не найти. Я хотел дать ему шанс снова стать на ноги, и для этого не помешало бы иметь в кармане немного денег.

– Мэр Адделсон не станет с тобой судиться, если ты закончишь его дом на несколько дней позже, – сказал преподобный Мэтисон, подкладывая себе жаркое. – Мэр – человек справедливый. Он знает, что ты лучший строитель в округе, и более качественной работы за свои деньги он нигде не получит.

– Ты прав, – согласился Карл. – Но давайте поговорим о чем-нибудь более приятном. Джулия, в последнее время ты стала какой-то скрытной. Скажи наконец начистоту: ты собираешься выходить за Грегори или нет?

– Ну... мы...

Вся семья насмешливо наблюдала за тем, как Джулия переставляет приборы возле своей тарелки. Потом она сдвинула блюдо с пюре ближе к центру стола. Потом подвинула его еще на дюйм. Тед прыснул от смеха, и Джулия, застигнутая врасплох, густо покраснела. Привычка наводить порядок, когда она испытывала неуверенность или озабоченность, была у нее с детства, так что если Джулия вдруг без видимых причин устраивала генеральную уборку у себя

в шкафу или в буфетах на кухне, всем становилось ясно, что ее что-то тяготит. Джулия смущенно улыбнулась:

– Наверное. Потом. Как-нибудь.

Когда Джулия с братьями вышли из родительского дома, первого, кого они увидели, был легкий на помине Герман Хенкельман. Он шел им навстречу, зажав в руке шляпу. В свои семьдесят он был по-прежнему худощав и высок, так как не имел привычки сутулиться, но когда он, как сейчас, расправлял плечи, у Джулии непроизвольно сжималось сердце от обиды за него. Зачем этот человек, в котором столько благородства и внутреннего достоинства, с таким маниакальным упорством играет роль шута и городского сумасшедшего? Для чего ему это?

– Всем добрый вечер, – произнес Герман и, повернувшись к Карлу, сказал: – Я знаю, что напортачил с домом Адделсона, Карл, но я надеюсь, вы дадите мне возможность исправить то, что я испортил. Это все, о чем я прошу. Я не хочу, чтобы вы мне платили за работу, я ничего не прошу. Но я вас подвел, и мне бы хотелось это поправить, насколько я смогу.

– Герман, сожалею, но я не могу...

Герман поднял руку. Она у него была узкая, с длинными пальцами, на удивление породистая.

– Карл, никто, кроме меня, не сможет разобраться в том, что я там натворил. Я не слишком хорошо себя чувствовал всю эту неделю, я только не хотел вам этого говорить, потому что боялся, что вы подумаете, будто я слишком старый и выжил из ума, и уволите меня. Но я не очень серьезно болен, это был всего лишь грипп. А сейчас ваш новый электрик, наверное, думает, что знает, что я сделал не так, но если что-то вылезет после того, как вы отштукатурите стены, их придется долбить, и все наружные работы придется выполнять заново. Вы же знаете, что коней на переправе не меняют, и это особенно справедливо в отношении нас, электриков.

Карл колебался с ответом, и Джулия с Тедом деликатно не вмешивались. Попрощавшись, они направились к машине Карла.

– С севера идет холодный фронт, – сказал Тед, ежась от холода в легкой куртке. – Если вдруг начнется снегопад, то привод на четыре колеса окажется кстати. Жаль, что Карл не может оставить тебе телефон в машине. Я бы чувствовал себя лучше, если бы ты была на связи.

– Со мной все будет хорошо, – жизнерадостно сказала Джулия, поцеловав брата в щеку.

Отъезжая, она смотрела на Теда в зеркало заднего вида. Он стоял на обочине, засунув руки в карманы, высокий, стройный блондин с отсутствующим холодным взглядом. Джулия часто замечала это выражение в его глазах – слишком часто с тех пор, как он развелся с Кэтрин Кейхилл. Кэтрин была лучшей подругой Джулии и осталась таковой, несмотря на то что теперь жила в Далласе. Ни Кэтрин, ни Тед ничего плохого друг о друге не говорили Джулии, и она не понимала, почему два человека, которых она так любила, не могут больше жить друг с другом. Впрочем, мысли о несостоявшемся семейном союзе Теда и Кэтрин всегда действовали на Джулию угнетающе. Не стоит себя накручивать перед тем, что в свете прогноза погоды на предстоящие сутки может оказаться нелегким испытанием. Нужно настроиться на лучшее и продумать оптимальный маршрут до Амарилло. Она очень надеялась, что снегопада не будет.

– Эй, Зак. – Шепот был едва слышен. – Что ты будешь делать, если послезавтра начнется снег, как обещают синоптики? – Доминик Сандини свесился с верхней койки и посмотрел на мужчину на нижней койке. Тот лежал на спине, уставившись в потолок. – Зак, ты меня слышишь? – спросил он чуть громче.

Зак устал от бесконечных мыслей о предстоящем побеге. Сколько ни размышляй, просчитать риски все равно не удастся. Слишком многое зависело от случая. Зак медленно повернул голову и посмотрел на вертлявого смуглого сокамерника, тридцатилетнего Доминика Сандини. Доминик был посвящен в план побега, поскольку сам участвовал в нем. Но главным действующим лицом во всем сценарии был дядя Доминика, бывший букмекер, если

верить информации, почерпнутой в тюремной библиотеке, предположительно связанный с мафией Лас-Вегаса. Зак заплатил Энрико Сандини солидную сумму за организацию побега. Но несмотря на все уверения Доминика в том, что дядя – человек порядочный, Зак до сих пор сомневался, что его деньги не были пущены на ветер.

– Я справлюсь, – ровным голосом ответил Зак.

– Ну, когда ты «справишься», не забудь, что задолжал мне десять баксов. В прошлом году ты поставил на то, что «Медведи» выиграют, и проиграл. Помнишь?

– Я расплачусь с тобой, когда выберусь отсюда, – сказал Зак и на случай, если кто-то подслушивает, добавил: – Когда-нибудь.

Сандини усмехнулся. Эта игра в конспирацию, похоже, доставляла ему удовольствие. Он откинулся на подушку, вскрыл письмо, которое получил сегодня днем, и погрузился в чтение.

Десять паршивых долларов... Зак хорошо помнил время, когда без счета раздавал десятидолларовые чаевые посыльным и коридорным. Здесь же, в чертовой тюрьме, в которой он провел последние пять лет, за десять долларов люди могли и убить друг друга. За десять долларов в тюрьме можно было купить все, что имело цену: пригоршню сигарет с марихуаной, амфетамин или что-нибудь из барбитуратов, журналы для извращенцев всех мастей. И это лишь малая часть из списка «излишеств». Вообще-то Зак взял за правило не вспоминать о своей прежней жизни, не сравнивать ту жизнь с теперешней, потому что тогда смириться с существованием в камере размерами двенадцать на пятнадцать футов, в которой помещались только раковина, унитаз и две койки, стало бы еще сложнее. Однако сейчас такого рода реминисценции были даже полезны: они укрепляли в нем решимость совершить побег, и он готов был идти до конца, лишь бы обрести свободу. Зак не забыл ярость, которая охватила его в тот незабываемый момент, когда за ним закрыли дверь камеры, а на следующий день банда подонков окружила его во время прогулки на тюремном дворе. «Ну, герой, покажи-ка нам, какой ты герой! Тут тебе не кино, и драться придется взаправду». Только ярость, слепая, животная ярость заставила его тогда броситься на самого крупного из парней. Ярость и не вполне осознанное желание как можно быстрее покончить с жизнью, но до того момента – причинить обидчику больше боли. И в тот день ему это удалось. Он был в хорошей форме, и все те силовые приемы, которые ему пришлось отрабатывать до автоматизма для ведения бесконтактных боев в кино – ведь его главным амплуа были крутые парни, – оказались очень кстати. К тому времени, как вмешались тюремные власти и дерущихся растащили, Заку сломали три ребра и отбили почку, но и двоим его противникам хорошо досталось.

Тот триумф стоил Заку недельного пребывания в одиночке, однако после этого никто не решался его задевать. По тюрьме быстро распространился слух о том, что Зак – настоящий отморозок, а не простой обыватель, совершивший убийство на бытовой почве. Этим он снискал себе уважение среди арестантов. Еще три года ему потребовалось, чтобы понять: здесь, в тюрьме, каждый сам за себя, и «респект» таких же, как он, арестантов, ничто по сравнению с теми преимуществами, которые дает доверие администрации. И для того, чтобы получить эти неоспоримые преимущества, надо не лезть на рожон и прилежно выполнять приказы начальства. Зак пошел и на это – он стал шелковым, однако ни на одно мгновение за все эти годы не смирился со своей судьбой. Он научился играть в предложенную ему игру и делал вид, что принимает такую жизнь, но на деле все было совсем не так. На деле каждое утро, едва он открывал глаза, внутренняя борьба начиналась вновь, и этот нескончаемый яростный бой продолжался до тех пор, пока он не проваливался в сон. Чтобы не сойти с ума, ему нужно было как можно быстрее вырваться из этого гиблого места.

План его был таков: каждую среду Хэдли, тюремный инспектор, по стилю руководства весьма походивший на коменданта лагеря для военнопленных, ездил на совещания в Амарилло. Зак был его шофером, а Сандини – его мальчиком на побегушках. Сегодня была среда, и Зак, который обычно дожидался начальника в машине, собирался сбежать, пока Хэдли будет

на совещании. Но в последнюю минуту Хэдли, который должен был выступать на том совещании, сообщил, что совещание переносится на пятницу, и у Зака от разочарования даже свело челюсти. Если бы не эта задержка, он бы уже был на свободе. Или на том свете. Сейчас ему ничего не оставалось, кроме как дожидаться пятницы, и он не знал, вынесет ли еще двое суток заключения.

Закрыв глаза, Зак постарался в деталях представить все то, что предстояло сделать завтра. Поскольку он привык всегда полагаться лишь на собственные силы, ему было трудно смириться с тем, что без посторонней помощи не обойтись. Впрочем, Доминику Сандини Зак готов был довериться. К счастью, Сандини пользовался не только его доверием, но и доверием тюремного начальства. Что же касается второй и последующих стадий побега, то тут приходилось полагаться на протекцию Доминика – Энрико Сандини. Именно он должен был снабдить Зака деньгами, транспортом и новыми документами. И лишь успех последнего этапа зависел исключительно от самого Зака. На данном, предварительном этапе побега наибольшее опасение вызывал у Зака даже не пресловутый «человеческий фактор», а нечто такое, что никому не дано ни предотвратить, ни изменить. Одним из таких факторов являлась погода, непредсказуемая в это время года. Не мог он заранее знать и того, на каких именно дорогах и где будут выставлены патрули. Как бы тщательно он все ни планировал, дело могло сорваться из-за какой-нибудь мелочи. Риск был огромен, но это не имело значения. Теперь у него было лишь два пути: провести остаток жизни в тюрьме и сойти с ума или сбежать, рискуя быть убитым при задержании. И смерть представлялась ему более желанной, чем перспектива сгнить заживо за решеткой.

Зак не питал иллюзий. Он знал, что, если даже ему удастся сбежать, охота за ним не прекратится никогда. Остаток жизни, возможно, очень короткой жизни, ему не знать покоя, куда бы он ни уехал. Но это его не пугало. Он готов был на все, лишь бы не оставаться в тюрьме.

– Вот дерьмо! – воскликнул Доминик, и Зак вздрогнул от неожиданности. – Джина выходит замуж! – Сандини свесился с верхней койки, размахивая письмом.

Зак повернул голову и посмотрел на сокамерника.

– Зак, ты слышал, что я сказал? Моя сестра Джина через две недели выходит замуж! За Гвидо Дорелли.

– Хороший выбор, – сухо заметил Зак, – если учесть, что беременна она именно от него.

– Да, но, как я тебе уже говорил, мама не позволит ей за него выйти.

– Потому что он – грязная акула, – откликнулся Зак, припомнив, что говорил ему Доминик о Гвидо.

– Черт, нет. Я хочу сказать, что мужчина должен иметь достойный заработок. Мама это понимает. Гвидо просто дает деньги в долг тем, кто в них нуждается, и это все.

– А если они не могут с ним расплатиться, он их калечит.

Зак увидел, как вытянулось лицо Сандини, и тут же пожалел о своем сарказме. Несмотря на то что Сандини успел угнать двадцать шесть автомобилей и имел шестнадцать приводов до того, как получил двадцать восемь лет тюрьмы, в этом маленьком тощем итальяшке было что-то трогательно детское. Как и Зак, он пользовался доверием администрации, но, несмотря на это, за время пребывания в тюрьме ему увеличили срок еще на четыре недели. Сандини был невероятно заносчив, ершист, как боевой петух, и он был отчаянно предан Заку, чьи фильмы очень любил. У Сандини была огромная семья, шумная и колоритная. Родственники посещали его регулярно. Встречи проходили в тюремном дворе. Узнав, что Зак живет с ним в одной камере, они были потрясены и даже напуганы, но, обнаружив, что Зака никто не навещает, они забыли о том, кем был Зак в прежней жизни, и взяли его под свою опеку, словно он приходился им близким родственником. Зак искренне верил в то, что ему никто не нужен, и он ясно дал понять непрощеной «родне», что в их опеке не нуждается. На их вопросы он отвечал односложно и даже демонстративно их игнорировал. Однако это не смущало клан Сандини.

Они продолжали общаться с ним так, словно он и не пытался от них отгородиться. И, сам не зная, как это произошло, Зак со временем перестал сопротивляться, если мамаша Сандини, его сестры, родные и двоюродные, лезли к нему обниматься и целоваться, а темноволосые племянники и племянницы Доминика в возрасте от года до трех с леденцами на палочке в липких руках лезли к нему на колени. Зак даже поймал себя на том, что улыбается, слушая болтовню мамаш этих смуглых ребятишек, безуспешно пытаюсь запомнить, кого как зовут, и одновременно столь же безуспешно пытаюсь спасти шевелюру от липких леденцов. Однажды Зак даже стал свидетелем того, как один из пухлых младенцев из клана Сандини сделал свои первые неуверенные шаги. И этот младенец, раскинув руки, потопал не к одному из своих многочисленных родственников, а к присевшему на скамью Заку.

Родные Сандини окружили Зака семейным теплом, и в перерывах между посещениями дважды в месяц они присылали ему домашнюю выпечку и домашнюю благоухающую чесноком колбасу, завернутую в промасленную бумагу. Посылки приходили два раза в месяц, бесперебойно, и Зак получал их одновременно с Домиником. Несмотря на то что от их колбасы у Зака случалось несварение, он все равно съедал немного салами и все печенье, и когда двоюродные сестры Сандини принялись присылать ему записки и просить автографы, Зак безропотно откликался на их просьбы. Мама Сандини присылала ему открытки на дни рождения и сокрушалась о том, что Зак слишком худой. И в те редкие моменты, когда Заку действительно хотелось смеяться, желание это было вызвано исключительно кем-то из клана Сандини. И теперь его связь, ощущавшаяся как родство, с Сандини и его семейством была крепче, чем связь с собственными кровными родственниками.

Стараясь сгладить обиду, нанесенную Доминику, Зак сказал со всей искренностью, на какую был способен:

– Знаешь, я думаю, уважаемые банкиры поступают не намного лучше твоего Гвидо: они вышвыривают из домов вдов и детей, если те не могут оплатить кредит.

– Именно так! – радостно согласился Сандини.

Обнаружив, что мысли о семействе Сандини волшебным образом успокаивают его, отвлекая от предстоящего побега, Зак решил продолжить тему:

– Если бы не профессия Гвидо и его судимость, твоя мама позволила бы Джине за него выйти?

– Я говорил тебе, Зак, – мрачно сказал Сандини, – что Гвидо был женат. Его обвенчали в церкви, а теперь он развелся, и потому его отлучили от церкви.

Зак, сделав подобающее случаю серьезное лицо, сказал:

– Верно. Я об этом забыл.

Сандини возобновил чтение письма.

– Джина передает тебе привет. И мама. Мама говорит, что ты ей мало пишешь.

Зак посмотрел на пластиковые часы, которые ему разрешили носить в тюрьме, и встал с койки.

– Ладно, поднимайся, Сандини. Скоро вечерняя поверка.

Глава 13

Соседки Джулии, пожилые сестры-близнецы Элдридж, сидели на веранде своего дома. Отсюда открывался широкий обзор на все четыре дома по Элм-стрит. Как раз сейчас они наблюдали за тем, как Джулия укладывала в багажник дорожную сумку.

– Доброе утро, Джулия, – поприветствовала ее Флосси Элдридж.

Вздвигнув, Джулия обернулась на голос. Она никак не ожидала, что седовласые дамы к шести утра уже успеют встать, позавтракать и выйти подышать свежим воздухом.

– Доброе утро, мисс Флосси, – откликнулась Джулия и направилась к дому сестер засвидетельствовать свое почтение. – Доброе утро, мисс Ада. – Несмотря на то что сестрам уже перевалило за семьдесят, они все еще сохранили привычку одеваться одинаково. Впрочем, нарядами сходство заканчивалось, ибо мисс Флосси была полноватой, улыбчивой и жизнерадостной, тогда как сестра ее и в старости осталась худой, вечно всем недовольной и болезненно любопытной. Говорили, что в молодости Флосси была влюблена в Германа Хенкельмана, однако мисс Ада не дала влюбленным пожениться, сумев убедить слабохарактерную сестру в том, что Германа интересуют лишь ее деньги, которые тот непременно пропьет, а саму Флосси сделает посмешищем всего городка.

– Какое красивое утро, – сказала мисс Флосси, зябко кутаясь в шаль. – Такие славные деньки помогают скоротать зиму, правда, Джулия?

Не успела Джулия ответить на вопрос Флосси, как вмешалась Ада. Ада Элдридж в своей обычной манере взяла быка за рога.

– Ты снова уезжаешь куда-то, Джулия? Не прошло и двух недель с твоей предыдущей поездки. Дома не сидится?

– Меня не будет всего два дня.

– Опять по делам или на этот раз ты едешь отдохнуть? – не унималась Ада.

– Можно сказать, по делам.

Ада вопросительно подняла брови, и Джулия решила удовлетворить ее любопытство, чтобы не выглядеть грубой.

– Я еду в Амарилло. Нужно поговорить с одним человеком насчет пожертвований на учебники.

Ада кивнула, обдумывая полученную информацию.

– Слышала, у твоего брата неприятности со строительством дома для мэра Адделсона. Надо было сто раз подумать, прежде чем нанимать Германа Хенкельмана. От него одни неприятности.

Джулии хотелось бы посмотреть, как мисс Флосси отреагирует на реплику сестры. Ведь камень, брошенный в сторону ее бывшего возлюбленного, был камнем и в ее, Флосси, огород. Но Джулия сдержалась, решив, что ни за что не станет подыгрывать злым Аде.

– Карл лучший подрядчик в округе, – сказала она, – и поэтому архитектор мистера Адделсона именно ему поручил строительство дома. Проект сложный и требует времени и терпения. – Ада открыла рот, чтобы продолжить допрос, но Джулия, взглянув на часы, быстро сказала, опередив вредную старуху: – Мне пора ехать. До Амарилло дорога долгая. Пока, мисс Флосси, мисс Ада.

– Будь осторожна, детка, – наставительно произнесла мисс Флосси. – Я слышала, на днях сюда придет холодный фронт, и идет он со стороны Амарилло. Там, говорят, у них часто метет. Только бы ты не попала в пургу.

Джулия ласково улыбнулась:

– Не волнуйтесь. У Карла отличный внедорожник. Кроме того, я слушала прогноз. Вероятность снегопада оценивают процентов на двадцать.

Сестры дождались, пока машина Джулии выедет на дорогу, а когда она скрылась из виду, мисс Флосси задумчиво вздохнула:

– Джулия ведет такую интересную жизнь. В прошлом году она ездила на учительскую конференцию в Европу, в Париж, а в позапрошлом была с экскурсией на Большом каньоне. Она все время путешествует.

– И чего ей на месте не сидится? Мотается по свету как неприкаянная, – язвительно заметила Ада. – По мне, так лучше бы она вышла замуж за этого молодого пастора, пока не разонравилась ему, и сидела бы дома, нянчила детей.

Не желая вступать в перепалку с сестрой, которую ей все равно не одолеть в споре, Флосси поступила так, как поступала всегда: сменила тему.

– Преподобный Мэтисон и его жена, должно быть, очень гордятся своими детьми.

– У них бы поубавилось гордости, если бы они узнали, что Тед каждую ночь засиживается до петухов у своей новой подружки. Ирма Баундер сказала, что две ночи назад она слышала, как его машина отъезжала от дома той девицы в четыре утра!

У Флосси глаза подернулись мечтательной поволокой.

– Ох, Ада, им, должно быть, есть о чем поговорить. Сидят до петухов и воркуют, как влюбленные голубки.

– Воркуют они, как голубки, как же! – передразнила сестру Ада. – А ты все такая же наивная дура. Вся в мать. Папа так всегда говорил.

– Она была и твоей матерью, – осторожно заметила Флосси.

– Но я пошла в отца. Я совершенно на нее не похожа.

– Мама умерла, когда мы были еще в пеленках, так что ты не можешь знать об этом наверняка.

– Я знаю, потому что папа так всегда говорил. Он говорил, что ты дурочка, в мать, а я – сильная, в него. Именно поэтому он поручил мне присматривать за тобой и нашими сбережениями. Сама-то ты даже за собой присмотреть не в состоянии.

Флосси прикусила губу и решила еще раз сменить тему:

– Дом мэра Адделсона будет напичкан всякой всячиной. Туда впору народ водить, как на выставку. Я слышала, что там даже лифт установят.

Свирепо раскачивая скрипящее кресло-качалку, Ада Элдридж изрекла злобно и презрительно:

– Мэру еще повезет, если Хенкельман не закоротит лифт на унитаз! Этот неудачник ни на что не годится, как и его отец, и отец его отца! Я же тебе говорила.

Флосси опустила взгляд на свои пухлые сложенные на коленях руки и ничего не сказала.

Глава 14

Зак смотрел в зеркало, висящее над раковиной в душевой, пытаясь успокоить себя тем, что ждать уже недолго и на этот раз Хэдли не станет менять свои планы. Его размышления прервало бурное появление Сандини, который влетел в душевую, с трудом скрывая ликование. Глаза итальянца возбужденно блестели. Опасливо оглядевшись по сторонам и убедившись, что никто их не подслушивает, он подошел к Заку вплотную и сбивчивым шепотом произнес:

– Хэдли сказал, что собирается поехать в Амарилло в три часа дня. Вот оно, начинается!

Зак так долго находился в состоянии томительного ожидания, что при этом известии не почувствовал долгожданного облегчения. Совсем скоро наступит конец его унижениям. Два долгих года он старательно притворялся законопослушным и смирным, он даже сделался образцовым заключенным, чтобы втереться в доверие к тюремному начальству и добиться положенных ему поблажек. Все эти долгие месяцы он строил планы на побег, и вот наконец пришла пора претворить их в жизнь. Через несколько часов, если не случится задержки, из-за которой все может сорваться, он уже будет ехать в арендованной машине с новым паспортом по расписанному поминутно маршруту, и в кармане у него будет лежать билет на самолет, призванный ввести в заблуждение тех, кто пойдет по его следу.

– Господи, как бы я хотел поехать с тобой, – с тоской в голосе произнес Сандини, глядя на Зака в зеркало. – Так хочется побывать у Джини на свадьбе!

Зак плеснул в лицо воды. Сандини был охвачен радостным возбуждением, хотя и старался этого не показывать, но его не мешало бы спустить с небес на землю.

– Даже не думай! Через четыре недели ты будешь на свободе, – добавил он, сорвав с крючка полотенце.

– Да, – согласился Сандини. – Ты прав. Вот, возьми. – Он протянул Заку какую-то бумажку.

– Что это? – спросил Зак, вытирая лицо. Он бросил полотенце и посмотрел на клочок бумаги протянутый Сандини.

– Адрес и телефон мамы. Если что-то пойдет не так, как спланировано, свяжешься с ней, и она сведет тебя с моим дядей. А у него везде связи, – хвастливо заключил Сандини. – Я знаю, что ты гадаешь, не обвели ли тебя вокруг пальца, но через несколько часов ты увидишь, что в Амарилло все будет на местах, как договаривались. Он славный малый, мой дядя Энрико, правда.

Зак рассеянно раскатал рукава белой тюремной рубахи из грубого хлопка. Руки его дрожали, когда он стал застегивать пуговицы на манжетах, но Зак мысленно приказал себе не заводить раньше времени.

– Я давно хотел спросить тебя кое о чем, Доминик, – осторожно начал он. – Если твой дядя такой славный малый и у него такие связи, то почему, черт возьми, он не использует их, чтобы облегчить жизнь своему племяннику?

– А! Ты об этом. Я по наивности совершил ошибку, и дядя Энрико подумал, что мне нужно преподать урок.

– И что это была за ошибка?

– Одна из последних украденных мной машин принадлежала ему.

– Тогда тебе повезло, что ты все еще жив.

– Именно так он мне и сказал.

Зак засмеялся, но смех получился сдвинутым.

– Он приедет на свадьбу Джини. Честное слово, мне жаль упускать такую возможность помириться с ним. – Меняя тему, Доминик сказал: – Тебе, кстати, крупно повезло со стрижкой.

Хорошо, что Хэдли нравится, когда все узнают, кто сидит за решеткой его машины. Если бы тебя обкорнали, как всех остальных, ты бы выглядел подозрительно. А так...

Зак и Сандини вздрогнули, когда в душевую зашел еще один заключенный из тех, кто был на хорошем счету у властей, и ткнул пальцем в дверь.

– Пошевеливайся, Сандини, – бросил он. – И ты тоже, Бенедикт. Инспектор требует, чтобы ему подали машину через пять минут.

Глава 15

– Доброе утро, Бенедикт, – сказал Хэдли, когда Зак постучал в дверь дома инспектора, располагавшегося сразу за воротами тюрьмы. – Вид у тебя все такой же угрюмый и неприветливый. Перед тем как мы отправимся в путь, выгулай Гитлера. – Хэдли протянул Заку поводок, пристегнутый к ошейнику огромного добермана.

– Я вам, черт возьми, не слуга, – огрызнулся Зак.

И тотчас на гладкой физиономии Хэдли расплылась ленивая довольная улыбка.

– Тебе надоело наслаждаться моей благосклонностью и своей, пусть относительной, свободой? Не терпится посидеть в комнате для конференций, Бенедикт?

Мысленно выругав себя за то, что сорвался как раз тогда, когда умение держать себя в руках решало все и на карту поставлено нечто большее, чем жизнь, Зак, пожав плечами, взял поводок и сказал:

– Нет, сэр.

Хэдли ростом не вышел, зато самомнения у него было хоть отбавляй. За его подчеркнуто вежливыми и изысканными манерами скрывались садистские наклонности, о которых было известно всем, кроме, естественно, управляющих делами исправительных учреждений. Так называемая комната для конференций представляла собой звуконепроницаемую камеру, смежную с кабинетом Хэдли. Туда приводили тех, кто на свою беду чем-то досадил инспектору-садисту. Узники, имевшие несчастье вызвать неудовольствие начальника, покидали ее в нетранспортабельном состоянии и попадали либо в карцер, либо в лазарет, либо в морг. Хэдли нравилось унижать тех, кто от него зависел. Нравилось смотреть, как заключенные пресмыкаются перед ним и униженно вымаливают поблажки. Фактически Зак стал расконвоированным не столько благодаря безупречному поведению, сколько благодаря неукротимому тщеславию своего начальника. Этот мелочный деспот получал ни с чем не сравнимое удовольствие от того, что роль его шофера и посыльного выполнял именно Зак Бенедикт – бывшая звезда Голливуда и всеобщий любимчик. Как ни парадоксально, но именно тщеславие Хэдли сыграло роковую роль в тщательно спланированном побеге Зака.

Зак дошел до угла дома, когда Хэдли крикнул ему вслед:

– Не забудь убрать за Гитлером!

Зак вернулся, достал из чулана совок и поднял голову. Серое свинцовое небо обещало обильный снегопад.

Глава 16

Усевшись на заднее сиденье, Уэйн Хэдли сунул в портфель листы с подготовленной речью, ослабил галстук и, вытянув ноги, удовлетворенно вздохнул, взглянув на двух расконвоированных на переднем сиденье. Сандини был просто мелким мошенником, тощим носатым задохликом, и в расконвоированные попал лишь потому, что кто-то из его родственников-итальяшек имел связи наверху. Сандини, мелкая сошка, заурядный автомобильный вор, не представлял для Хэдли никакого интереса, но Бенедикт – совсем другое дело. Бенедикт в прежней жизни был кинозвездой, секс-символом, богачом, владевшим личными самолетами и лимузинами. Он был величиной мирового масштаба, а теперь служил ему, Хэдли, и был у него на посылках. Все-таки есть в мире справедливость. И что еще важнее, хотя этого Бенедикта и нелегко понять, вывести из себя, временами Хэдли удавалось куснуть его и заставить корчиться от обиды и тоски. Вряд ли тому было приятно, когда Хэдли заставлял его смотреть по видео последние фильмы или церемонию вручения «Оскара». Хотя с этим толстокожим гордецом нельзя было быть ни в чем уверенным. Хэдли не мог точно сказать, удавалось ли ему задеть Бенедикта за живое или нет. Но он не отчаивался и продолжал искать подходящую тему. А что, если попробовать секс?

Когда Зак остановился у светофора неподалеку от места назначения, Хэдли заметил с любезно-вопросительной интонацией:

– Готов поспорить, что женщины сами прыгали к тебе в постель, когда ты был богат и знаменит, не правда ли, Бенедикт? Ты когда-нибудь думаешь о женщинах, о том, какие они – как они пахнут, какой вкус у их губ? Хотя, наверное, тебе не так уж сильно нравился секс. Если бы ты был хорош в постели, та красивая блондинистая сучка, на которой ты женился, не запала бы на того парня, Остина, верно?

Глядя в зеркало заднего вида, Хэдли с удовлетворением отметил, что Бенедикт стиснул зубы, и мысленно поздравил себя с удачным выбором темы.

– Если тебя выпустят условно-досрочно, что, впрочем, маловероятно, поскольку лично я тебе рекомендаций давать не стану, тебе придется довольствоваться жалкими потаскушками. Все женщины шлюхи, но даже у шлюх есть свои принципы, и им не нравится спать с бывшими заключенными. Ты знал об этом? – Как бы ни стремился Хэдли сохранять учтивые манеры при общении с человеческими отбросами, которых призван был охранять, ему порой было трудно сохранять хорошую мину при плохой игре. – Отвечай на мои вопросы, ты, сукин сын, или весь следующий месяц проведешь в одиночке! – Осознав, что утратил над собой контроль, Хэдли почти любезно добавил: – Готов поспорить, что в старые добрые времена у тебя был шофер, а теперь ты у меня служишь шофером. У судьбы свои причуды, но ей не откажешь в справедливости и чувстве юмора. – Впереди показалось знакомое здание из стекла и бетона, и Хэдли выпрямился на сиденье и поправил галстук. – Ты когда-нибудь задавался вопросом о том, что случилось со всеми твоими деньгами? Я хочу сказать, все, что осталось после выплаты гонораров твоим адвокатам?

Бенедикт резко нажал на тормоз, и автомобиль остановился у входа в здание. Тихо выругавшись, Хэдли поднял с пола упавшие документы и стал ждать, пока Бенедикт выйдет из машины и откроет ему дверь. Но ждал он напрасно – строптивый шофер продолжал оставаться на своем месте, и Хэдли прорвало:

– Наглый сукин сын! Не знаю, что нашло на тебя сегодня, но когда вернемся, я с тобой разберусь – мало не покажется. А теперь вылезай из машины и открой для меня дверь!

Зак вышел, не обращая внимания на леденящий ветер, что грозил сорвать с него тонкую хлопчатобумажную куртку. Похоже, снежной бури не миновать. Еще пять минут, и он пустится

в бега. С шутовским поклоном Зак распахнул заднюю дверь машины и, сделав широкий взмах рукой, поинтересовался:

– Вы сами выйдете или мне вас вынести?

– На этот раз ты слишком далеко зашел, – предупредил его Хэдли, выйдя из машины. – Надо будет преподать тебе пару уроков, когда мы вернемся. – Справившись с обуявшей его яростью, Хэдли перевел взгляд на Сандини. Тот уставился в пространство ничего не выражающим взглядом, притворяясь слепоглухонемым. – У тебя есть список поручений, Сандини. Как только исполнишь их все, возвращайся на место. – А ты, – приказал он Заку, – пойди в магазин напротив и купи мне хорошего сыра и фруктов. Жди меня в машине. Я вернусь через полтора часа. И чтобы к моему возвращению салон был согрет и двигатель заведен!

Не дожидаясь ответа, Хэдли направился ко входу. Двое осужденных смотрели ему в спину, дожидаясь, когда он войдет в здание.

– Вот прыщ, – еле слышно сказал Сандини и повернулся к Заку. – Ну ладно. Удачи. – Он посмотрел на темные тяжелые тучи. – Похоже, снежной бури не миновать.

Зак обошелся без дежурных фраз о погоде.

– Ты знаешь, что должен делать. Не импровизируй и, ради Бога, не меняй показаний. Если ты все сделаешь в точности так, как я тебе велел, ты будешь выглядеть героем, а не соучастником.

Что-то в ленивой усмешке Сандини и в том, как он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, не на шутку встревожило Зака. Четко и внятно он повторил то, о чем до сих пор они могли переговариваться только шепотом.

– Доминик, не отступай от нашего плана. Оставь список поручений, который дал тебе Хэдли, на полу в машине. Около часа ты будешь делать покупки, потом скажешь продавщице в магазине, что забыл список в машине и не знаешь, все ли купил. Скажи ей, что должен сходить за списком, и возвращайся сюда. Машина будет заперта. – Зак взял список Сандини и бросил на пол под пассажирское сиденье, затем запер машину и закрыл дверцу. Со спокойной уверенностью, которой на самом деле не чувствовал, он взял Сандини под руку и решительно повел его к дороге.

На перекрестке для пешеходов загорелся красный свет. По дороге с грохотом проехал тяжелый эвакуатор. Загорелся зеленый, и Зак с Домиником неторопливо перешли дорогу – двое мужчин, обычные жители Техаса, на досуге обсуждающие экономическое положение страны или недавний футбольный матч. Если бы не белые хлопчатобумажные брюки и черные трафаретные буквы на спинах, которые сообщали всем, что перед ними расконвоированные заключенные местной тюрьмы...

Зак продолжил вполголоса инструктировать Сандини:

– Когда ты подойдешь к машине и обнаружишь, что дверь заперта, перейди улицу, зайди в магазин, оглядись с минуту, затем спроси у продавцов, не видели ли они кого-нибудь похожего на меня. Когда тебе скажут, что не видели, отправляйся в аптеку и в книжный магазин с теми же вопросами. Когда и там тебе скажут, что никого похожего не видели, заходи в здание, в которое вошел Хэдли, заглядывай в каждую дверь и спрашивай, где проходит совещание тюремных инспекторов. Говори всем, что должен сообщить начальству о возможном побеге. Продавцы всех тех магазинов, где ты успел побывать, подтвердят твои показания, и поскольку ты намерен известить надзирателя о том, что я отсутствовал на месте за тридцать минут до того, как он должен был выйти и сам обнаружить пропажу, он будет убежден в твоей полной невинности. Возможно, он даже выпустит тебя пораньше, и ты успеешь на свадьбу Джини.

Сандини усмехнулся и ограничился тем, что поднял вверх большой палец. Рукопожатие могло бы выглядеть подозрительно.

– За меня не переживай. Иди, тебе пора.

Зак кивнул, повернулся, чтобы уйти, затем оглянулся.

– Сандини... – сказал он без улыбки.

– Что, Зак?

– Я буду скучать по тебе.

– Да, я знаю.

– Передай маме от меня привет. Скажи сестрам, что они всегда будут моими любимыми, – добавил Зак и быстро пошел прочь.

Продуктовый магазин находился на углу, и в него вели две двери – вход в магазин был как раз напротив входа в то здание, где находился Хэдли, а другая дверь выходила в переулок. Приказав себе ни на шаг не отступать от плана, Зак вошел в магазин через главный вход и, на случай если Хэдли наблюдает за ним из здания, что он иногда делал, задержался в тамбуре и медленно досчитал до тридцати...

Через пять минут он был уже в нескольких кварталах от этого места и направлялся к первой ключевой точке своего побега – мужскому туалету на заправочной станции на Корт-стрит. Сердце его бешено колотилось от волнения и страха. Он перешел улицу на красный свет и, проскользнув между такси и тяжелым тягачом, притормозившим перед правым поворотом, увидел то, что искал: неприметный черный автомобиль с кузовом «купе», припаркованный в нескольких метрах отсюда, с номерным знаком штата Иллинойс. Машина была все еще на месте, хотя он должен был сесть в нее двое суток назад.

Зак шел, опустив голову и сунув руки в карманы. Постепенно он замедлил шаг до обычного. Когда он проходил мимо красного «корвета», стоявшего у заправочного насоса, снег уже валил вовсю. Зак, не останавливаясь, проследовал в мужской туалет, расположенный слева от входа, и прошел к нужной кабинке. Схватившись за дверную ручку, он попытался ее повернуть, но дверь оказалась заперта! Подавив желание с силой рвануть дверь, он яростно задержал ручку. Из туалетной комнаты раздался возмущенный мужской голос:

– Ты что, паршивец, минуту не можешь потерпеть?

Обладатель сердитого голоса появился лишь через несколько минут. Рывком распахнув дверь, он огляделся по сторонам и направился к красному «корвету». Выждав минуту, Зак покинул свое убежище за контейнером для мусора и зашел в кабинку, тщательно заперев за собой дверь. Все его внимание было приковано к переполненному мусорному ящику в туалете. Если за последние дни здесь делали уборку, то его побег окажется под угрозой.

Схватив ящик, Зак перевернул его. На пол посыпались обрывки бумажных полотенец, пустые банки из-под пива, а за ними нескончаемый поток всякой дряни. И наконец, на самом дне, Зак нашел то, что искал – два нейлоновых вещевых мешка. В мешке оказались пара джинсов его размера, неприметный черный свитер, обычная джинсовая куртка, ботинки его размера и пара солнцезащитных очков. Во втором мешке была карта штата Колорадо с вычерченным красным фломастером маршрутом следования и напечатанные на машинке указания, как проехать к конечному пункту назначения: уединенному дому в горах Колорадо, два плотных коричневых конверта и еще пистолет сорок пятого калибра, финский нож и ключи от черного автомобиля, припаркованного напротив заправки. Финский нож оказался для Зака сюрпризом. Очевидно, Сандини не мог представить, что хорошо одетый беглый преступник может без него обойтись.

Мысленно отсчитывая драгоценные секунды, Зак снял с себя тюремную одежду, надел джинсы и свитер, запихнул тюремную робу в один из мешков и, собрав с пола мусор, сложил его обратно в корзину. Успех операции в том числе зависел от того, удастся ли ему уйти, не оставив следов своего пребывания в этом помещении. Зак открыл один из толстых конвертов и проверил содержимое. В первом оказались деньги, двадцать пять тысяч долларов двадцатидолларовыми купюрами и паспорт на имя Алана Олдрича, во втором – несколько билетов на самолет в различные города, некоторые на имя Алана Олдрича, остальные – на другие имена. Сделано это было для подстраховки, на случай если властям станет известно, скажем, о том,

что Зак Бенедикт скрывается под именем Алана Олдрича. Впрочем, с отъездом из страны Зак не торопился. Показываться в аэропорту до тех пор, пока шумиха вокруг побега не утихнет, было бы слишком большим риском. А пока самые большие надежды Зак возлагал на тот план, что родился у него в тюрьме и подготовкой которого он руководил, насколько это было в его силах, из тюремной камеры, используя дорогостоящие услуги специалистов из числа знакомых Сандини. Именно эти знакомые должны были нанять человека, похожего на Зака, – его двойника, который в настоящий момент в отеле Детройта ждал от него звонка. Как только он сделает звонок, этот человек возьмет напрокат машину на имя Бенедикта Джонса и сегодня ближе к ночи пересечет канадскую границу в районе Винсдора.

Если полиция заглотит «утку», то массированная охота, которой в любом случае не миновать, сосредоточится на границе с Канадой, а Зак тем временем переправится в Мексику, а оттуда в Южную Америку, где, как он надеялся, искать его будут уже не так активно.

На самом деле у Зака имелись серьезные сомнения в успехе всей операции. Он не был уверен в том, что ему удастся добраться живым даже до первого пункта по маршруту. Но сейчас все это не имело значения. В данный момент имело значение лишь то, что он был свободен, пусть даже свободе его не суждено продлиться долго, и что он уже сделал первый шаг на пути к первой точке маршрута – к границе между штатами Техас и Оклахома, расположенной в девяноста милях к северу от Амарилло. Если ему удастся благополучно добраться до Оклахомы, то преодолеть узкую полоску шириной в тридцать пять миль, «ручку от кастрюли», до границы с Колорадо у него, возможно, тоже получится. В Колорадо, где-то высоко в горах, находился первый пункт его следования – уединенный дом посреди леса, который, как его заверили когда-то очень давно, он может использовать как тайное убежище в любое время, когда пожелает.

А до той поры приходилось думать о том, как незамеченным пересечь границы двух штатов и, достигнув безопасного убежища, терпеливо дожидаться, пока шум и суeta, вызванные его побегом, улягутся настолько, чтобы можно было приступить ко второй стадии выполнения плана.

Зак взял пистолет, зарядил его целой обоймой, поставил на предохранитель и сунул в карман куртки заодно с пачкой двадцатидолларовых банкнот. Затем он взял нейлоновые сумки и ключи от машины и открыл дверь. Он видел цель и шел к ней.

Обогнув здание, Зак вышел на проезжую часть и направился к машине. Но тут остановился как вкопанный. Он не верил своим глазам. Тот самый тягач, мимо которого он прошел прежде, несколько минут назад переходя дорогу, снова был здесь. Но теперь он ехал в обратном направлении, увозя с собой неприметную черную двухместную машину с иллинойскими номерами.

Зак простоял неподвижно несколько секунд, глядя, словно завороченный, на уезжающий эвакуатор. У себя за спиной он услышал, как один заправщик крикнул другому:

– Я же тебе говорил, что машину бросили! Она уже три дня здесь торчит!

Голоса вывели Зака из состояния временного ступора. Теперь он оказался перед выбором: он мог вернуться в уборную, переодеться в тюремную одежду и, оставив вещи в корзине для мусора, попытаться перенести побег на другое время. Или он мог пойти ва-банк и действовать по наитию, полагаясь лишь на интуицию и везение. По правде говоря, Зак не видел для себя альтернативы. Назад в тюрьму дороги нет, уж лучше умереть сразу. Напомнив себе об этом, он быстро зашагал к перекрестку – к остановке общественного транспорта, раз иного способа выбраться из города для него теперь не существовало. По улице проехал автобус. Выхватив из мусорного бака газету, Зак замахал ею, давая знак водителю остановиться. Держа газету перед лицом, словно он никак не мог оторваться от чтения, Зак прошел по проходу мимо небольшой группы учащихся старших классов, обсуждавших недавний футбольный матч, к заднему ряду. В течение мучительно долгих двадцати минут автобус тащился по запруженной транспортом улице, останавливаясь едва ли не на каждом углу, высаживая и подбирая пасса-

жиров, затем свернул вправо на шоссе, ведущее к федеральной автостраде, соединяющей два штата. К тому времени, как впереди показалась автострада, в автобусе не осталось никого, кроме полудюжины шумных студентов, и те все разом вышли возле пивнушки, которая, по всей видимости, была у них чем-то вроде клуба.

Ему ничего не оставалось, кроме как сойти вместе со студентами. Он вышел через задние двери и направился к транспортной развязке примерно в миле от остановки. Там, как ему было известно, находился въезд на федеральную трассу. Уехать отсюда он мог лишь на попутной машине, но за тридцать минут максимум, что у него оставались в запасе, далеко ему все равно не убежать. Как только Хэдли узнает, что он скрылся, все копы в радиусе пятидесяти миль поднимутся по тревоге. Можно не сомневаться, что любителям путешествовать автостопом будет уделяться особое внимание.

У ног змеилась поземка. Снег запорошил волосы. Наклонив голову, Зак шел навстречу ветру. Мимо него с ревом пронеслось несколько грузовиков. Водители делали вид, что не замечают его поднятого большого пальца. Зак боролся с паническим ощущением надвигающейся катастрофы. Шоссе было запружено машинами, но, очевидно, все спешили доехать до места назначения до того, как начнется буря, и останавливаться, чтобы подобрать пассажира, никто не хотел. Впереди, возле транспортной развязки, находились заправка и кафе. На просторной стоянке было два автомобиля: синий «блейзер» и коричневый фургон. С нейлоновыми сумками в руках Зак подошел ближе. Проходя мимо кафе, он заглянул внутрь, окинув внимательным взглядом находившихся там людей. За одним столиком сидела одинокая девушка, за другим – мать с двумя малолетними детьми. Зак выругался сквозь зубы: обе машины принадлежали женщинам, и шансов на то, что одна из них согласится его подвезти, было мало. Не замедляя шага, Зак дошел до угла здания к стоянке с автомобилями. Может, одна из них оставила ключи в замке зажигания? Но даже если ему повезет и он угонит машину, далеко ему все равно не уехать, потому что, чтобы выехать со стоянки на угнанном автомобиле, придется проехать мимо застекленной витрины кафе. Владелица машины непременно увидит его и тут же вызовет по телефону копов, и к тому же даст им описание и угонщика, и машины. И тогда его задержат раньше, чем он успеет уехать с этой чертовой стоянки. А если он и уедет благополучно со стоянки, то его задержат чуть дальше на трассе, потому что из кафе можно увидеть, в какую сторону он свернет с развязки. Но может, стоит попытаться уговорить одну из женщин подвезти его, когда она выйдет из кафе?

Если деньги ее не соблазнят, можно использовать пистолет в качестве средства убеждения. Господи! Неужели нельзя найти иной способ уехать отсюда?

Мимо него по дороге, ведущей к транспортной развязке, с ревом проносились грузовики, поднимая колесами снежные вихри. Зак посмотрел на часы. С тех пор как Хэдли ушел на совещание, прошел почти час. Теперь ловить попутку на развилке уже не имело смысла. Если Сандини сделал все так, как он ему велел, то уже через пять минут местные копы начнут его ловить. Не успел Зак об этом подумать, как на эстакаде появилась машина местного шерифа. Притормозив, она повернула в сторону стоянки возле кафе. Съезд находился в пятидесяти ярдах от того места, где прятался Зак. Автомобиль ехал в его сторону.

Не раздумывая, Зак присел на корточки, делая вид, что осматривает шину на синем «блейзере», и тогда на него снизошло озарение. Возможно, это случилось слишком поздно, а может, и нет. Выхватив нож из сумки, Зак воткнул его в покрышку. Из шины со свистом вышел воздух. Боковым зрением он увидел, как патрульная машина остановилась у него за спиной. Вместо того чтобы поинтересоваться, какого черта он ошивается возле кафе с багажными сумками, местный шериф, опустив оконное стекло на машине, высунулся и спросил:

– Что, колесо спустило?..

– Да, черт возьми, – кивнул Зак, хлопнув по крышке и тщательно следя за тем, чтобы не поворачиваться к шерифу лицом. – Жена же предупреждала, что в крышке дырка, но...

Слова Зака заглушил внезапный визг полицейского радио, и, не сказав ни слова, шериф резко развернул машину и укатил на бешеной скорости под рев включенной сирены. Еще мгновение, и рев полицейских сирен уже доносился со всех сторон, а затем он увидел сразу несколько полицейских машин, несущихся по эстакаде с крутящимися включенными мигалками.

Похоже, охота началась, подумал Зак.

* * *

Джулия допила кофе и полезла в кошелек за деньгами, чтобы расплатиться. Визит к мистеру Вернону оказался даже удачнее, чем она рассчитывала. Выписав чек на весьма солидную сумму, он попросил ее погостить у них с женой еще денек, и она не смогла ему отказать. И теперь ей пришлось возвращаться на день позже, а в пятницу движение на дорогах всегда затруднено. За рулем придется провести еще пять часов, возможно, и дольше, с учетом снегопада. Джулия тут же мысленно одернула себя. Грех жаловаться – в кошельке у нее был чек на крупную сумму, успех миссии будет ее вдохновлять и поднимать настроение, так что время пролетит незаметно. Джулия взглянула на часы, взяла термос, который захватила с собой из машины, чтобы наполнить кофе, улыбнулась ребятишкам, перекусывающим вместе со своей мамой за соседним столиком, и подошла к кассе оплатить счет.

Выйдя из кафе, она остановилась в удивлении, когда полицейская машина, стремительно развернувшись перед самым ее носом, включив сирены, вылетела на шоссе и, виляя задом, помчалась по припорошенной снегом обледенелой трассе. Заглядевшись вслед полицейской машине, Джулия не сразу заметила темноволосого мужчину, сидящего на корточках возле левого заднего колеса ее машины, и едва об него не споткнулась. Мужчина резко выпрямился. Он оказался очень высоким. На ум Джулии отчего-то пришло сравнение с грозно нависающей над ней башней, и она боязливо отступила на шаг. Голос ее дрожал от тревоги и недоверия, когда она спросила его, что он тут делает, и она нахмурилась, увидев собственное отражение в серебристых линзах темных очков.

– Что вы здесь делаете? – спросила она сердито.

Зак изобразил нечто вроде улыбки, потому что голова его наконец заработала, и сейчас он знал, как именно заставит владелицу машины оказать ему услугу. Импровизация всегда была его сильной стороной как режиссера. Кивком указав на спущенное заднее колесо «блейзера», он сказал:

– Я могу поменять вам колесо. У вас есть домкрат?

Джулия вздохнула, досадуя на себя за предвзятость.

– Извините, что говорила с вами грубо. Но вы меня напугали. Я смотрела на патрульную машину, которая умчалась отсюда на всех парах, и заметила вас слишком поздно. Сказался эффект неожиданности.

– Это был Джо Лумис, местный констебль, – талантливо симпровизировал Зак. Он говорил таким тоном, словно коп был его приятелем. – Джо принял очередной вызов, и ему пришлось уехать, иначе помог бы мне с вашим колесом.

Окончательно успокоившись, Джулия улыбнулась своему добровольному помощнику.

– Вы так любезны, – сказала она и открыла багажник. – Это машина моего брата. Домкрат должен быть где-то здесь, но я точно не знаю где.

– Да вот же он! – сказал Зак, быстро обнаружив домкрат.

Он торопился, но больше не паниковал. Девушка уже знала, что он на дружеской ноге с местным шерифом, и потому доверяла ему. А после того как он сменит ей колесо, она просто сочтет себя обязанной оказать ему встречную услугу. И вот тогда уместно попросить ее немного его подвезти. Когда они окажутся на дороге, полиция даже не взглянет в их сторону,

потому что искать они будут мужчину, путешествующего в одиночку. А сейчас, даже если его кто-то заметит, их примут за мужа с женой. Муж меняет колесо машины, жена – что вполне естественно – стоит рядом и ждет, пока он закончит.

– Куда вы направляетесь? – спросил он, работая домкратом.

– На восток, к Далласу, а потом на юг, – сказала Джулия, восхищаясь тем, с какой легкостью и мастерством незнакомец управляет с тяжелым автомобилем. У него был необыкновенно приятный голос, низкий и бархатный, и тяжелый упрямый подбородок. Волосы у него были темно-каштановые и очень густые, но стрижка никуда не годилась, между прочим отметила она про себя. Интересно, как он выглядит без этих закрывающих пол-лица зеркальных очков? Скорее всего он очень хорош собой, решила Джулия. Но не его мужская привлекательность так притягивала ее взгляд, дело было в чем-то ином, в чем-то неуловимом. Стоя над ним с термосом под мышкой, Джулия, чтобы поддержать разговор, вежливо спросила:

– Вы работаете где-то неподалеку?

– Сейчас нет. Пару месяцев назад я потерял работу, но, кажется, мне повезло. Завтра я должен буду приступить к новой работе, но на месте надо быть к семи утра, иначе мою работу отдадут кому-нибудь другому. – Он закончил поднимать машину и принялся отворачивать ребристые болты на крышке. Затем, кивнув в сторону багажных нейлоновых сумок, которые Джулия до этого не заметила, он сказал: – Мой приятель должен был забрать меня отсюда два часа назад и подвезти на своей машине, но, похоже, он уже не приедет.

– Вы прождали его два часа?! – воскликнула Джулия. – Должно быть, вы ужасно замерзли.

Он так и не повернулся к ней лицом, продолжая заниматься своим делом, и Джулия поймала себя на том, что ей хочется наклониться и хорошенько рассмотреть его.

– Может, хотите кофе?

– С удовольствием.

Вместо того чтобы налить кофе из термоса, Джулия направилась к двери в кафе.

– Я принесу вам. Вы какой любите: черный или со сливками?

– Черный, – сказал Зак, стараясь не показывать своего раздражения.

Она ехала на юго-восток от Амарилло, тогда как его пункт назначения находился в четырехстах милях на северо-запад. Он украдкой взглянул на часы и ускорил темп. С тех пор как он привез своего тюремщика на совещание, прошло больше полутора часов, и с каждой минутой риск, что его поймают, увеличивался. Куда бы ни ехала эта девушка, он должен ехать с ней. Сейчас самым важным было убраться отсюда подальше. Он мог бы около часу проехать с ней, а затем вернуться кружным путем.

Официантке пришлось заваривать новый кофейник, и к тому времени, как Джулия вышла из кафе с бумажным стаканчиком с дымящимся в нем кофе, Зак почти закончил менять колесо. Снег уже покрывал землю слоем толщиной в два дюйма, и ледяной ветер набирал силу. Полы ее пальто развевались на ветру, и глаза у нее слезились. Она видела, как он зябко потер руки без перчаток, и подумала о новой работе, которая ждет его завтра, если, конечно, он сможет доехать до места. Она знала, что в Техасе непросто найти работу механика или мастера, и, судя по отсутствию машины, с деньгами у него туго. Джинсы у него были новые – сейчас, когда он выпрямился, Джулия заметила вертикальные складки на брючинах, и, наверное, подумала она, он купил их, чтобы произвести хорошее впечатление на будущего работодателя. Эта деталь показалась ей настолько трогательной, что ее симпатия к этому человеку многократно возросла.

Джулия никогда прежде не брала попутчиков, поскольку отдавала себе отчет в том, насколько это рискованно, но на этот раз она решила изменить своим принципам не только потому, что он поменял ей колесо и производил впечатление вполне приличного человека, но главным образом из-за этой пары джинсов – новой пары. Новые джинсы, жесткие и без еди-

ного пятнышка, очевидно, приобретенные безработным, который делал на них главную ставку в надежде на светлое будущее. И этой надежде суждено сбыться лишь в том случае, если кто-то подбросит его до места будущей работы. Если не до самого места назначения, то хотя бы до середины пути. Так, чтобы он мог утром выйти на работу.

– Похоже, вы закончили, – сказала Джулия, подойдя к нему. Она протянула ему бумажный стаканчик, и он взял его обеими покрасневшими от холода руками. Что-то в его манере держаться мешало Джулии предложить ему деньги, но, поколебавшись, она все же сказала: – Я бы хотела заплатить вам за то, что вы поменяли мне колесо. – Он решительно мотнул головой, и тогда она добавила: – В таком случае, я могла бы вас подвезти. Я еду на восток с эстакады.

– Буду вам признателен, если вы меня подбросите, – с вежливой улыбкой сказал он и наклонился, чтобы вытащить сумки из-под машины. – Мне тоже надо на восток.

Когда они сели в машину, он сказал ей, что его зовут Алан Олдрич. Она представилась как Джулия Мэтисон, но чтобы ясно дать ему понять, что она готова его подвезти и ни на что большее не подписывалась, обращаясь к нему в первый раз после взаимного представления, она назвала его «мистер Олдрич». Он понял ее намек и тоже стал обращаться к ней «мисс Мэтисон».

И тогда опасения Джулии развеялись окончательно. Алан сразу принял установленные ею правила, признал границы дозволенного и, судя по всему, не намеревался их переступить. Но вскоре Джулия уже пожалела о том, что установила такие жесткие границы и задала столь формальный тон их общению. Воцарилось неловкое молчание, и в машине словно повеяло холодом. Джулия подумала, что он, вероятно, понял ее в том смысле, что она указала ему на его место. Она решила, что нанесла ему обиду. Нужды в том никакой не было, он не сделал ей ничего плохого, наоборот, он оказал ей любезность тем, что поменял колесо.

Глава 17

Они ехали уже минут десять, когда Зак почувствовал, что внутри его словно отпустило сжатую пружину, и впервые за несколько часов он смог вздохнуть с облегчением. Нет, пожалуй, так легко ему не дышалось уже много месяцев, даже лет. Гнев и ярость от ощущения полной беспомощности так давно жили в нем, что сейчас, избавившись от того, что годами угнетало его, Зак испытывал странную головокружительную легкость. Мимо них с ревом пронесся красный автомобиль и подрезал их на перекрестке. На скользкой дороге машину занесло, развернуло, казалось, столкновения не избежать, но девушка за рулем синего «блейзера» смогла увернуться от столкновения. Она удивительно хорошо водила машину, но, к несчастью, ехала чертовски быстро. Манера вождения у нее была не по-женски агрессивной. Впрочем, насколько помнилось Заку, все тexasцы отличались любовью к быстрой езде.

Если бы только он мог каким-то образом уговорить ее дать ему вести машину... Не успел Зак об этом подумать, как она сказала чуть насмешливо:

– Вы можете расслабиться. Я сбавлю скорость. Извините, я не хотела вас напугать.

– Вы меня не напугали, – ответил Зак несколько резче, чем ему хотелось.

Она искоса взглянула на него и многозначительно улыбнулась:

– Вы обеими руками вцепились в приборную доску и тем себя выдали.

Зак усмехнулся и подумал о том, что годы тюрьмы не прошли бесследно и он практически разучился разговаривать с людьми по-человечески. И о том, что у Джулии Мэтисон потрясающая улыбка. Эта улыбка зажигала ее глаза и превращала ее лицо, которое без улыбки было просто хорошеньким, в лицо красавицы. Поскольку мысли о Джулии были однозначно приятнее тревожных и навязчивых мыслей о том, что изменить не в его силах, Зак стал думать о Джулии. На лице ее не было косметики, если не считать почти прозрачной помады на губах, густые темные волосы были убраны в незатейливый хвост. Это и непередаваемое обаяние юности заставляли его думать, что ей лет девятнадцать-двадцать, не больше. С другой стороны, в ней чувствовалась спокойная уверенность в себе, которой не могло быть у двадцатилетней девушки.

– Сколько вам лет? – не подумав, спросил он и поморщился, осознав бестактность своего вопроса. Если, конечно, его не поймают и не посадят в тюрьму вновь, ему нужно будет заново учиться многим вещам. Таким, например, как элементарная вежливость и умение соблюдать определенные правила этикета в беседах с женщинами.

Но, похоже, его вопрос не вызвал у нее раздражения. Она ослепила его еще одной обезоруживающей улыбкой и ответила совершенно нормальным тоном:

– Двадцать шесть.

– Вот это да! – словно со стороны услышал собственное восклицание Зак и закрыл глаза, испытывая жгучий стыд за свою неуклюжесть. – Я хочу сказать, – пояснил он, – что вы на двадцать шесть не выглядите.

Кажется, она почувствовала его дискомфорт, потому что тихо рассмеялась и сказала:

– Возможно, потому, что мне исполнилось двадцать шесть всего несколько недель назад.

Зак больше себе не доверял и, боясь ляпнуть что-то не впопад, стал молча смотреть в ветровое стекло, на котором «дворники» описывали полумесяцы. Теперь, прежде чем задать очередной вопрос, нужно вначале произнести его про себя, а то вдруг снова ляпнет какую-нибудь бестактность?

– А кем вы работаете? – спросил Зак, не найдя в этом вопросе ничего предосудительного.

– Учительницей в школе.

– Вы совершенно не похожи на учительницу.

Неожиданно в ее глазах заплескали искорки смеха. Он видел, что она прикусила губу, чтобы не расплыться в улыбке. Окончательно растерявшись, сбитый с толку ее непредсказуемыми реакциями, Зак с резкостью, которая была явно излишней, спросил:

– Я сказал что-то смешное?

Джулия покачала головой и ответила:

– Так говорят почти все те, кто старше меня.

Зак не знал, причислила ли она его к старшему поколению потому, что он действительно выглядел как мастодонт, или она так тонко подшутила над его неуместными замечаниями по поводу ее возраста и внешности. Зак продолжал думать над разгадкой этой дилеммы, и когда она спросила его, чем он зарабатывает на жизнь, он ответил первое, что пришло ему в голову и вполне соотносилось с тем, что он уже успел ей о себе рассказать.

– Я строитель.

– Неужели? У меня брат строитель, он – главный подрядчик. И какую именно работу вы выполняете?

Зак не знал и того, какой стороной молотка следует гвозди забивать, и теперь он горько сожалел о том, что не ответил более уклончиво или, что было бы еще лучше, не оставил ее вопрос без ответа.

– Делаю стены, – туманно сказал он.

Джулия повернулась к нему, перестав смотреть на дорогу, и это не на шутку встревожило Зака.

– Стены? – озадаченно повторила она. – Нет, – пояснила она, решив, что он ее не так понял, – я хотела спросить, какая у вас специальность?

– Я же вам ответил. Стены! – отрезал Зак, начиная злиться на себя за то, что завел этот дурацкий разговор. – Я делаю стены.

Джулия решила, что, должно быть, неправильно поняла его в первый раз.

– Вы каменщик! Вы делаете кладку?

– Ну да.

– В таком случае я удивлена, что у вас проблема с поиском работы. Хорошие каменщики обычно весьма востребованы.

– Я плохой каменщик, – без обиняков заявил Зак, давая понять, что не хочет продолжать этот разговор.

Джулия подавила смешок, глядя прямо перед собой на дорогу. Ее пассажир был весьма необычным человеком. Она не могла решить, нравится он ей или нет. Она не могла избавиться от навязчивого ощущения, что он ей кого-то напоминает. Если бы только он снял свои очки. В зеркале заднего вида пропала панорама города, и небо над трассой грозно насунилось, сделавшись серым. Надвигались сумерки. В салоне автомобиля повисло молчание, снег крупными хлопьями прилипал к ветровому стеклу, «дворники» едва справлялись. По краям, за полумесяцами выметенного «дворниками» пространства стекло было все в налипшем снегу. Они успели проехать около получаса, когда Зак посмотрел в зеркало заднего вида со своей стороны, и у него в жилах застыла кровь. Примерно в полумиле от них он увидел патрульную машину с красно-синей мигалкой, которая приближалась к ним на большой скорости.

Еще секунда, и он услышал вой полицейской сирены.

Девушка тоже услышала этот вой и убрала ногу с педали газа. «Блейзер» притормозил и съехал на обочину. Зак сунул руку в карман куртки, инстинктивно сжав рукоять пистолета, хотя в эту секунду он не представлял, что сделает, если коп остановит машину. Патрульная машина была сейчас так близко, что он успел заметить, что в ней не один коп, а два. Машина обогнула их «блейзер»... и поехала дальше.

– Должно быть, там, впереди, произошла авария, – сказала Джулия, когда им пришлось остановиться из-за многокилометровой пробки. Еще мгновение, и их обогнали две машины «скорой помощи».

Адреналиновая буря улеглась, оставив после себя дрожь и слабость во всем теле. Зак чувствовал себя так, будто исчерпал весь имевшийся у него запас эмоций и больше не способен реагировать ни на какие внешние раздражители. Вероятно, это произошло из-за предельного напряжения двух последних суток и ожидания того момента, когда он сможет наконец приступить к выполнению столь долго вынашиваемого им плана побега. Плана, который, как Зак считал, был обречен на успех в силу хотя бы своей предельной простоты. И все бы прошло гладко, если бы Хэдли не отложил поездку в Амарилло. Все пошло не так именно из-за этой чертовой задержки. Теперь Зак не мог быть уверен даже в том, что похожий на него человек по-прежнему находится в отеле Детройта и ждет звонка от него, чтобы сразу после этого взять напрокат машину и отправиться в Винсдор. А не отъехав на приличное расстояние от Амарилло, Зак не решался воспользоваться телефоном. Более того, хотя Колорадо и находился всего в ста тридцати милях от Амарилло, отделенный от него узкой полоской, принадлежащей Оклахоме, чтобы попасть туда, надо ехать на северо-запад. А он двигался на юго-восток. Подумав, что на карте Колорадо может находиться и небольшой участок штатов Оклахома и Техас, Зак решил продуктивно использовать время в пробке, изучив карту и поискав новый маршрут проезда от Амарилло в Колорадо. Поерзав на сиденье, он сказал:

– Думаю, мне надо заглянуть в карту.

Джулия, естественно, решила, что он хочет сверить маршрут до того города в Техасе, где его ждала работа.

– А куда вы едете? – спросила она.

– В Эллертон, – ответил Зак, улынувшись ей мимоходом, и потянулся через заднее сиденье за своей сумкой на полке над багажником. – Собеседование проходило в Амарилло, и я ни разу не был в том месте, куда я еду, – добавил Зак, чтобы обрубить все возможные вопросы об этом городе.

– Никогда не слышала об Эллертоне. – Несколько минут спустя, когда он аккуратно сложил свою карту с пришпиленным к ней скрепкой листом с печатным тестом, Джулия спросила: – Вы нашли Эллертон?

– Нет, – ответил Зак и, чтобы избавиться от необходимости отвечать на вопросы о расположении несуществующего города, добавил, засовывая карту вместе с листком обратно в мешок, – но я найду его обязательно. У меня есть подробные инструкции. Так что я не заблужусь.

Джулия кивнула, но ее мысли явно были заняты чем-то другим. Она внимательно рассматривала окрестности.

– Думаю, я здесь съеду с трассы и поеду в объезд, чтобы не ждать в пробке.

– Хорошая мысль, – похвалил Зак. Рядом находился съезд на обыкновенную проселочную дорогу, которая вначале шла примерно параллельно шоссе, а потом уходила вправо.

– Возможно, я напрасно это сделала, – сказала Джулия несколько минут спустя, когда узкая асфальтовая полоса начала все круче отходить в сторону от главной трассы.

Зак ответил не сразу. Впереди у развилки имелась бензозаправочная станция, безлюдная, судя по отсутствию машин на стоянке, и рядом – открытая телефонная будка.

– Я бы хотел сделать телефонный звонок, если вы не возражаете против того, чтобы здесь остановиться. Звонок займет не более двух минут.

– Конечно, звоните. – Джулия остановила «блейзер» под фонарем у телефонной будки. Зак вышел из машины в световой круг. Джулия смотрела ему вслед. Сумерки сгустились раньше обычного, и пурга разыгралась не на шутку. Такой вьюги даже здесь, в этом районе Техаса, давно не бывало. Решив сменить громоздкое пальто на легкий, но теплый свитер, в

котором вести машину комфортнее, Джулия включила радио в надежде услышать прогноз погоды, затем вышла из машины, подошла к багажнику и открыла его.

По радио прокручивали рекламный ролик, призывающий покупать машины в агентстве Уилсона «Форд».

– Только у Боба Уилсона машины на любой кошелек, на любой вкус...

Прислушиваясь к истеричным рекламным призывам, чтобы не пропустить прогноз погоды, Джулия сняла пальто, достала коричневый мохеровый свитер из сумки, и тут взгляд ее упал на торчащую из нейлоновой сумки карту. Поскольку карты у нее с собой не было, она не знала наверняка, как будет возвращаться на главную дорогу. Возможно, также, что из-за несовпадения ее маршрута и маршрута ее пассажира ему давно пора ловить другую попутку. Чтобы обрести ясность в этом вопросе, Джулия решила заглянуть в карту попутчика и, взяв ее в руки, повернулась к телефонной будке, чтобы попросить у него разрешения воспользоваться ею. Но Алан говорил по телефону и не видел ее. Решив, что он все равно не стал бы возражать, Джулия развернула карту с распечатанными инструкциями и, разложив ее на багажной полке, стала изучать. Она не сразу поняла, что видит перед собой не карту Техаса, а карту Колорадо, и, озадаченная, пробежала глазами инструкцию, прикрепленную к карте.

«Ровно через 39 километров вы проедете город Стэнтон, – говорилось в инструкции, – и подъедете к развилке без обозначений. После вам нужно найти узкую грунтовую дорогу, которая уходит вправо в небольшую рощу примерно в пятнадцати ярдах от главной дороги. Дом находится в конце этой дороги, примерно в пяти милях от съезда на грунтовку, которая не видна ни с шоссе, ни с одного из склонов горы».

Джулия от удивления открыла рот. Так куда же на самом деле направлялся ее пассажир? В какой-то неизвестный город в Техасе или все же в Колорадо? Может, он что-то напутал? Реклама на радио закончилась, и диктор сообщил:

– У нас появилась новая информация относительно продвижения холодного фронта на юг, но вначале последние новости из департамента полиции.

Джулия едва слышала голос комментатора, потому что сейчас она во все глаза смотрела на мужчину в телефонной будке, вновь охваченная этим странным тревожным чувством, от которого мурашки бегут по коже. Этот мужчина был ей знаком. Он стоял, повернувшись к ней плечом, но он снял очки и держал их в руках. И, словно почувствовав ее взгляд, он повернул к ней голову. Он прищурился, увидев развернутую карту, и в тот же миг Джулия ясно увидела его лицо без скрывающих его темных очков.

– Примерно в четыре часа дня, – сообщал голос по радио, – тюремные власти обнаружили, что осужденный за убийство Захарий Бенедикт сбежал, в то время как в Амарилло...

Словно завороченная, Джулия смотрела на его лицо.

И она узнала его.

– Нет! – воскликнула Джулия, когда он, бросив трубку, побежал к ней.

Стремительно обогнув машину, она рывком распахнула дверь со стороны водителя и, рыбкой нырнув на сиденье, нажала на кнопку блокировки пассажирской двери через долю секунды после того, как он распахнул дверь и схватил ее за запястье. От страха у нее утроились силы, и их хватило на то, чтобы высвободить руку и метнуться к противоположной двери. Она выскочила из машины, упала, больно ударившись бедром, потом вскочила на ноги и побежала. Снег скользил под ногами, ноги разъезжались. Джулия кричала, призывая на помощь, но при этом понимая, что вокруг нет никого, кто мог бы ее услышать. Она и пяти ярдов не успела пробежать, как он поймал ее, развернул к себе и притащил назад, к машине.

– Молчи и не дергайся! – приказал он.

– Возьмите машину! – рыдала Джулия. – Возьмите машину, а меня оставьте здесь!..

Не обращая на нее внимания, Зак оглянулся, посмотрел на карту, которую ветер отнес к контейнеру в пятнадцати футах от машины. Словно в замедленной съемке в кино, Джулия

смотрела, как он достал из кармана маленький черный предмет и нацелил на нее, при этом медленно пятясь в сторону контейнера, к которому ветер прижал карту. По-прежнему продолжая целиться в нее, он присел и поднял карту. Пистолет. Господи, у него был пистолет!

Все тело Джулии сотрясала неудержимая дрожь, а голос диктора немного запоздало предупредил:

– Бенедикт может быть вооружен и опасен. В случае если вам станет известно о месте его нахождения, немедленно позвоните в полицию. Гражданам не следует к нему приближаться. Второй сбежавший преступник, Доминик Сандини, арестован и взят под стражу...

У Джулии подкашивались ноги. Она смотрела, как он идет на нее с пистолетом в одной руке и картой в другой. В четверти мили отсюда на шоссе был виден свет фар проезжающих машин. Бенедикт опустил пистолет в карман, но рука его продолжала сжимать рукоять.

– Садитесь в машину, – приказал он.

Джулия бросила взгляд через плечо, заметив приближающийся мини-вэн, лихорадочно просчитывая, каковы ее шансы увернуться от пули и привлечь внимание водителя мини-вэна до того, как Захарий Бенедикт ее пристрелит.

– Даже не пытайся! – зловещим шепотом произнес он.

Джулия проводила взглядом мини-вэн – на перекрестке тот свернул налево. Сердце ее бешено колотилось. Она не посмела послушаться приказа. Не здесь, не сейчас. Инстинкт подсказывал, что этот пустынный участок дороги был не самым удачным местом для того, чтобы попытаться сбежать от вооруженного преступника. Здесь ничто не мешает ему пристрелить ее и скрыться на ее машине.

– Шевелись! – Он взял ее за предплечье и потащил к машине. Дверь со стороны водителя так и осталась открытой. В сгущающейся мгле зимнего вечера, окутанная снежным вихрем, Джулия Мэтисон, спотыкаясь, шла рядом с осужденным за убийство сбежавшим преступником, который держал ее под прицелом. У нее было леденящее душу ощущение, словно они оба попали в один из его фильмов, тот самый, где заложницу в финальной сцене убивают.

Глава 18

Руки ее так сильно тряслись, что Джулия не сразу смогла включить зажигание. Бенедикт бесстрастно наблюдал за ней с соседнего сиденья.

– Поезжай, – коротко бросил он, когда двигатель завелся.

Джулия каким-то чудом сумела развернуться, но, выехав с заправки, остановилась у съезда на главную дорогу. От ужаса все слова пропали, и она не могла задать элементарный вопрос.

– Я сказал, поезжай!

– Куда? – воскликнула она, ненавидя себя за жалобный, почти умоляющий тон, но еще больше – того, кто сидел рядом с ней и заставлял ее испытывать этот животный ужас.

– Назад, откуда приехали.

– На... назад?

– Я, кажется, довольно ясно выразился.

В это время, в час пик, машины на выезде из города двигались с черепашьей скоростью. В салоне напряженное молчание становилось невыносимым, удушающим. Отчаянно пытаясь успокоиться, унять нервную дрожь, ища и не находя выхода из ситуации, Джулия дрожащей рукой щелкнула переключателем, надеясь поймать другую радиостанцию, ожидая окрика с его стороны. Но он, как ни странно, не стал возражать. Диск-жокей фальшиво-жизнерадостным тоном объявил очередную песню в стиле кантри. Через мгновение в салоне зазвучала веселенькая песня под названием «Все мои «бывшие» живут в Техасе».

Пока Джордж Стрейт пел, Джулия разглядывала людей в машинах, ползущих рядом. Люди возвращались домой после работы. Мужчина в «эксплорере» в левом ряду слушал ту же станцию, что и она, выбивая пальцами на руле ритм песенки. Он взглянул в ее сторону, заметил, что она на него смотрит, и вежливо кивнул, после чего снова устался вперед, на дорогу. Джулия знала, что ничего неординарного он увидеть не мог, и если бы он сидел в синем «блейзере» там, где сидела она, все казалось бы абсолютно нормальным. Джордж Стрейт пел, и шоссе было забито автомобилистами, спешащими домой, как обычно, и падал снег, и это было красиво, как бывает красиво всегда, когда падает снег. Все было нормально.

За исключением одного.

Сбежавший убийца сидел рядом с ней, направив на нее дуло пистолета. И эта видимость уютной житейской обыденности в столь тесном соседстве со сводящей с ума реальностью, это невероятное сочетание несочетаемого вдруг вытолкнули Джулию из состояния ступорозной бездеятельности. Пробка рассосалась, движение набрало скорость, и отчаяние дало жизнь вдохновению. Они уже проехали мимо нескольких машин за обочиной, потерпевших аварию на скользкой дороге. Если ей удастся создать видимость, будто машину занесло вправо, а как только они съедут в кювет, вывернуть руль влево, ее дверь не успеет заклинить, тогда как он скорее всего уже не сможет выбраться со своей, пассажирской, стороны. Этот трюк наверняка получился бы, если бы она ехала в своей машине, но она не знала, как отреагирует на ее маневр «блейзер» с приводом на все четыре колеса.

Зак заметил, что она несколько раз быстро скосила взгляд вправо, к краю дороги. Он чувствовал ее растущую панику и знал, что страх может подвигнуть ее на самые отчаянные поступки.

– Расслабься! – приказал он.

И тогда вдруг Джулия почувствовала, что больше не может бояться. Запасы страха исчерпали себя, место страха занял гнев.

– Расслабься?! – дрожащим от гнева голосом повторила она, злобно посмотрев в его сторону. – Как, скажите на милость, я могу расслабиться, когда вы сидите тут и угрожаете мне пистолетом? Ну, скажите, как?!

Зак подумал, что в ее словах есть здравый смысл, и чтобы она, одурманенная страхом, не выкинула какой-нибудь фортель, который будет стоить ему свободы и скорее всего жизни, он должен помочь ей расслабиться. В конце концов, это было в их интересах.

– Просто сиди спокойно, – сказал он.

Джулия смотрела прямо перед собой. Машин на дороге постепенно становилось меньше, они ехали быстрее, и у Джулии появилась новая идея: не попробовать ли въехать в зад впереди идущей машины для создания настоящей «кучи-малы»? Гололед в данном случае будет ей в помощь. Разбираться с ДТП прибудет полиция, а именно это ей и нужно.

Но еще до того как появится полицейский наряд, Захарий Бенедикт успеет пристрелить и ее, и, возможно, кого-нибудь еще. А это уже не входило в ее планы.

Или все же рискнуть? Заряжен ли его пистолет? Хватит ли у него духу застрелить заложницу и того (тех), кто попытается прийти ей на помощь? Как быть? И словно подслушав ее внутренний диалог, он спокойно и сдержанно, тем назидательным тоном, каким взрослые говорят с орущими в истерике детьми, произнес:

– С вами ничего не случится, Джулия. Если вы будете делать все так, как я говорю, все будет хорошо. Мне нужно доехать до границы штата, и у вас есть машина. Все очень просто. Если только эта машина вам не настолько дорога, что вы готовы рисковать жизнью ради того, чтобы выкинуть меня из нее, все, что от вас требуется, – это ехать спокойно вперед, не привлекая внимание. Если нас остановят копы, стрельбы не избежать, и вы окажетесь между ними и мной. Так что будьте хорошей девочкой и расслабьтесь.

– Если вы хотите, чтобы я расслабилась, – огрызнулась Джулия, взбешенная его снисходительно-покровительственным тоном, – тогда отдайте мне свой пистолет, и я покажу вам, как надо расслабляться!

Она увидела, как он нахмурился. Внутри у нее все сжалось. Сейчас ей придется поплакаться за дерзость... Однако никаких действий с его стороны не последовало. Ничего, даже окрика. И вот тогда Джулия почти поверила в то, что он действительно не намерен причинять ей зла, по крайней мере до тех пор, пока она не спровоцирует его на применение оружия. Только сейчас Джулия осознала, что для нее еще далеко не все потеряно. Вполне вероятно, ей удастся выйти из машины живой. Если, конечно, она будет паинькой. С Джулией творилось что-то странное: чувства и эмоции сменяли друг друга с поразительной, противоестественной быстротой. Страх исчез, но при этом ярость разыгралась с новой силой. Она готова была убить своего мучителя.

– Я требую, – задыхаясь от гнева, проговорила она, – чтобы вы не разговаривали со мной, как с ребенком! И не называйте меня Джулией! Я была для вас мисс Мэтисон, когда думала, что вы любезный и порядочный мужчина, которому нужна работа и который купил эти... эти проклятые джинсы, чтобы произвести впечатление на работодателя. Если бы не эти чертовы штаны, я не влипла бы в эту идиотскую историю и не оказалась бы в такой, в такой... – К своему ужасу, Джулия вдруг почувствовала, как у нее защипало глаза. Она бросила на него взгляд, которым, как она надеялась, ей удалось выразить всю глубину своего презрения, и угрюмо уставилась на дорогу.

Зак, приподняв в недоумении брови, повернул голову и насмешливо посмотрел на нее. Он оставил ее монолог без комментариев. Впрочем, ей удалось растрогать его этим неожиданным проявлением храбрости. Машин на дороге стало существенно меньше, но со свинцового неба густо валил снег, превращаясь под колесами в вязкую мокрую жижу. Хочешь заставить Бога смеяться, расскажи Ему о своих планах, подумал Зак. Тот самый снегопад, который всего несколько часов назад представлялся Заку досадной помехой его планам, в итоге оказался ему

в помощь, потому что из-за снегопада полиция была вынуждена уделять повышенное внимание обеспечению безаварийного движения, и поимка сбежавшего преступника отошла на второй план. И еще судьба благосклонно поместила его не в маломощную арендованную машину с классическим задним приводом, которую на его глазах отбуксировал эвакуатор, а в этот мощный и тяжелый, с четырьмя приводными колесами автомобиль, способный хорошо держать покрытую ледяной коркой и занесенную снегом дорогу, ведущую к дому посреди леса в колорадских горах. Все эти задержки и осложнения, что так бесили Зака последние два дня, оказались, как он теперь понимал, подарком судьбы. Он теперь верил, что ему удастся добраться до Колорадо, и все благодаря Джулии Мэтисон. Мисс Мэтисон, мысленно поправил он себя и, усмехнувшись, расслабленно откинулся на спинку сиденья. Но благодущие его испарилось так же внезапно, как и возникло, потому что он вдруг вспомнил, что его смутило и насторожило в том выпуске новостей. Доминик Сандини был назван еще одним сбежавшим преступником, «который был арестован и взят под стражу». Если бы Сандини придерживался их с Заком плана, то надзиратель Хэдли должен был бы петь дифирамбы лояльности осужденного, получившего особые привилегии за примерное поведение, а не называть его «еще одним сбежавшим преступником».

Зак сказал себе, что произошла обычная накладка и в прессу просочилась неверная информация, и заставил себя сосредоточиться на сидящей рядом с ним разгневанной молоденькой учительнице. Верно то, что сейчас он отчаянно нуждался в ней и ее машине. Но также верно и то, что дальнейшее ее присутствие в его жизни создаст для него серьезные осложнения. Она, вероятно, уже знала, что он направляется в Колорадо – ведь какое-то время она изучала карту, – теперь вопрос: насколько хорошо она поняла и запомнила увиденное? Но он не исключал и того, что теперь благодаря этой девушке полиция может легко его вычислить и отыскать его тайное убежище. Если он отпустит ее на границе между Техасом и Оклахомой или чуть дальше на север от Оклахомы, на границе с Колорадо, она сможет сообщить властям о том, куда он поехал и на какой машине. Поскольку уже сейчас его физиономию показывали по всем телеканалам в стране, ни купить, ни взять напрокат машину без риска быть немедленно узнанным Зак не мог. И если она начнет давать показания вскоре после того как он отпустит ее на границе, уловка с двойником окажется бесполезной и ему не удастся выгадать столь нужное время, послав охоту по ложному следу: в Детройт, а оттуда в Канаду.

Судьба, милостиво послав ему Джулию Мэтисон, одновременно создала ему серьезные проблемы. Однако Зак научился не роптать на судьбу, и раз уж судьба свела их с Джулией вместе, пусть провидение и дальше решает их судьбу. Тут он был бессилен. Зато мог помочь им обоим расслабиться.

Достав с заднего сиденья термос, Зак решил попрактиковаться в ведении светских бесед, тем более что последнее замечание Джулии насчет его новых джинсов действительно возбудило его любопытство. Тщательно следя за тем, чтобы в голосе его не было ни намека на угрозу, он спросил:

– А что не так с моими джинсами?

Она растерянно на него взглянула:

– Что?

– Вы сказали что-то насчет моих джинсов, что, мол, они послужили единственной причиной того, что вы взяли меня подвезти, – пояснил он, наливая кофе в кружку, одновременно служившую крышкой для термоса. – С ними что-то не так?

Джулия подавила истеричный смешок. У нее жизнь висела на волоске, а его беспокоили вопросы моды!

– Так что вы имели в виду? – повторил он вопрос.

Она уже готова была дать ему гневную отповедь, когда внезапно до нее дошло, во-первых, то, что намеренно злить вооруженного мужчину – чистое безумие, а во-вторых, то, что ни

к чему не обязывающий разговор может его отвлечь, и тогда он, возможно, ослабит бдительность. Из чего следует, что ее шансы выйти из переделки живой значительно возрастут. Стараясь не выдавать голосом лишних эмоций и оставаться вежливой, Джулия, переведя дыхание и не отрывая взгляда от дороги, сказала:

– Я заметила, что они новые.

– И каким образом это связано с вашим решением меня подвезти?

Как ни старалась Джулия, ей не удалось скрыть горечи. Какая она все-таки наивная и сентиментальная дура! Как легко ее провести!

– Поскольку у вас не было машины и вы намекнули, что работы у вас тоже нет, я предположила, что у вас проблема с финансами. Потом вы сказали, что надеетесь получить новую работу, и я заметила, что вы в новых джинсах... – Джулия замолчала, с отвращением осознав, что согласилась подвезти не нищего, каким его считала, а кинозвезду с миллионным состоянием.

– Продолжайте, – сказал Зак. Голос его звучал несколько озадаченно.

– Господи, неужели не ясно! Я пришла к очевидному выводу! Я решила, что вы купили новые джинсы для того, чтобы произвести хорошее впечатление на своего нанимателя! И я подумала, как, должно быть, важна для вас эта работа, если вы пошли покупать эти джинсы чуть ли не на последние деньги... Я представила, сколько надежды вы на них возлагали, покупая их, и я... Я подумала, что ваша надежда рухнет, если я вас не подвезу. Я не могла смириться с тем, что вы упустите свой шанс из-за моего отказа.

Зак был тронут, если даже ему не хотелось себе в этом признаться. Она являла пример доброты и самопожертвования, которых не было в его жизни с тех пор, как он попал в тюрьму. Да и раньше, кажется, таких примеров он встречал не слишком много. Отринув эту мысль, он сказал:

– И вы пришли к такому глубокомысленному заключению, лишь заметив то, что я в новых джинсах? У вас поразительно хорошо развито воображение, – добавил он с сардонической усмешкой и качая головой.

– Очевидно, я и в людях совсем не разбираюсь, – с горечью констатировала Джулия.

Боковым зрением она заметила, что он шевельнул левой рукой, и едва не подпрыгнула, сдавленно вскрикнув, и лишь с опозданием поняла, что он всего лишь протягивал ей кофе. Тихим голосом, в котором угадывалось едва ли не желание извиниться за тот страх, что Зак на нее напустил, он сказал:

– Я подумал, что кофе вам не помешает.

– Мне нисколько не грозит уснуть за рулем. Спасибо вам.

– Все равно глотните немного, – сказал Зак, исполненный решимости успокоить ее страхи, даже если он сам и был источником этих страхов. – Это... – он помолчал, очевидно, подыскивая нужные слова, – это поможет создать видимость нормальности.

Джулия повернула голову и посмотрела на него так, что и без слов было ясно, какого она мнения об этой его «заботе». Она считала его проявление заботы не просто тошнотворно лицемерным, но и вообще... за пределами здравого смысла. Она хотела было все ему так прямо и высказать, но вспомнила о пистолете в его кармане, поэтому дрожащей рукой взяла кофе и принялась пить мелкими глотками, глядя прямо перед собой на дорогу.

Зак видел, как дрожит чашка в ее руке, как дрожат ее губы. Он испытывал глупое в своей сентиментальности желание извиниться перед ней за то, что так ее пугает. Он подумал о том, что у нее хорошенький профиль с маленьким носом и упрямым подбородком, с высокими скулами. И еще у нее были великолепные незабываемые глаза, особенно впечатлявшие его в те моменты, когда она метала в него гневные искры, как это было пару минут назад.

Запоминающиеся глаза. Он вдруг почувствовал угрызения совести из-за того, что использовал в своих целях эту невинную девушку, которая всего лишь пыталась быть доброй

самаритянкой. Еще большие угрызения совести мучили его из-за того, что он и впредь намеревался ее использовать по полной программе. Сейчас он чувствовал себя грязным животным, каким его и считали все окружающие. Чтобы умиловить совесть, он пообещал себе облегчить ее участь настолько, насколько это было в его силах, что привело его к мысли о том, что разговор следует возобновить.

Он заметил, что обручального кольца у нее не было, из чего следовало, что она не замужем. Он пытался вспомнить, о чем люди на воле говорят, когда хотят поддержать светскую беседу, и наконец спросил:

– Вам нравится преподавать?

Она снова повернулась к нему лицом. Ее необыкновенные глаза выдавали внутреннюю борьбу и с трудом подавляемое желание наглубить ему.

– Вы рассчитываете, – процедила она сквозь зубы, – что я буду вести с вами светские беседы?

– Да! – рявкнул он, испытывая необъяснимую с точки зрения нормальной логики ярость из-за того, что она не желала позволить ему заглавить свою вину. – Именно так. Говорите!

– Я люблю свою работу, – дрожащим голосом сказала Джулия, злясь на себя за то, что ему с такой легкостью удалось ее запугать. – Сколько еще вы хотите, чтобы я вас везла? – угрюмо спросила она, когда они миновали указатель, сообщавший о том, что до границы с Оклахомой осталось двадцать миль.

– До Оклахомы, – уклончиво сказал Зак, утаив правду всего наполовину.

Глава 19

– Мы в Оклахоме, – веско заметила Джулия, едва они проехали мимо указателя с соответствующей надписью.

Он бросил на нее мрачно-насмешливый взгляд:

– Я вижу.

– Ну? Где вы хотите выйти?

– Продолжайте ехать.

– Продолжать ехать? – воскликнула она истерично. – Послушайте, вы жалкий... Я не собираюсь везти вас до самого Колорадо!

Зак получил ответ на мучивший его вопрос. Она знала, куда он направляется.

– Я не стану этого делать! – дрожащим голосом заявила Джулия, не осознавая, что только что решила свою судьбу. – Я не могу...

Вздыхнув про себя при мысли о том, что без боя она не сдастся, он сказал:

– Нет, мисс Мэтисон, вы можете. И вы это сделаете.

Его безмятежно-спокойный тон стал последней каплей, переполнившей чашу ее терпения.

– Идите к черту! – закричала она, резко крутанув руль вправо еще до того, как он успел ее остановить. Джулия ударила по тормозам, резко остановив «блейзер» на обочине. – Берите машину! – взмолилась она. – Возьмите мой автомобиль, а меня оставьте тут. Я никому не скажу, что вас видела, я никому не скажу, куда вы едете. Клянусь, я никому не скажу!..

Зак призвал себя к спокойствию и попытался успокоить и ее, предприняв попытку пошутить.

– В фильмах заложники тоже обещают ничего никому не говорить, – заметил он и, словно невзначай, посмотрел через плечо на машины, пронесившиеся мимо. – Я всегда считал, что это звучит глупо.

– Мы не в кино!

– Но вы согласны, что это абсурдное обещание, – с едва заметной улыбкой возразил он. – Вы же это понимаете. Признайтесь, Джулия.

Шокированная тем, что он, очевидно, пытался ее поддразнивать, словно они были приятелями, Джулия уставилась на него в гневном молчании. Она знала, что он прав, что ее обещание звучит смешно и жалко, но она отказывалась в этом признаваться.

– Вы ведь не можете всерьез рассчитывать, что я поверю в то, что после того как я вас похитил и забрал вашу машину, вы, будучи мне несказанно благодарной, сочтете своим долгом держать слово, которое дали, находясь в безвыходном положении? Вам не кажется, что это звучит как-то странно?

– Вы хотите, чтобы я обсуждала с вами тонкости психологии, когда на кону стоит моя жизнь?! – выпалила она.

– Я осознаю, что вы испуганы, но вашей жизни ничто не угрожает, пока вы сами не создадите для себя проблем.

Возможно, сказалось нервное истощение, а может, дело было в особом тембре его голоса или в том, как он смотрел на нее в упор, не мигая, но Джулия почти ему поверила.

– Я не хочу, чтобы вы пострадали, – продолжал он, – и вы не пострадаете, пока вы не сделаете что-то такое, что может привлечь ко мне внимание или насторожить власти...

– И в таком случае, – желчно перебила его Джулия, выйдя из транса, – вы вышибете мне мозги своим пистолетом!.. Это очень меня успокаивает, мистер Бенедикт. Благодарю вас.

Зак держал себя в руках.

– Если копы попытаются меня арестовать, я не сдамся без боя, и им придется в меня стрелять. Если принять во внимание «бдительность» копов и их особый менталитет, то существует большая вероятность того, что вы погибнете в перестрелке. Я не хочу, чтобы это произошло. Вы меня понимаете?

Злясь на себя из-за того, что готова поверить ему на слово и подчиниться воле безжалостного убийцы, Джулия отвела взгляд и уставилась на дорогу.

– Вы действительно думаете, что можете убедить меня в том, что вы – сэр Галахад, а не убийца и злодей?

– Нет, я так не думаю, – раздраженно сказал Зак.

Поскольку Джулия не желала на него смотреть, он вздохнул и нетерпеливо бросил:

– Хватит дуться! Поехали! Мне нужно сделать звонок из придорожного автомата.

Как только в голосе его вновь зазвучал металл, Джулия поняла, что поступила глупо, не воспользовавшись предложенной им «мировой». Зачем она только пошла на конфликт? Как всегда, хорошая мысль пришла слишком поздно. Надо было усыпить его бдительность, сделав вид, что она смирилась и готова во всем ему подчиниться, подумала Джулия, вновь тронувшись в путь. В лучах фар плясали снежинки, и, глядя на этот танец, Джулия постепенно успокоилась. Теперь она могла, не паникуя, тщательно продумать все возможные пути выхода из ситуации. А выход надо было найти непременно. Потому что, как ни прискорбно, скорее всего, если она ничего не придумает, ей придется не просто довезти его до Колорадо, но и доставить до конечного пункта назначения, до того дома в горах. Для того чтобы осуществить задуманное, надо иметь ясную голову. Гнев и страх, как известно, не способствуют ясному мышлению. Значит, надо избавиться и от страха, и от злости. Тебе это по силам, напомнила себе Джулия. В конце концов, она не была оранжерейным цветком, который всю жизнь пестовали и холили. Первые одиннадцать лет жизни она провела на чикагских улицах и не просто выжила, а прекрасно там себя чувствовала! Покусывая нижнюю губу, она призывала себя посмотреть со стороны на то, что с ней приключилось. Будто бы она читает приключенческий роман. Читая такие романы, она часто думала, что героини ведут себя глупо, а ведь она сама совершила ту же ошибку, когда перечила своему похитителю. Умная героиня поступила бы совсем не так. Она бы проявила смекалку и хитрость и нашла бы способ усыпить бдительность Бенедикта. Пусть расслабится и думает, что ему неоткуда ждать подвоха. И тогда ее шансы на спасение и соответственно шансы на то, чтобы вернуть его обратно в тюрьму, где ему самое место, резко возрастут. И чтобы воплотить эту задумку в жизнь, она может притвориться, что считает этот кошмар захватывающим приключением. Возможно, она могла бы притвориться, что теперь заодно с ним. Конечно, для этого надо быть очень хорошей актрисой, но попытаться все же стоит.

И тогда Джулия вдруг обрела вожаемое спокойствие и решимость. И эта решимость начисто вымела из ее души страх. В голове прояснилось. Она выждала несколько секунд, прежде чем заговорить, позаботившись о том, чтобы внезапность ее капитуляции не вызвала у него подозрений. Сделав глубокий вдох и выдох, дабы окончательно успокоиться и придать голосу нужный оттенок подавленности, и даже умудрившись искоса взглянуть на Зака с печальной усмешкой, она сказала:

– Мистер Бенедикт, я верю в то, что вы не намерены причинять мне зло. Простите мне мой сарказм. Я просто была напугана.

– А теперь вы больше не боитесь? – не скрывая скепсиса, поинтересовался он.

– Боюсь, – торопливо заверила его Джулия, – но уже совсем не так. Именно это я хотела сказать.

– Могу я полюбопытствовать, чем вызвана столь внезапная трансформация? О чем это вы думали, пока молчали?

– О книге, – сказала она, посчитав, что эта почва достаточно безопасна. – О приключенческом романе.

– О том, который вы недавно прочли, или о том, который думаете написать?

Джулия открыла рот, но слова не шли на ум, и тут она поняла, что он, сам об этом не догадываясь, дал ей в руки средство к ее спасению, а себе едва не подписал приговор.

– Я всегда хотела написать книгу в жанре приключенческого романа, – на ходу сочиняла Джулия, – и мне пришло в голову, что то, что со мной сейчас происходит, можно считать погружением в тему.

– Понимаю.

Она бросила на него еще один взгляд и была поражена теплотой его улыбки. Этот дьявол мог обольстить самого змея-искусителя, подумала она, вспоминая то время, когда та же самая улыбка сияла с экранов кинотеатров, повышая температуру у всей женской аудитории.

– Вы поразительно храбрая молодая женщина, Джулия.

Она едва не напонила ему в раздражении о том, что он обещал называть ее мисс Мэти-сон, но вовремя спохватилась.

– На самом деле я ужасная трусиха, мистер...

– Меня зовут Зак, – перебил ее беглый преступник, и в бесстрастном тоне его голоса ей послышалась прежняя подозрительность.

– Зак, – торопливо согласилась она. – Вы абсолютно правы. Нам надо называть друг друга по именам, раз уж мы вынуждены какое-то время быть вместе...

– Еще некоторое время, – сказал он, и Джулия сделала над собой громадное усилие, чтобы скрыть свое разочарование и злость из-за его обтекаемого ответа.

– Какое-то время, – с готовностью согласилась она, стараясь не выдать голосом своих эмоций. – Ну, наверное, этого времени будет достаточно, чтобы вы помогли мне с моими предварительными изысканиями. – Джулия замолчала, думая, о чем бы его спросить. – Вы бы... Вы бы не могли прояснить меня насчет того, что представляет собой тюрьма изнутри? Это очень помогло бы мне с написанием книги.

– Вы серьезно?

Он сильно пугал ее этими едва уловимыми изменениями тона и интонаций. Никогда прежде ей не доводилось общаться с мужчиной или женщиной, способными передавать такое разнообразие оттенков смысла, модулируя тембр и тон голоса. Да и такого голоса, как у него, она никогда прежде не слышала. Бархатный баритон, способный мгновенно и непостижимо меняться, быть то вежливо-безразличным, то насмешливым, то ледяным, то зловещим. Отвечая на его вопрос, Джулия энергично кивнула и попыталась вложить в свой ответ как можно больше убежденности и энтузиазма. Столько, сколько требуется, чтобы растопить его скепсис.

– Еще как серьезно! – воскликнула она, вдохновленная мыслью, что сейчас как раз удобный момент, чтобы убедить его в том, что она на его стороне. – Я слышала, что в тюрьмах сидит много невинных людей. Вы, наверное, один из них?

– Каждый преступник заявляет о своей невинности.

– Понятно, и все же? – продолжала настаивать Джулия, умирая от желания услышать от него самого, что он считает себя невинным, чтобы потом сделать вид, будто ему поверила.

– Присяжные признали меня виновным.

– Суд присяжных тоже иногда ошибается.

– Двенадцать честных уважаемых граждан, – сказал он голосом, внезапно наполнившимся ледяным презрением, – решили, что я виновен.

– Наверное, они старались быть объективными.

– Черта с два! – выпалил он с такой яростью, что Джулия непроизвольно вцепилась в руль. Страх накатиł на нее с новой силой. – Они осудили меня за то, что я богат и знаменит! Я видел их лица на суде, и чем больше обвинитель распинался о моем стиле жизни и об отсутствии

морали в Голливуде, тем сильнее присяжные жаждали моей крови! Каждый из этой кучки ханжей и богобоязненных лицемеров понимал, что в моей виновности имеются «серьезные сомнения», и именно поэтому они не стали предлагать для меня смертную казнь. Им всем отравил мозги сериал «Перри Мэйсон» – они решили, что если я не убивал, то сам смогу узнать, кто это сделал, и доказать его вину.

Джулия почувствовала, что у нее на ладонях выступил пот, так подействовал на нее этот его гневный приступ. Теперь она еще отчетливее поняла, насколько важно, насколько жизненно важно для нее убедить его в том, что она ему сочувствует.

– Но вы ведь не убивали, верно? Вы просто не могли назвать того, кто убил вашу жену, и представить суду неопровержимые доказательства, так? – продолжала она гнуть свое дрожащим голосом.

– Какая вам разница? – зло бросил он.

– Для м-меня – большая.

Какое-то время он изучал ее профиль в ледяном молчании, а затем с его голосом произошла очередная внезапная перемена. И этот голос с пронзительной нежностью произнес:

– Если для вас это так важно, я скажу: я ее не убивал.

Разумеется, он лгал. А как же иначе?

– Я вам верю. – Пытаясь еще больше расположить его к себе, Джулия добавила: – И если вы невиновны, то имеете полное право попытаться вырваться из тюрьмы.

Ответом ей было долгое молчание, от которого Джулии стало не по себе. И во время этой затянувшейся паузы он пристально вглядывался в ее лицо. Очевидно, сделав для себя неизвестный ей вывод, он отрывисто произнес:

– Судя по указателю, впереди телефон. Как только заметите его, остановитесь.

– Ладно.

Телефонная будка находилась немного в стороне, и Джулии пришлось свернуть с дороги. В зеркало заднего вида она с надеждой смотрела назад, рассчитывая увидеть какой-нибудь приближающийся грузовик, которому бы она могла просигнализировать, но на занесенной снегом трассе машин было мало. Голос Зака резко вернул ее к действительности. Вытаскивая ключ из замка зажигания, он сказал с сардонической усмешкой:

– Надеюсь, вы не станете думать, что я сомневаюсь в правдивости вашего утверждения о том, будто вы поверили в мою невиновность и всей душой желаете мне сбежать от несправедливого правосудия. Я забираю ключи лишь потому, что от природы весьма предусмотрителен.

Джулия сама себе поразилась, когда, тряхнув головой, убежденно сказала:

– Я вас не виню.

Ослепив ее мимолетной улыбкой, он покинул машину, но руку продолжал держать в том кармане, где лежал пистолет, чтобы она не забыла о существовании оружия. И дверь со своей стороны он оставил открытой, вне сомнения, для того, чтобы, разговаривая по телефону, мог видеть, чем она занимается. Понимая, что в случае попытки к бегству он ее все равно догонит, а бежать быстрее пули ей тем более не удастся, Джулия решила пока ничего не предпринимать. Впрочем, можно было воспользоваться его отсутствием, чтобы сделать приготовления на будущее. Еще когда он выходил из машины, она, изобразив, насколько это было возможно, покорность, спросила:

– Вы не станете возражать, если я достану из сумочки бумагу и ручку и сделаю кое-какие заметки для будущей книги, пока вы говорите по телефону? Чувства, наблюдения? – Еще до того как он успел ей отказать, что, кажется, он намеревался сделать, Джулия боязливо протянула руку за сумочкой на заднем сиденье, лихорадочно обдумывая контраргументы, которые могла бы использовать на случай, если он откажет в просьбе. – Я всегда успокаиваюсь, когда пишу, – сказала она. – И вы можете обыскать мою сумочку, если хотите. Вы увидите, что у меня нет запасных ключей от машины и никакого оружия тоже нет.

В качестве доказательства Джулия предъявила ему открытую сумочку. Он бросил на нее взгляд, который яснее всяких слов говорил о том, что он не поверил ни единому ее слову, но сейчас ему недосуг с ней разбираться и он уступает ее просьбе лишь потому, что не хочет ее лишней раз заводить.

– Валяйте, доставайте, – сказал он.

И как только он отвернулся, Джулия вытащила из сумки маленький отрывной блокнот и ручку и быстро написала одно и то же сообщение на трех разных листках: «ВЫЗОВИТЕ ПОЛИЦИЮ. МЕНЯ ПОХИТИЛИ». Краем глаза Джулия видела, как Зак немного отвернулся, чтобы поговорить по телефону, и, быстро вырвав три исписанные странички, засунула их в наружный карман сумки, откуда легко могла их достать. После этого она вновь открыла блокнот и уставилась на чистый лист, лихорадочно обдумывая, каким образом может передать записки тем, кто мог бы прийти на помощь. И тут ее осенило. Быстро достав из кошелька десятидолларовую банкноту, она завернула в нее одну из записок.

Теперь у нее был план, и она начала его осуществление. Сознание того, что она каким-то образом контролирует ситуацию, помогло Джулии избавиться от остатков страха. Впрочем, страх исчез не только по этой причине. Интуиция подсказывала ей, что по крайней мере одно из сказанного ей Бенедиктом было правдой. Она безоговорочно верила в то, что он не желает ей зла. И следовательно, он не собирался ее пристрелить. На самом деле, если бы она попыталась сбежать от него сейчас, он бы погнался за ней, но стрелять в нее не стал бы, если только она не надумала бы остановить проезжающую машину. Поскольку машин не было, Джулия не видела смысла в том, чтобы пускаться в бегство сейчас, когда он легко мог ее догнать. Тогда он озлобится против нее, окончательно утратит к ней доверие, и все ее надежды на спасение разом рухнут. Разумнее с тактической точки зрения сделать вид, что она готова идти ему навстречу, чтобы он расслабился и забыл об осторожности. Может, Захарий Бенедикт и беглый преступник, но она совсем не та легковверная, пугливая девушка, которую разыгрывала до сих пор. Когда-то ей приходилось выживать в чикагских трущобах, лгать и воровать, и надеяться лишь на себя, тогда как с него, подростка, ставшего легендой кино, пылинки сдували. Если сейчас она будет постоянно об этом помнить, то сможет его переиграть, это точно! Ну, пусть не на все сто процентов. Если не терять головы, у нее есть отличные шансы выйти победительницей из этого поединка.

Взяв блокнот, Джулия начала писать какую-то льстивую чепуху о своем похитителе, на случай если он спросит ее о том, что она написала. Закончив марафет бумагу, Джулия перечитала написанное.

«Захарий Бенедикт бежит из заточения, куда попал из-за пристрастности суда присяжных. Он кажется интеллигентным, добрым, способным на теплые чувства человеком. Он – жертва обстоятельств, и я ему верю».

Брезгливо поморщившись про себя, Джулия решила, что в жизни ей не доводилось читать ничего хуже этого. Она была настолько поглощена своими мыслями, что испытала лишь легкий приступ страха, когда осознала, что он вернулся и садится в машину. Быстро закрыв блокнот и сунув его в сумочку, она вежливо спросила:

– Вам удалось дозвониться?

Бенедикт скептически прищурился – по-видимому, ее улыбка не внушала ему доверия, – и у Джулии возникло тревожное чувство, будто она слегка переигрывает, изображая дружеское к нему расположение.

– Нет. Но я попытаюсь вновь дозвониться примерно через час. – Джулия переваривала эту кажущуюся совершенно бесполезной информацию, когда он достал ее сумку и вытащил оттуда блокнот. – Вы же понимаете, что это необходимая мера?

– Понимаю, – с готовностью согласилась Джулия. Ее душил нервный смех, но при этом она испытывала досаду, глядя, как у него при чтении ее опуса отвисла челюсть.

– Ну? – сказала она, округлив глаза, изображая святую невинность. – Что вы скажете?
Он закрыл блокнот и сунул его обратно в сумочку.

– Думаю, что вы слишком наивны, чтобы жить в этом мире, если вы на самом деле во все это верите.

– Я очень наивна, – подтвердила она с жаром и, повернув ключ в замке зажигания, вывела автомобиль на шоссе.

Если он подумал, что она тупая и наивная, то это просто класс!

Глава 20

Следующие полчаса они проехали молча, если не считать нескольких отрывочных замечаний по поводу плохой погоды и ухудшающихся дорожных условий, но Джулия то и дело поглядывала направо, не появится ли на обочине рекламный щит, который позволит ей приступить к выполнению задуманного. Ее устроил бы любой стенд, рекламирующий ресторан фаст-фуда, к которому имелся удобный подъезд. Когда она наконец заметила то, что хотела увидеть, сердце ее забилось с удвоенной силой.

– Вы, вероятно, не захотите остановиться и зайти в ресторан, но я ужасно проголодалась, – заискивающе сказала она. – Впереди «Макдоналдс», видите щит? Мы могли бы взять там какой-нибудь еды, не выходя из машины.

Зак посмотрел на часы и, похоже, собрался ей отказать, но Джулия торопливо добавила:

– Я должна есть что-нибудь через каждые два часа, потому что у меня... – она на мгновение задумалась, лихорадочно подыскивая медицинский термин для проблемы, которой у нее не было, – гликемия! Простите, но если я не съем хоть что-нибудь, мне станет очень плохо и...

– Хорошо, заедем в «Макдоналдс».

Джулия едва не издала победный клич, когда после наклонного съезда с магистрали в поле зрения появилась желтая арка «Макдоналдса». Ресторан располагался между двумя незагороженными площадками, одна из которых была специально оборудована для детей.

– Мы как раз вовремя, – добавила она, – потому что у меня так кружится голова, что я просто не смогу больше вести машину.

Не обращая внимания на его многозначительный прищур, Джулия включила сигнал поворота и подъехала к ресторану. Несмотря на метель, на парковке стояло несколько машин, хотя совсем не так много, как хотелось бы Джулии. Сквозь стеклянную витрину она видела сидящих за столиками родителей с детьми. Следуя указателю, Джулия подъехала к окошку, где принимали заказы у водителей машин, и притормозила возле переговорного устройства.

– Что вам купить? – спросила она у своего похитителя.

До своего заключения Зак и ногой не ступил бы в ресторан быстрой еды вроде этого, даже если бы ему пришлось голодать весь день. Сейчас же он обнаружил, что у него потекли слюнки при одной мысли о гамбургере и порции жаренного во фритюре картофеля. Вот что делает с человеком свобода, подумал он после того, как сообщил Джулии, что будет есть. Свобода делает воздух свежее и еду вкуснее даже на слух. И еще свобода делает человека более напряженным и подозрительным, потому что было в этой слишком уж лучезарной улыбке его заложницы что-то такое, что заставило Зака сильно нервничать. Синие глаза ее смотрели вполне искренне и простодушно, и улыбалась она вполне ласково, но только слишком уж стремительными были ее превращения. И это последнее превращение из заклятого врага в верную подругу вызывало у него наибольшие подозрения.

Джулия повторила заказ в микрофон – два гамбургера, две порции жареного картофеля и две кока-колы.

– Пять долларов девять центов, – произнес голос из переговорного устройства. – Пожалуйста, получите заказ у первого окна.

Притормозив у окошка с номером «один», Джулия, заметив, что Зак полез в карман за деньгами, решительно мотнула головой и потянулась к сумке за бумажником.

– Я заплачу, – сказала она, глядя ему прямо в глаза. – Я настаиваю.

После недолгих колебаний он вытащил руку из кармана, но темные брови его остались насупленными.

– Это так... по-товарищески, – язвительно заметил он.

– Да, я хороший товарищ. Кого угодно спросите, – пролепетала Джулия, вытащив сложенную вдвое десятидолларовую банкноту с вложенной в нее запиской, сообщающей о ее похищении. Не в силах больше выдерживать его взгляд, Джулия поспешно отвернулась и сосредоточила внимание на девушке лет семнадцати в окошке выдачи, которая смотрела на нее с едва скрываемым раздражением и скукой. На бейдже девушки значилось имя Тиффани.

– Пять долларов девять центов, – сказала Тиффани.

Джулия протянула десятидолларовую банкноту, не сводя с девушки умоляющего взгляда. Вся жизнь ее зависела от этой девицы со скупающим лицом и волнистыми волосами, собранными в хвост. Джулия смотрела на нее и, словно в замедленном режиме воспроизведения, наблюдала за тем, как Тиффани развернула десятидолларовую банкноту... и маленький листок из отрывного блокнота спланировал на пол... Тиффани наклонилась и взяла с пола листок. Выпрямившись... надула пузырь из жвачки... и посмотрела на Джулию.

– Это ваше? – спросила она, протягивая ей листок, не читая.

– Я не знаю, – сказала Джулия, гипнотизируя девицу взглядом. «Прочти, что там написано! Сделай же что-нибудь! У тебя же есть тревожная кнопка!» – Возможно. А что там написано? – спросила она и едва не закричала, почувствовав, как Захарий Бенедикт стиснул ее предплечье и в тот же миг дуло пистолета уперлось ей в бок.

– Не стоит беспокоиться, Тиффани, – сказал он совершенно спокойно и, перегнувшись через Джулию, протянул руку в окно машины. – Это мое. Я хотел пошутить. – Девица взглянула на листок, но по выражению ее лица невозможно было понять, успела она что-нибудь прочесть или нет.

– Пожалуйста, возьмите, – сказала она и через голову Джулии передала листок Бенедикту.

Джулия, стиснув зубы, смотрела, как Тиффани порозовела от удовольствия, вознагражденная фальшивой улыбкой бывшей кинозвезды. Выдав сдачу с десяти долларов, она передала заказ в двух бумажных пакетах. Джулия машинально взяла пакеты с едой и кока-колой. В немом ужасе она глазами умоляла девушку вызвать полицию или позвать менеджера, сделать хоть что-нибудь! Она передала пакеты Бенедикту, не осмеливаясь встретиться с ним взглядом, и руки ее так сильно тряслись, что она едва не уронила напитки. Отъезжая от окошка, Джулия ожидала каких-то последствий своей неудавшейся попытки к бегству, но все равно оказалась неподготовленной к той дикой ярости, которая звучала в голосе Бенедикта.

– Маленькая кретинка! Ты что, пытаешься сделать все, чтобы тебя застрелили? Поезжай на стоянку и поставь машину так, чтобы она могла хорошо нас видеть. Она наблюдает.

Джулия подчинилась, не раздумывая. От страха дыхание ее было частым, неглубоким и неровным.

– Ешь! – приказал он, сунув ей гамбургер. – И улыбайся, не то я за себя не отвечаю...

И вновь Джулия подчинилась. Она жевала, не чувствуя вкуса еды, бросив все силы на то, чтобы успокоить расшатанные нервы и вновь обрести способность мыслить рационально. Напряженность в салоне автомобиля возросла настолько, что, казалось, превратилась в нечто живое и осязаемое. Джулия заговорила лишь для того, чтобы прервать ставшее невыносимым молчание.

– Можно мне взять колу? – спросила она, потянувшись к белому пакету с напитками у него в ногах. Он сжал ей запястье с такой силой, что у нее едва не хрустнули косточки. – Вы делаете мне больно! – воскликнула Джулия. Ужас накатил на нее с новой силой. Рука его сжалась еще сильнее, причинив ей еще больше боли перед тем, как, резко разжав пальцы, он отпустил ее запястье.

Откинувшись на сиденье, Джулия закрыла глаза и стала растирать руку, пытаясь унять пульсирующую боль. Еще несколько мгновений тому назад, до того как он осознанно причинил ей боль, она тешила себя иллюзией, полагая, что рядом с ней не безжалостный хладнокровный убийца, а, вероятнее всего, мужчина, который отомстил неверной жене в состоянии

аффекта, вызванного ревностью. Почему, в отчаянии спрашивала себя Джулия, она позволила себе поверить в то, что он не станет убивать женщину, которую взял в заложницы, или девочку-подростка, которая может поднять тревогу? Ответ на ее вопрос лежал на поверхности: потому что ее ввели в заблуждения воспоминания детства, воспоминания о глянцевах журналах, в которых печатали его фотографии и пели ему дифирамбы, о многих часах, проведенных в кино с братьями, восхищавшимися им и видевшими в нем кумира. В одиннадцать лет она не понимала, что особенного брата, их друзья и подруги находят в Заке Бенедикте, но, повзрослев, все отлично поняла. Кого мог оставить равнодушным мужчина с такой яркой внешностью? Как мог не покориť сердца юных зрителей тот, кто был независим, неприступен, сексуален, циничен и умен? А поскольку во время знаменитого суда Джулия находилась в Европе в летнем студенческом лагере, то все грязные подробности, которые могли омрачить полюбившийся экранный образ, прошли мимо нее. Постыдная правда заключалась в том, что она почти поверила его словам о невиновности, потому что тогда его побег обретал в ее глазах смысл. Каким-то непостижимым образом в Джулии уживались вера и неверие. Стремясь вырваться из лап опасного преступника, она втайне продолжала цепляться за веру в то, что кумир ее ранней юности был героем не только в кино, но и в жизни, и сейчас он всего лишь пытается восстановить справедливость, воюя один против всех, против целой системы. Возможно, она продолжала верить в то, что рядом с ней не злодей, а герой, лишь потому, что так было легче контролировать страх. Как бы там ни было, оставаться заложницей, будь то злодея или героя, она не хотела и не могла. Даже если он был неповинен в том преступлении, за которое его посадили в тюрьму, это не означало, что он станет с ней церемониться, если она попытается встать на пути к его свободе...

Джулия вздрогнула всем телом, когда зашуршал пакет на полу.

– Держи! – отрывисто произнес Зак, сунув ей в руку колу.

Не поворачивая головы, Джулия взяла напиток. Она смотрела прямо перед собой. Теперь она осознала, что для того, чтобы вырваться на свободу и при этом не допустить, чтобы по ее вине кто-то пострадал или погиб, ей остается одно: дать ему возможность без лишних осложнений сбежать в ее машине, но без нее. Что означало, что она должна выйти из машины на глазах у как можно большего числа людей. Она провалила первую попытку. Теперь он знал, чего от нее ждать. Возможно, он догадывается, что у нее хватит духу повторить попытку. Он не спустит с нее глаз. Так что если судьба даст ей второй шанс, то третьего уже не будет, потому что она до него не доживет. Но во всем надо уметь разглядеть хорошую сторону. По крайней мере теперь ни к чему притворяться и делать вид, что она на его стороне.

– Поехали! – бросил он.

Джулия молча включила машину и выехала на шоссе.

Четверть часа спустя он вновь велел ей подъехать к телефону-автомату и сделал еще один звонок. Он не произнес ни слова за все время, если не считать короткого приказа подъехать к телефонной будке. Впрочем, как подозревала Джулия, он прекрасно понимал, что ничем не может запугать ее сильнее, кроме этого зловещего молчания. На этот раз Бенедикт ни на мгновение не спускал с нее глаз, пока находился в будке. Когда он вернулся в машину, Джулия, взглянув в его невозмутимое лицо, не выдержала и, с надменным видом кивнув в сторону будки, сказала:

– Надеюсь, плохие новости?

Зак сдержал ухмылку. Бунт на корабле продолжался. За симпатичным фасадом скрывались упрямство, храбрость и злой язык. Вместо того чтобы сказать ей, что новости, напротив, очень и очень хорошие, Зак просто молча пожал плечами. Молчание сильно действовало ей на нервы, изводило ее, как он заметил.

– Отъезжаем, – сказал он, откинувшись на спинку кресла и вытянув ноги, рассеянно разглядывая ее красивые пальцы на руле.

Всего через несколько часов из Детройта через Виндзорский туннель в Канаду выйдет человек, очень похожий на Захария Бенедикта. На границе он устроит для таможенников спектакль, изображая нервность, так, чтобы они его хорошенько запомнили и уведомили власти США о том, что их сбежавший преступник, вероятно, пересек канадскую границу. Ближайшую неделю Зака Бенедикта будут искать в Канаде, а он тем временем сможет действовать в соответствии с заранее намеченным планом. В ближайшую неделю, похоже, ему ничего не остается, кроме как расслабляться и наслаждаться свободой. Казалось бы, Зак должен был радоваться заманчивой перспективе и предвкушать неделю благоденствия, если бы не его заложница, постоянно создающая проблемы. Она была единственным препятствием на пути к блаженству, и препятствием серьезным, поскольку подчинить ее оказалось совсем не так просто, как представлялось вначале. В настоящий момент она вела машину неоправданно медленно и бросала на него сердитые взгляды.

– В чем проблема?

– Проблема в том, что мне надо в туалет.

– Позже!

– Но...

Он посмотрел на нее, и она поняла, что спорить бессмысленно.

Через час они пересекли границу Колорадо, и он впервые за все время с ней заговорил:

– Впереди стоянка для дальнотойщиков. Подъезжай туда, и если все будет выглядеть нормально, мы там остановимся.

Заку показалось, что на стоянке слишком много народу, и прошло еще полчаса, прежде чем он нашел станцию техобслуживания, которая была относительно безлюдна. Его устраивало и то, что будка заправщика располагалась на островке между насосами и он мог заплатить за бензин, не заходя внутрь, а туалеты были с наружной стороны здания.

– Иди, – сказал он. – Медленно, – предупредил он ее, когда Джулия вышла из машины и направилась к двери в туалет.

Он схватил ее под руку, словно желая помочь пройти через сугроб. Снег хрустел под его ботинками точь-в-точь в ритм с ее шагами. Когда они дошли до туалета, вместо того чтобы отпустить ее руку, он распахнул дверь, и тогда Джулия сорвалась.

– Вы собираетесь войти со мной и смотреть?! – возмутилась она.

Не обращая на нее внимания, он обвел взглядом крохотную отделанную кафелем комнату, проверяя, нет ли окон, как она подумала, и, увидев, что окон нет, отпустил ее руку.

– Давай быстрее. И не вздумай совершить какую-нибудь глупость.

– Какую, например? Боитесь, что я повешусь на туалетной бумаге? Уходите, черт бы вас побрал! – Джулия прошествовала в уборную, и в тот момент, когда она закрывала дверь, ей пришло в голову самое очевидное решение проблемы: запереться на замок и не выходить. С победным чувством она повернула замок и в то же время резко захлопнула дверь, подпихнув ее плечом. Дверь с металлическим стуком ударилась о косяк, что было, безусловно, приятно, но замок, похоже, не захлопнулся, и у Джулии возникло тошнотворное ощущение, что он придерживает дверную ручку снаружи, чтобы не дать ей запереться изнутри.

По другую сторону двери он дернул ручку, и ручка повернулась в ее руке. В это же самое время из-за двери донесся его насмешливый голос:

– У тебя ровно девяносто секунд до того, как я открою эту дверь, Джулия.

Класс! Он к тому же был еще и извращенцем, подумала она, торопливо завершая то, ради чего, собственно, сюда и пришла. Она мыла руки под струей ледяной воды, когда он открыл дверь со словами:

– Время вышло.

Вместо того чтобы первым сесть в машину, он зашел Джулии за спину, держа руку в том кармане, где был пистолет.

– Заправь машину, – приказал он, прислонившись к автомобилю и наблюдая за ней. Джулия повиновалась. – Заплати, – добавил он, когда она заправила машину. Он старался держаться так, чтобы мужчина в будке не видел его лица.

Наблюдая за ней, глядя на ее резкие движения, напряженные плечи, Зак напомнил себе, что было бы намного полезнее хотя бы отчасти нейтрализовать ее враждебность, как он и намеревался вначале. Если он сможет поднять ей настроение, будет еще лучше. И потому он сказал с тихим смешком:

– Ты совершенно права. Мне все это начинает нравиться.

– Ублюдок, – ответила она.

Рассвет окрасил серое небо розовой дымкой, когда Джулия решила, что он наконец уснул. По настоянию Бенедикта она двигалась в объезд федеральных трасс по проселочным заметенным снегом дорогам. Не мудрено, что ехать приходилось с черепашьей скоростью. Трижды им пришлось простоять по несколько часов в пробках, вызванных ДТП. Тем не менее они пусть медленно, но все же продвигались на север. Всю ночь по радио передавали сообщения о побеге, но чем дальше в глубь Колорадо, тем меньше встречалось им полицейских постов. Казалось, тут его никто не ждал. Никому не могло прийти в голову, что беглец отправится не туда, где расположены основные транспортные узлы: аэропорты, железнодорожные станции, автостанции, а в сторону прямо противоположную. Несколько минут назад они проехали знак, оповещавший о находящейся на расстоянии пяти миль оборудованной стоянке для отдыха водителей большегрузных автомобилей, и Джулия молилась о том, чтобы эта стоянка не оказалась пустой. В противном случае тот единственный план, который она смогла родить за время бесконечной изматывающей езды по заснеженным дорогам, так и останется неосуществленным. План этот можно было назвать надежным лишь с большой натяжкой, но в ее положении без риска все равно не обойтись. План Джулии состоял в следующем: она заедет на площадку и, поравнявшись с каким-нибудь припаркованным грузовиком, резко нажмет на тормоза, а потом, выскочив из машины, станет громко кричать и звать на помощь: достаточно громко, чтобы разбудить спящих в грузовиках дальнбойщиков. На этом ее активное участие в операции заканчивалось. Дальше все будет как в кино. Привлеченные ее криками, богатырского сложения и брутального облика мужчины, вооруженные ружьями и кастетами, выскочат из своих машин и бросятся ей на помощь. Они повалят Захария Бенедикта на землю, разоружат его и вызовут полицию.

Джулия понимала, что события не обязательно будут развиваться по столь оптимистическому сценарию, но даже если ей удастся разбудить хотя бы одного водителя и он выберется из машины, чтобы проверить, почему она кричит, то ей все равно скорее всего удастся освободиться от Захария Бенедикта. Потому что только безумец стал бы дожидаться, пока она криком поднимет на ноги народ. И стрелять в нее тоже было бы бессмысленно. Только маньяк стал бы убивать следом за ней всех свидетелей, которые явятся на звук выстрела. Любая попытка с его стороны повторить живую финальную сцену из «Перестрелки в О.К. Коррал» была бы верхом глупости, а дураком Бенедикт никогда не был. И он не был похож на сумасшедшего маньяка. Следовательно, он скорее всего сорвется с места и укатит как можно скорее на ее машине, едва она закричит.

Джулия была настолько в этом уверена, что готова была поставить на кон собственную жизнь.

Она бросила на Бенедикта еще один пытливый взгляд, чтобы убедиться, что он спит. Руки у него были сложены на груди, длинные ноги вытянуты, а голову он прислонил к боковому окну. Дыхание у него было ровным и спокойным.

Он спал.

Воодушевленная Джулия медленно, постепенно отпустила педаль газа, не отрывая взгляда от показаний спидометра. Скорость с сорока пяти миль в час снизилась до сорока двух, затем очень медленно до сорока. Для того чтобы свернуть на площадку для отдыха без резкого изменения в скорости, которая могла бы насторожить и разбудить пассажира, ей надо будет ехать не быстрее тридцати миль в час, когда она окажется у съезда на площадку. Джулия держала скорость на сорока милях целую минуту, затем вновь чуть отпустила газ. Нога ее дрожала от усилия, направленного на то, чтобы сделать переход как можно более плавным и незаметным. Машина снизила скорость до тридцати пяти миль в час, и Джулия повернула ручку громкости на радиоприемнике вправо, чтобы, прибавив громкость, скомпенсировать более тихую работу двигателя на более низкой скорости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.